

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

14 2022
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 14 (409) / 2022

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досмубетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Николай Николаевич Алексеев* (1879–1964), русский философ, правовед.

Николай Николаевич родился в Москве в семье профессионального юриста. По окончании гимназии он поступил на юридический факультет Московского университета, однако его исключили из числа студентов за революционную деятельность и приговорили к шести месяцам тюремного заключения. После освобождения Алексеев уехал за границу, где продолжил свое образование в Дрезденском университете, а по возвращении на родину с отличием закончил юридический факультет Московского университета и остался на кафедре философии права.

После стажировки за границей (Берлин, Гейдельберг, Марбург и Париж) Алексеев защитил магистерскую диссертацию «Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов» и получил степень магистра государственного права. Он был избран экстраординарным профессором юридического факультета Московского университета, однако из-за революционных событий 1917 года утверждение было отложено.

Алексеев активно сотрудничал с Временным правительством; участвовал как специалист в подготовке Учредительного собрания, а в годы Гражданской войны был активным участником Белого движения. В то время он занимался изданием газеты «Великая Россия» и заведовал литературной частью отдела пропаганды Добровольческой армии. После поражения генерала Врангеля Алексеев вынужден был эмигрировать за границу, где некоторое время оставался вне сферы науки.

По приглашению Павла Ивановича Новгородцева Алексеев занял должность ученого секретаря юридического факультета Русского народного университета в Праге. Основное внимание в своей исследовательской и преподавательской деятельности в то время Николай Николаевич уделял вопросам философии права, которые впервые выделены им из общей теории права в самостоятельный круг проблем («Основы философии права»,

1924). С группой соавторов он работал над двухтомным трудом «Право Советской России» (1925). Продолжением исследований Алексеева в области истории и философии права стала книга «Идея государства. Очерки по истории политической мысли» (Нью-Йорк, 1955). Автор рассматривал основные политические доктрины, теории, верования, которые оставили глубокий след в развитии европейского политического сознания.

Русский мыслитель считается признанным главой евразийского государственно-правового направления. Он исходил из убеждения, что на огромной территории России — Евразии — справедливый порядок, стабильность и устойчивость могут быть обеспечены только в государстве, сочетающем в себе преимущества аристократического и демократического правления. Эта идея органично присуща народным массам. Страной должно управлять высокообразованное сознательное меньшинство в интересах широких народных масс. Такое меньшинство должно представлять собой что-то вроде духовного ордена, способного на моральное руководство народом. Оно вырабатывает государственный идеал и формулирует высшую религиозно-философскую истину.

Многие из идей, высказанные ученым почти сто лет назад, сегодня находят свое отражение в работах современных философов права. В частности, концепция евразийства претерпела значительные изменения и сегодня понимается в русле теории правовых систем и правового мышления.

Когда университет прекратил свое существование, ученый переехал вначале в Страсбург, а затем в Белград, где принял активное участие в движении Сопротивления. После окончания Второй мировой войны Николай Николаевич Алексеев получил советское гражданство, однако из-за обострения отношений между Тито и Сталиным переехал в Швейцарию, где прожил свои последние годы.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Акашев Ю. И., Кулагин Г. Д.

Саморегулирование в предпринимательской деятельности 143

Ануфренко Я. А.

О некоторых вопросах принципов деятельности органов прокуратуры Российской Федерации по рассмотрению обращений граждан 145

Архипова Ю. Е.

Историческое исследование возникновения института судебного следствия, сравнительный анализ его становления 147

Бобров Д. М.

Допустимость использования в качестве доказательства по уголовному делу результатов исследования с помощью полиграфа 150

Гармаш Ю. В.

Взыскать нельзя помиловать 153

Гасанов И. В.

Функциональное пространство конфликтов стадии предварительного расследования 155

Головкова А. В.

Конституционные основы защиты прав потерпевшего от преступлений 157

Данилкова А. А.

О некоторых проблемах возникновения права собственности в силу приобретательной давности 161

Деркова А. С., Сулейманова Э. И.

Проблемные аспекты в определении субъекта убийства матерью новорожденного ребенка .. 162

Дудникова Е. А.

Проблемы правового регулирования корпоративного управления в акционерных обществах в Российской Федерации 164

Дышокова А. Т.

Электронное правосудие в гражданском судопроизводстве: преимущества и недостатки 165

Зайцева А. Ю.

Пенсионная система в РФ: проблемы и пути решения 167

Иванов А. В.

Некоторые проблемы квалификации самовольного оставления части или места службы, предусмотренной статьей 337 УК РФ.. 170

Киселев И. А., Джафаров Н. К.

Государственно-частное партнерство в России как новый вид перспективных взаимоотношений 173

Ковалева Д. С.

Некоторые вопросы классификации административного иска 176

Куртуков Р. С.

Институт частных определений в механизме обеспечения законности 179

Латыпова Р. Р.

Незаконное перемещение наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров через таможенную границу ЕАЭС 181

Маловик С. Д.

Проблема правового регулирования технологий искусственного интеллекта в области дорожного движения 185

Маткаримов К. К., Шодманова М. Ф.

Отличительные особенности медиации и адвокатуры в Республике Узбекистан 187

Меркушев А. В.

Характеристика понятия «пробел в праве» 190

Михеева Ю. А., Харитонов И. В. Право социального обеспечения в эпоху цифровизации 192	Прошляков И. Д. Правовые основы деятельности корпорации развития малого и среднего предпринимательства как института развития 204
Насибуллин Р. И. Осуществление предпринимательской деятельности в глобальной сети Интернет без правового оформления 194	Прошляков И. Д. Сфера сотрудничества полиции и органов юстиции..... 205
Новичкова Д. Ю. Конкурсный подбор кадров на государственную гражданскую службу: проблемы и пути решения 196	Салиндер Л. Т. Уголовная ответственность за порчу земель... 207
Плахтий Е. В., Садыкова Д. Ю. Нормоконтроль как способ улучшения качества муниципальных правовых актов 199	Семёнова Ю. С. Обеспечение личной психологической безопасности сотрудников органов внутренних дел 209
Полищук М. Д. Проблемные аспекты подготовки и принятия нормативных правовых актов в субъектах Российской Федерации 201	Сыстерова Е. В. Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства в Российской Федерации 212

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Саморегулирование в предпринимательской деятельности

Акашев Юрий Игоревич, студент;

Кулагин Глеб Дмитриевич, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Саморегулированием предпринимательской деятельности является самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской деятельности. Её содержанием являются разработка и установление стандартов и правил, а также контроль за соблюдением требований. Саморегулирование осуществляется при объединении субъектов в саморегулируемые организации. На практике возникают множество проблем, в связи с чем актуальность не вызывает сомнений.

Ключевые слова: саморегулирование, саморегулируемые организации, предпринимательская деятельность.

Основополагающим нормативным актом в данной сфере является Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (далее — СРО) [1]. С момента принятия данного законодательного акта началось реформирование системы государственного регулирования предпринимательской деятельности, которое, по своей сути, продолжило процесс формирования рыночной экономики и снижения уровня влияния государства на рыночные процессы. Создание СРО в России поспособствовал В. С. Плещачевский, который активно продвигал и поддерживал данную идею как вариант лицензирования. Практика действия саморегулируемых организаций появилась в России на основании успешного зарубежного опыта, где гораздо раньше сложились такие традиции [4, с. 2142]. Однако, как отмечает А. Ф. Алгазина, саморегулирование было в практике нашего государства ещё в древности, когда купцы разделялись на корпорации и регулировали свою деятельность в сфере торговли. Также в XII-XV веках создавались артели, которые можно назвать аналогами саморегулируемых организаций [3, с. 92]. Ю. И. Ряжева рассматривает историю саморегулируемых организаций со времён Средневековья, когда торговцы объединялись в группы, которые занимались одним видом ремесла [7, с. 2].

Саморегулирование, как отмечают В. Н. Спиридонов и Т. А. Долженко, основано на следующих принципах:

1) добровольность, которая обеспечивается правом любого лица принимать участие в создании стандартов и правил;

2) гласность, которая реализуется на практике путём публикации проектов стандартов, обсуждениями и принятием замечаний для дальнейшего совершенствования;

3) равноправие, то есть участие без ограничений всех заинтересованных лиц;

4) единство, которое выражается в установлении правил и процедур, обеспечивающих единство всех уровней системы стандартизации, в обязательной проверке стандартов на их совместимость с уже действующими нормативными документами;

5) актуальность — обязательное соответствие стандартов общему уровню в данной сфере; б) ориентированность на общую выгоду и пользу [10, с. 23].

Непрерывно, есть множество плюсов саморегулирования. Саморегулирование позволяет достигать устойчивых экономических показателей с помощью объединения ресурсов отдельных предприятий для достижения общих целей. СРО становится базой для организации профильных курсов для работников малого и среднего бизнеса. Основой саморегулирования является инициативная деятельность членов, а, следовательно, постоянное развитие и совершенствование деятельности. А. Э. Захарова справедливо, на наш взгляд, замечает, что саморегулируемые организации позволяют сократить бюджетные расходы, снизить уровень коррупции, а также являются удачной альтернативой государственному контролю [5, с. 120].

Наиболее ярким и распространённым примером СРО являются строительные организации. В 2009 году решением Правительства РФ данный сектор полностью перешел на саморегулирование. Было отменено государственное лицензирование предприятий, вместо чего СРО стали выдавать своим членам допуски на виды работ. Государственное лицензирование в данной сфере было достаточно эффективным, стоимость лицензий была не-

высокой, а государственный контроль за исполнением требований лицензий достаточно успешно осуществлялся экспертами. К сожалению, большинство СРО, к которым перешли обязанности по выдаче допусков на виды работ и обязанности по контролю за исполнением требований выдаваемых допусков, не располагали ни необходимыми финансовыми ресурсами, ни специалистами. Поэтому логично, что отсутствовал хорошо отлаженный механизм выдачи лицензий и проверки их выполнения. Создание национальных объединений СРО строительного профиля эту проблему не решило [8, с. 25].

Сегодня многие предприниматели стараются использовать в своей деятельности принципы саморегулирования, но сталкиваются со множеством проблем и неопределённостей. В частности, многие предприниматели неверно трактуют суть саморегулирования, допуская произвол в своей деятельности и нарушение установленных правил. Также на практике происходит путаница между саморегулируемыми и некоммерческими организациями, что неверно. Они различаются по правовому статусу и по цели. Так, главная цель СРО — добросовестное выполнение своих обязанностей перед клиентами, защита интересов. Некоммерческие организации же, согласно формируются с целью достижения социальных, благотворительных, научных целей, направленных на сохранение здоровья, поддержки физической культуры, удовлетворения духовных потребностей.

Не все исследователи положительно оценивают практику применения данного института. Так, В. Н. Спиридонов и Т. А. Долженко называют положение в данной сфере плачевным, отмечая, что саморегулирование так и не стало фактором развития для предпринимательской деятельности, как это планировалось в идеале в ходе принятия закона в 2007 году. Исследователи замечают, что молодые субъекты предпринимательской деятельности способствовали развитию саморегулирования, перенимая зарубежный опыт, но всё же их опыт нельзя назвать в полной мере успешным. Основной задачей саморегулируемых организаций должно было стать повышение качества работ в результате обязательного внедрения самостоятельно разрабатываемой си-

стемы стандартизации, но это не всегда реализуется [9, с. 27].

СРО создавались, чтобы проблемы технического регулирования и контроля за исполнением стандартов и правил предприятиями реальных секторов экономики перешли на них с государства. Одновременно государство должно было переложить на них финансирование работ по техническому регулированию. Это не сложилось, к тому же, процессы передачи на СРО обязанностей по осуществлению технического регулирования и контроля за ним были проведены без должной подготовки передачи соответствующих организационных вопросов. Уже давно созданный, выверенный и проверенный государственный механизм решения проблем технического регулирования невозможно было сразу же заменить механизмом саморегулирования, причём сделав это качественно. Не были апробированы условия внедрения саморегулирования. Необходимо было постепенно передавать государственное управление в руки саморегулируемых организаций. Также во многом проблемы связаны с нарушением прав членов СРО. Для их решения необходимо усовершенствовать правовую базу, определить ответственность и исключить существующие недоработки законодательства. Необходимо согласиться с позицией А. Э. Захаровой, которая аргументирует, что такие изменения повысят качество услуг, а также престиж саморегулируемых организаций [6, с. 109].

Таким образом, институт саморегулирования является логичным проявлением деятельности предпринимателей, поскольку, безусловно, полный отказ от государственного регулирования невозможен в предпринимательской деятельности, и инициатива и самостоятельность очень важны в данной сфере. Саморегулирование позволяет предпринимателям самостоятельно осуществлять создание стандартов, правил, норм с соблюдением «золотой середины» в виде сохранения государственного контроля там, где он необходим. Это важно для развития экономики и защиты прав и интересов. Саморегулирование предпринимательской деятельности обладает множеством плюсов, несмотря на которые, в практике остаётся множество проблем и вопросов, которые необходимо решать.

Литература:

1. Федеральный закон от 01.12.2007 г. № 315-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.
2. Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
3. Алгазина, А. Ф. История возникновения и развития саморегулирования в России // Правоприменение. 2017. № 3. с. 90-99.
4. Ершова, И. В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: вопросы теории и законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. с. 2142-2151.
5. Захарова, А. Э. Правовые основы деятельности саморегулируемых организаций кредитных кооперативов в Российской Федерации // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2020. № 2 (44) с. 119-123.
6. Захарова, А. Э. Особенности ответственности членов саморегулируемых организаций оценщиков в Российской Федерации // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2019. № 5 (42). с. 108-112.

7. Ряжева, Ю.И. Генезис саморегулируемых организаций в России // Московский экономический журнал. 2018. № 5. с. 1-8.
8. Спиридонов, В.Н., Долженко Т. А. Отраслевой или региональный принцип СРО? Куда идет саморегулирование? // Век качества. 2018. № 4. с. 23-44.
9. Спиридонов, В.Н., Долженко Т. А. Почему саморегулирование плохо приживается в реальных секторах экономики? // Век качества. 2018. № 3. с. 24-36.
10. Спиридонов, В.Н., Долженко Т. А. К вопросу о теоретических основах саморегулирования // Век качества. 2016. № 2. с. 21-40.

О некоторых вопросах принципов деятельности органов прокуратуры Российской Федерации по рассмотрению обращений граждан

Ануфренко Яна Александровна, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Статьей 33 Конституции Российской Федерации закреплено право граждан на личное обращение, а также на направление индивидуальных, коллективных обращений в органы государственной власти или местного самоуправления» [1].

Закрепление в Конституции Российской Федерации права на обращения говорит о его значимости, поскольку положения Конституции имеют цель закрепления только лишь самых важных прав и свобод человека и гражданина, развитие которых происходит в иных нормативных правовых актах национальной законодательной системы [2].

Суть права на обращение заключается в том, что через обращения в государственные или муниципальные органы человек реализует свои неотъемлемые личные права: свобода выражения мнения, защита своих интересов, участие в управлении делами государства.

Также, с помощью права на обращения у человека реализуется возможность удовлетворить личные интересы, а также способствовать удовлетворению государственных и общественных интересов. Рассматриваемое право находится в тесной взаимосвязи с гражданским контролем за функционированием государственных органов и органов местного самоуправления, выполнением ими возложенных на них обязанностей, а также помогает бороться с разнообразными недостатками в их работе. У органов государственной власти, местного самоуправления, их должностных лиц в свою очередь присутствует обязанность в предусмотренном законом порядке и установленные сроки рассмотреть полученное обращение и принять по нему решение, которое будет законно и обоснованно, а также дать мотивированный ответ лицу, направившему обращение [3].

Как полагает Н.Ю. Хаманева, обращения граждан представляется возможным рассматривать с трех позиций: право на обращения выступает инструментом охраны свобод и законных интересов граждан; право на обращения выступает гарантией защиты свобод и законных

интересов граждан; право на обращения является способом восстановить нарушенные права и свободы [4].

Соотнося право на обращения с положениями статьи 29 Конституции Российской Федерации, которая закрепляет гарантии свободы мысли и слова, представляется возможным заключить, что возможность граждан обращаться в государственные и муниципальные органы может являться реализацией права на свободу слова.

Данная взаимосвязь дает возможность рассматривать право на обращение не только как личное право каждого гражданина, но и политическое право.

Говоря о реализации полномочий прокурора по рассмотрению и разрешению поступивших обращений, стоит четко понимать, на каких принципах основывается данный вид деятельности.

Анализируя положения теории прокурорского надзора, можно прийти к выводу, что под принципами, применительно к деятельности прокуратуры, следует понимать основополагающие начала, которые закрепляют сущность и предназначение системы органов прокуратуры, основанные на положениях Конституции Российской Федерации, Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [5] и других нормативных правовых актах.

Более узконаправленные принципы, применимые к конкретной сфере деятельности, рассмотрены в методических рекомендациях, подготовленных коллективом авторов Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2014 году. Учеными выделяются такие принципы, характерные для организации деятельности по рассмотрению обращений граждан: всеобщность права на обращение; свобода написания и направления обращения; гласность; полнота, объективность и всесторонность рассмотрения доводов обращения; законность; мотивированность ответа на обращения; комплексность принятия мер по доводам обращения [6].

По нашему мнению, данный список можно дополнить следующим рядом принципов: обязательность принятия обращения к рассмотрению; принцип ответственности.

Принцип обязательности принятия обращений к рассмотрению нашел свое закрепление в ст. 9 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», где определено, что обращение, поступившее в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в соответствии с их компетенцией, подлежит обязательному рассмотрению в установленные этим Законом порядке и сроки [7].

Кроме того, в п. 3.1. Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации, утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 30.01.2013 № 45, также указано, что обращения, поступившие в органы прокуратуры, подлежат обязательному рассмотрению [8].

Принцип ответственности за нарушение законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан. Этот принцип нашел свое закрепление в ст. 15 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», гласящей следующее: «Лица, виновные в нарушении настоящего Федерального закона, несут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации».

Нарушение порядка рассмотрения обращений граждан влечет административную ответственность, предусмо-

тренную ст. 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [9].

Следует обратить внимание на то, что действие данной статьи не распространяется на обращения граждан, связанные с нарушением прав граждан на информацию и порядка предоставления государственных и муниципальных услуг, ответственность за нарушение которых предусмотрена статьями 5.39 и 5.63 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Основаниями для решения вопроса о привлечении лица к административной ответственности за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан являются не только несоблюдение сроков рассмотрения обращения, но и нарушение порядка его регистрации, своевременность перенаправления обращения в иной орган или соответствующему должностному лицу, в компетенцию которых входит решение поставленных в обращении вопросов, всестороннее рассмотрение обращения и т. д.

Таким образом, представляется возможным заключить, что на современном этапе развития института рассмотрения обращений граждан органами прокуратуры существует разветвленная система принципов данной деятельности, которые условно можно поделить на общие (установленные федеральным законодательством) и внутриорганизационные (которые установлены организационно распорядительными документами и актами подведомственных прокуратур). Для развития данных принципов и совершенствования практики разрабатываются методические рекомендации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет — портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.02.2022)
2. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. М.: Норма, 2005. с. 168.
3. Тербилина, О. В., Цыбуленко М. Т., Сазанова О. В., Стаценко И. А., Гиль Е. Г. Организация работы с обращениями в органах прокуратуры Российской Федерации: Методические рекомендации. М., 2014. с. 30-35.
4. Савосина, Н. Г. О некоторых аспектах правового регулирования права граждан на обращение в органы государственной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 9. с. 22.
5. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 // URL: <http://pravo.gov.ru/>(дата обращения 29.01.2022);
6. Хаманева, Н. Ю. Конституционное право граждан на подачу обращений (проблемы законодательного регулирования) // Государство и право. 1996. № 11. с. 10.25
7. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ // URL: <http://pravo.gov.ru/>(дата обращения 29.01.2022);
8. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30.01.2013 № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (дата обращения 29.01.2022);
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 07.01.2002.

Историческое исследование возникновения института судебного следствия, сравнительный анализ его становления

Архипова Юлия Евгеньевна, студент магистратуры
Московский университет имени С. Ю. Витте

В статье автором проводится анализ этапов становления институтов судебного следствия в России, на основе исторических нормативных актов основных этапов развития судебной системы обобщены основные признаки и особенности развития судебного следствия. Исследуется историческое становление основных принципов судопроизводства. С учетом мнений ученых-правоведов сформулированы выводы относительно судебной власти в целом на исторических этапах ее становления. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития и совершенствования института судебного следствия на основе изучения исторического опыта.

Ключевые слова: *этапы становления судебного следствия, Русская Правда, Псковская судная грамота, Судебники, Соборное уложение 1649 г., нормативные правовые акты царского и советского этапов, устность, гласность, непосредственность, равенство прав сторон.*

Historical study of the emergence of the institution of judicial investigation, a comparative analysis of its formation

Arkhipova Yuliya Yevgenyevna, student master's degree
Moscow University named after S. Yu. Witte

In the article, the author analyzes the stages of formation of the institutions of judicial investigation in Russia, on the basis of historical normative acts of the main stages of the development of the judicial system, the main features and features of the development of judicial investigation are summarized. The historical formation of the basic principles of legal proceedings is investigated. Taking into account the opinions of legal scholars, conclusions are drawn regarding the judiciary as a whole at the historical stages of its formation. The conclusion is made about the need for further development and improvement of the institute of judicial investigation based on the study of historical experience.

Keywords: *stages of the formation of judicial investigation, Russian Truth, Pskov judicial charter, Judicial records, the Cathedral Code of 1649, normative legal acts of the tsarist and Soviet stages, oral, publicity, immediacy, equality of rights of the parties.*

Изучение истории становления и развития института судебного следствия немислимо без обращения к истокам его возникновения, берущим свои корни в глубокой древности. Воскобитова Л. А. отмечала, что судебная власть (как, впрочем, и иные виды государственной власти) исторически изменчива: в процессе ее развития меняются типы и организации в системе государственной власти, изменяется и тип осуществления судебной власти, а базовые, сущностные характеристики неизменны на всем протяжении существования государства и права [1, с. 94-99].

Учеными-правоведами закономерно выделяются четыре исторических этапа становления института судебного следствия: древнерусский (до XV в.), царский (дореволюционный) (XV — начало XX в.), послереволюционный (XX в.), современный (конец XX в. — настоящее время).

Общепризнанным законодательным памятником древнерусского права, имеющего нормативно-системное значение, является «Русская Правда» (10-11 вв.), источниками для которой послужили обычное право восточных

славян, Закон Русский, княжеская судебная практика, договоры Руси с Византией, византийское право. Принято различать три основные редакции «Русской Правды»: краткую, пространную и сокращенную, отсылающие нас к Правде Ярослава Мудрого, Правде Ярославичей, Уставу вирнику, Уставу мостнику, Уставу Владимира Мономаха. Из-за несовершенства законодательной техники древнерусского периода в Русской Правде не было разделения на уголовные и гражданские правонарушения; в отличие от эпохи Новгородской и Псковской судных грамот (14-15 вв.), не было представительства, соответственно, отсутствовали различия между уголовным и гражданским, следственным и обвинительным процессами. В судах Древнерусского государства, функцию которых исполняли князья единолично или с боярами, а также посадники, основными средствами установления истины выступали послухи, суды Божьи (жребий, крестное целование, ордалии) и акты; господствовал состязательный процесс, где стороны являются равными субъектами разбирательства. Различалось три основных стадии общей формы судебного процесса: установление сторон (истцы,

«суперники», сутяжники), производство суда, исполнение решений. Фактически Русская Правда представляла собой кодекс частного права, поскольку все ее субъекты являлись физическими лицами, понятие юридическое лицо в те времена закон еще не знал. Существует мнение, что «Суд в нашем Отечестве ровесник «Русской Правде», мы не можем с этим не согласиться. Именно в древние времена зародились такие предпосылки современных принципов судопроизводства как устность, гласность.

Нельзя оставить без внимания второй по значимости после Русской Правды памятник феодального права эпохи феодальной раздробленности на Руси — Псковскую судную грамоту (14-15 вв.), послужившую одним из главных источников для Судебника 1497 г., основополагающим принципом которой является принцип справедливости. Так, судья, вступая в должность, дает публичный обет «судить право по крестному целованию», т. е. следовать канонам христианства и последовательно воплощать волю Божию в своих действиях при рассмотрении конкретных дел и вынесении судебных решений. Псковская судная грамота впервые упоминает политические преступления, знает понятие вины и различает степени вины, закрепляет демократические принципы правосудия, вводит коллегиальный состав судов, развивает общие принципы организации и деятельности правосудия. Судебный поединок выступает средством разрешения возникшего спора, имеет четко определенные условия его проведения, определяет круг его участников, запрет на его осуществление при неравенстве сторон.

Для царского (дореволюционного) этапа становления института судебного следствия характерно разграничение гражданского и уголовного процессов. Правовыми памятниками данного этапа являлись Судебники 1497, 1550, 1589 гг., Соборное уложение 1649 г. Нам представляется, что особое внимание следует обратить на нижеследующий правовой акт, поскольку последующие являлись логическим его совершенствованием.

Создание централизованного государства диктует необходимость принятия документа, регулирующего отношения между властью и всеми слоями населения, в связи с чем, работа локальных законодательных актов каждого из удельных княжеств теряет необходимость. Централизованное Русское государство нуждается в единой нормативной правовой базе, которой и стал Судебник 1497 г., представляющий собой казуальную основу права, вводящий новую форму процесса и различающий старый обвинительный (состязательный) процесс, новый сыск, следственный, инквизиционный, розыскной процесс. Судебник содержит нормы уголовного и уголовно-процессуального права, устанавливает единую систему судебных органов, их компетенцию, подконтрольность и полную подотчетность великому князю, подчинение нижестоящих органов вышестоящим. Так, местные судебные органы проводили всю совокупность процессуальных действий, связанных с установлением обстоятельств совершенного лихого дела, в условиях современности соотносимого к понятию «пре-

ступление», а затем полученные сведения представлялись в вышестоящие суды, принимающие окончательные решения, то есть происходит формирование двухэтапной модели судебного разбирательства. Наличие такой модели позволяет сделать вывод о том, что местными судебными органами осуществлялось фактически судебное следствие, а вышестоящими судами — становление приговора. При рассмотрении дел соблюдался принцип состязательности сторон, с ходом протоколирования процесса. Все преступления делятся на несколько видов: имущественные, против личности, суда и государства. Судья наделен правом производства розыска в местности, где предположительно мог скрываться подозреваемый. Вводится понятие институтов официального и повального обыска. Развивается система доказательств; бесспорным доказательством является собственное признание обвиняемого, прототипом которой в настоящее время выступает явка с повинной. Прообразом суда присяжных в России служит понятие «лучшие люди», представляющее собой демократический элемент в судебной структуре, еще не отделенной от административного аппарата.

С принятием Соборного уложения 1649 г. образуется различие между судом и розыском, то есть уголовные дела по преступлениям, совершаемым неведомыми лихими людьми, судятся обвинительным процессом. Пассивная роль судьи в процессе становится все более активной. В розыске истцом выступает государство. Характерным отличием от древнерусского права является широкое развитие поручительства взамен ареста. В розыске сам суд изыскивает доказательства, судоговорение превращается в допрос и очную ставку. В качестве средств розыска выступают личное, повальный обыск, собственное признание и главное средство розыска — пытка.

Именной указ Петра I от 05.11.1723 «О форме суда» отменяет розыск, делает суд единственной формой процесса, регламентирует порядок судебного следствия. Впервые судебный приговор выносится по отдельным пунктам обвинения, основываясь на соответствующих («приличных») статьях материального закона. За применение ненадлежащего закона (решение дела «по неприличным пунктам») судья подвергается наказанию. Однако об отмене приговора ничего не говорится. Указ «О форме суда» не предусматривает еще таких этапов процесса, как прение сторон и заключительное слово подсудимого. Вводится устное судоговорение, расширяется судебное представительство, принимаются меры к предотвращению волокиты при рассмотрении дела.

Указом Правительствующего Сената от 26.06.1765 «О производстве дел уголовных, учиненных несовершеннолетними, и о различии наказания по степени возраста преступников» установлен 17-летний возраст, недостижение которого смягчает или устраняет наказание. Данным Указом отменяется устное судоговорение, устанавливается письменное производство, дела разрешаются по инквизиционному усмотрению судей. Судебное следствие представляет собой объяснения тяжущихся

или их поверенных, которые не ограничивались «ни обрядами, ни формами, для судебного установления» [2, с. 215].

В начале XIX в., с утверждением инквизиционных начал судопроизводства, фигура поверенного утрачивает свою роль, происходит отделение предварительного расследования от судебного разбирательства. Общие положения уголовно-процессуальной части Свода законов Российской империи 1832 г. определяют производство следствия о преступлениях к исключительной компетенции полиции. По Своду результаты досудебного производства имели решающее значение для суда, который рассматривал дело без устного и гласного разбирательства, основываясь на письменных материалах расследования [3, с. 59].

С принятием первого в истории России кодифицированного уголовно-процессуального документа Устава уголовного судопроизводства 1864 г. произошло разделение судебного разбирательства на отдельные этапы, впервые был введен этап судебного следствия. Судебное разбирательство начиналось с прочтения обвинительного акта, затем судьей излагалось существо обвинения, после задавался вопрос обвиняемому о признании вины. При признании вины суд переходил к судебным прениям, при отрицании — к исследованию доказательств на основе внутреннего убеждения судей. Судебное разбирательство приобретало розыскной и состязательный характер, вводилась гласность судебного следствия, устанавливалось участие общества в отправлении правосудия в лице присяжных и сословных представителей; был сформирован новый институт — адвокатура, устанавливался прокурорский надзор.

Революция 1917 г. породила хаос и государственный нигилизм в первые дни после большевистского переворота, что привело к полному кризису судебной системы. В качестве специфического источника права выступало революционное правосознание масс.

Первым правовым актом, направленным на создание советской судебной власти, стал Декрет о суде № 1 от 22.11.1917, установивший осуществление правосудия в стране созданными местными (народными) судами, состоявшими из профессионального судьи и двух народных заседателей, справедливо получивших прозвище в народе «кивалы», а также революционными трибуналами, задачей которых являлось осуществление противодействия контрреволюционным силам. Этим же Декретом были ликвидированы прокуратура и адвокатура, полностью упразднен дореволюционный институт судебных следователей. Следует отметить, что свидетелей в судебном заседании стали допрашивать поодиночке, в отсутствие недопрошенных свидетелей. За трибуналами закрепилось право сокращенного производства судебного следствия, допускающее отказ от допроса свидетелей, сводясь лишь к допросу обвиняемого.

Весьма емко о судебной системе советского периода высказался Кожевников М.В.: «Суд есть орган госу-

дарственной власти, а судебная деятельность — одна из функций государственного управления. Во всяком государстве суд играет огромную роль как орган охраны господствующего в данном обществе класса, как орган укрепления существующего государственного и политического строя» [4, с. 3].

Вышинский А. Я. определил суд как «орган классового насилия и господства» [5, с. 7]. Действительно, особенностью советского правосудия являлось наделение судов обязанностью установления истины не в тех пределах, в каких это хотели бы стороны или это нужно было бы для принятия правильного решения по делу, а в объеме нужном государству. Постановлением ЦИК СССР от 29.10.1924 утверждены «Основы судостройства Союза ССР и союзных республик», согласно которым основными задачами суда являлись: ограждение завоеваний пролетарской революции, рабоче-крестьянской власти и правопорядка ею установленного, защита интересов и прав трудящихся и их объединений, укрепление общественно-трудовой дисциплины и солидарности. Таким образом, судебные решения не выходили за рамки текущей политики государства.

По Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1923 г. именно суд осуществлял первостепенную роль в организации судебного следствия, определял порядок производства по делу, наделялся полномочиями проведения большинства процессуальных действий в рамках судебного заседания. Судебное следствие начиналось чтением обвинительного заключения по делу; также закреплялась возможность проведения в ходе судебного следствия экспертизы, осмотра места происшествия, исследования вещественных доказательств, оглашения письменных документов. Важнейшими принципами советского судопроизводства являлись: устность судопроизводства, гласность и публичность заседаний, оценка доказательств судьями по своему внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела; тайна совещательной комнаты.

Основа судебной системы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. — военные трибуналы.

После распада СССР в 1991 г., с принятием Конституции РФ 1993 г., естественной предпосылкой проведения реформирования уголовно-процессуального законодательства стало принятие в 2001 г. нового Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ), содержащего множество нововведений, но, тем не менее, многие нормы остались идентичными советскому УПК РСФСР. Судебное следствие сохранило за собой контрольно-проверочные функции по отношению к предварительному расследованию. Теперь порядок исследования доказательств строго регламентирован, и суд самостоятельно не вправе изменить очередность исследования доказательств. УПК РФ введен особый порядок судопроизводства по отдельным категориям дел, рассматриваемым в отношении несовершеннолетних, при применении принудительных мер медицинского характера, при назначении меры уголовно-правового

характера при освобождении от уголовной ответственности, в отношении отдельных категорий лиц (раздел 16). Основными чертами судебного следствия является рассмотрение дела с соблюдением общих условий судебного разбирательства: непосредственности и устности (ст. 240 УПК РФ), гласности (ст. 241 УПК РФ), неизменности состава суда (ст. 242 УПК РФ), равенства прав сторон (ст. 244 УПК РФ). У нас нет необходимости в перечислении всех нововведений в главу 37 УПК РФ «Судебное следствие».

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что современный институт судебного следствия прошел длительный путь формирования и становления, соединив в себе элементы древнерусского, царского, советского

и постсоветского периодов. Тем не менее, с целью обеспечения повышения эффективности судебной деятельности по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, требуется дальнейшее развитие и совершенствование института судебного следствия, как особого этапа судебного разбирательства.

Нам очевидна цикличность повторяемости развития истории. Мы полностью согласимся с мнением Уваровой И. А.: «Изучение исторического опыта развития уголовно-процессуального законодательства позволит избежать прошлых ошибок и сохранить в уголовном судопроизводстве положительно зарекомендовавшие себя процедуры» [6, с. 5].

Литература:

1. Воскобитова, Л. А. Суд и борьба с преступностью // Российский криминологический взгляд. 2005. № 1. с. 94-99.
2. История судебной системы в России: учебное пособие для студентов вузов по специальности «Юриспруденция» / [А. А. Демичев и др.]; под ред. Н. А. Колоколова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2017. с. 215.
3. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права. М., 2015. Т. 2, с. 59.
4. Кожевников, М. В. История советского суда 1917-1956 годы/Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; М. В. Кожевников. — М.: Госюриздат, 1957. с. 3.
5. Курс уголовного процесса: Судостроительство. Учебник для правовых вузов. Т. 1/Вышинский А. Я., Ундревич В. С. — М.: Сов. законодательство, 1934. с. 7.
6. Уварова, И. А. Уголовный процесс: учебный курс. Московский университет им. С. Ю. Витте, 2020. с. 5.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Комментарий к последним изменениям/Под ред. Г. Ю. Касьяновой (2-е изд., перераб. и доп.). — М.: АБАК, 2020. 352 с.
8. Шаталов, А. С., Крымов А. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: академический курс по направлению «Юриспруденция»: учебное пособие. М.: Проспект, 2018. 684 с.
9. Головкин, Л. В. Курс уголовного процесса: учебное пособие. М.: Статут, 2016. 1278 с.
10. О суде (№ 1: декрет СНК от 24 ноября 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. — 1917, № 4. с. 50.

Допустимость использования в качестве доказательства по уголовному делу результатов исследования с помощью полиграфа

Бобров Денис Максимович, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье автор на основе анализа научной литературы и судебной практики формулирует свою позицию о возможности использования в качестве доказательства по уголовному делу результатов исследования с помощью полиграфа.

Ключевые слова: доказательство, полиграф, доказательственное значение, судебная практика.

В последнее время в судебной практике все чаще можно встретить примеры придания судами статуса доказательства заключения эксперта или специалиста по результатам применения полиграфа (психофизиологического исследования). Практика применения полиграфа на территории СССР и России имеет давнюю историю. Впервые использование полиграфного устройства начал Комитет государственной безопасности СССР в 1975 году.

Более активно исследование на полиграфе в расследовании уголовных дел начали применяться в связи с принятием Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Исследование с помощью полиграфа в настоящее время приравнивается к психофизиологическому исследованию, результаты оформляются в виде заключения, то есть в виде предусмотренного частью второй статьи 74 Уголов-

но-процессуального кодекса Российской Федерации доказательств. Однако единого мнения в науке уголовного процесса по данному вопросу не имеется. Первая точка зрения предполагает дальнейшее применение результатов исследования с помощью полиграфа в качестве процессуального доказательства, вторая точка зрения напротив отрицает такую возможность.

Так, Байрамов Ф.Д., анализируя следственную практику, полагает, что результаты опроса с применением полиграфа являются доказательствами и их можно использовать при расследовании уголовных дел [1, с. 41]. Ученые-психологи Арпентьева М.Р. и Макаренко И.А. утверждают, что использование полиграфа позволяет обнаружить и исследовать следы событий, хранящиеся в памяти человека, которые имели место в его жизни, либо установить отсутствие таких следов, в связи с чем, экспертиза, в том числе с применением полиграфа, проведение которой осуществляется для установления наличия или отсутствия в памяти человека следовой информации имеет доказательственное значение [2, с. 22].

Апостолова Н.Н. считает вышеуказанную практику неправомерной [3, с. 65]. По мнению Китаева Н.Н., результат обследования на полиграфе не обладает таким свойством доказательства как достоверность, является опросом и не должно иметь силу судебных доказательств [4, с. 38], а практика использования его в отдельных случаях при постановлении приговора как доказательства противозаконна, однако имеющаяся тенденция требует вмешательства Верховного Суда Российской Федерации путем соответствующих разъяснений по данному вопросу [5, с. 7].

Как указывает Латыпов В.С. для признания результатов опроса с применением полиграфа доказательствами имеется ряд сложностей, которые он разделяет на сложности организационного характера (возможность оказания активного противодействия при внешнем согласии с прохождением опроса, отражение на достоверности исследования стресса, дискомфорта при креплении датчиков на теле опрашиваемого) и процессуальные сложности (отсутствие единой методики к проведению данного исследования, невозможность предупреждения полиграфолога об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение, так как сама процедура заключается в фиксации психофизиологических реакций опрашиваемого, вероятностный характер исследований). Ввиду этого, автор делает вывод, что информация, полученная с использованием полиграфа, не является доказательством, исследование не является судебной экспертизой [6, с. 18].

Ибрагимов А.К. считает, что поскольку полиграфическое исследование не застраховано от ошибок, говорить о формировании практики его использования как инструмента доказывания преждевременно [7, с. 4].

Как указывает Халиков А.Н. выводы исследования с применением указанного технического средства являются предположительными, так как основаны на интерпретации полиграфологом поступающих сигналов,

то есть главную роль в этом исследовании играет субъективный фактор, что противоречит основному принципу любой экспертизы — объективности. Кроме того, он полагает, что в данном случае опрос с помощью полиграфа противоречит статье 51 Конституции Российской Федерации, которая устанавливает право каждого не свидетельствовать против самого себя [8, с. 13].

Исаева Л.М. полагает, что применение результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа в качестве доказательства необходимо ограничить, сферой же практического применения этого метода следует признать выявление ориентирующей информации в ходе оперативно-розыскной деятельности [9, с. 42].

Как указывает Ушаков А.Ю. полиграфическое исследование по своему содержанию не может являться экспертным, поскольку в его рамках лишь фиксируется субъективное отношение человека к фактам [10, с. 42].

Неоднозначна в настоящее время и судебная практика по данному вопросу. Так, кассационным определением Верховного Суда Российской Федерации от 08.02.2011 № 72-О11-3 использование заключения психофизиологической экспертизы судом первой инстанции в качестве доказательства, подтверждающего виновность подсудимого, признано законным и обоснованным, поскольку оснований сомневаться в выводах эксперта, обладающего большим стажем экспертной работы, у суда кассационной инстанции не имеется, экспертиза была проведена на основании имеющейся методики осуществления психофизиологического исследования с применением полиграфа.

Однако можно привести и другую практику оценки судами психофизиологической экспертизы. Постановлением Президиума Самарского областного суда от 28.03.2019 № 44у-75/2019 заключение такой экспертизы было признано недопустимым доказательством, поскольку УПК РФ не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголовном процессе, данный вид экспертиз является результатом опроса с применением полиграфа, регистрирующего психофизиологические реакции на какой-либо вопрос, одним из способов проверки следственных версий, и ее заключение не может рассматриваться в качестве надлежащего доказательства. Аналогичный вывод содержится в определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 04.02.2020 № 77-79/2020, 77-80/2020. Из определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27.08.2020 № 77-1524/2020 следует, что выводы психофизиологической экспертизы — оценка показаний с точки зрения их достоверности, что не входит в полномочия эксперта, является прерогативой суда, в связи с чем она не может иметь доказательственного значения.

Семенов В.В., констатируя снижения количества решений судов, признающих доказательственное значение заключений полиграфологов, указывает, что в настоящее время рассматриваемые экспертизы, исходя из научно-методического обоснования метода исследования,

не дают суду убежденности в достоверности результатов [11, с. 10].

По мнению Арсентьевой С.С. и Савченко А.Н., каких-либо законных оснований для психофизиологической экспертизы с применением полиграфа действующим УПК РФ не предоставляется: в заключениях оценивается достоверность показаний, соотносимость с другими доказательствами по делу, что является компетенцией суда, в связи с чем, они не имеют юридической силы, законодательство не предусматривает применений полиграфа в уголовном процессе, выводы не могут быть признаны достоверными, поскольку отсутствует методика, которая исключает вероятностный характер суждений, влекущий их недопустимость [12, с. 58].

Действительно, проведение исследования с помощью полиграфа основано на регистрации реакций человека на прозвучавшую в соответствующем вопросе ситуацию путем определения параметров сердечно-сосудистой дея-

тельности, дыхания и другое. Однако различные реакции могут объясняться не только сопричастностью к преступлению или осведомленностью о нем, например связаны с фобиями человека, имеющимися в жизни человека положительными или наоборот отрицательными событиями. Таким образом, определить достоверность выводов исследования с помощью полиграфа не представляется возможным.

Соглашаясь с мнением большинства ученых-процессуалистов по данному вопросу, мы полагаем, что в целях исключения внедрения в судебную практику такого рода доказательств, которые не основаны не только на требованиях процессуального законодательства, но и не имеют под собой какую-либо научную основу, исключающую субъективную интерпретацию показаний, необходимо чтобы правовая оценка данного вопроса была дана Верховным Судом Российской Федерации в его руководящих разъяснениях.

Литература:

1. Байрамов, Ф. Д. Применение полиграфа/Ф. Д. Байрамов // Законность. — 2009. — № 8. — с. 40-42.
2. Арпентьева, М. Р. Проблемы и возможности применения полиграфологических исследований/М. Р. Арпентьева, И. А. Макаренко // Адвокатская практика. — 2018. — № 2. — с. 19-24.
3. Апостолова, Н.Н. Применение полиграфа в уголовном судопроизводстве/Н.Н. Апостолова // Российская юстиция. — 2012. — № 6. — с. 64-66.
4. Китаев, Н.Н. Психофизиологическая экспертиза — «незаконнорожденное дитя» ОРД/Н.Н. Китаев // Законность. — 2007. — № 3. — с. 37-40.
5. Китаев, Н.Н. Результаты опроса на полиграфе на могут иметь статус уголовно-процессуальных доказательств/Н.Н. Китаев, А.Н. Архипова // Российский следователь. — 2010. — № 3. — с. 5-7.
6. Латыпов, В.С. Психофизиологическое исследование с применением полиграфа как непроцессуальная форма использования специальных знаний/В.С. Латыпов // Адвокат. — 2017. — № 3. — с. 16-20.
7. Ибрагимов, А.К. Детектор лжи: правовые аспекты использования/А.К. Ибрагимов // ЭЖ-юрист. — 2017. — № 26. — с. 4.
8. Халиков, А.Н. Соотношение криминалистических и процессуальных задач при проведении специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа/А.Н. Халиков // Российский следователь. — 2016. — № 4. — с. 12-16.
9. Исаева, Л.М. Практика использования полиграфных устройств/Л.М. Исаева // Законность. — 2008. — № 3. — с. 38-42.
10. Ушаков, А.Ю. О перспективах использования в судебно-следственной практике возможностей психофизиологических исследований, произведенных при помощи полиграфа/А.Ю. Ушаков // Российский следователь. — 2015. — № 7. — с. 10-14.
11. Семенов, В.В. Использование результатов исследований в применении полиграфа в доказывании по уголовным делам/В.В. Семенов // Российский следователь. — 2020. — № 10. — с. 8-12.
12. Арсентьева, С.С. Заключение эксперта или специалиста по результатам тестирования с использованием полиграфа не является доказательством в уголовном судопроизводстве/С.С. Арсентьев, А.Н. Савченко // Российский судья. — 2020. — № 3. — с. 56-59.

Взыскать нельзя помиловать

Гармаш Юлия Вадимовна, юрист
ООО «Интеллектуальные решения» (г. Санкт-Петербург)

Согласно данным Центрального банка России, в 2021 году доля микрофинансового рынка вернулась к динамике 2017-2019 годов, это означает, что уровень потребительской заинтересованности в микрофинансировании стал значительно ниже, нежели в период пандемии.

Тем не менее, спрос на рынок микрофинансирования не покидает Россию. По состоянию на 03 апреля 2022 год количество зарегистрированных микрофинансовых и микрокредитных организаций составляет 1280 штук [2], почти 300 МФО и МКК зарегистрированы за последние 2,5 года.

Деятельно микрофинансовых и микрокредитных организаций абсолютно законна и легальна, регулируется Федеральным законом «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 02.07.2010 № 151-ФЗ.

Однако требования, предъявляемые к заёмщикам в МФО и МКК, гораздо ниже, чем у банков. В этой связи в последние 10 лет возникает всё больше правовых проблем, вызванных деятельностью микрофинансовых организаций.

Основной проблемой является большое количество микрозаймов, оформленных мошенническим путём.

На текущий момент для того, чтобы заключить договор на предоставление микрозайма, заёмщику необходим только паспорт, номер мобильного телефона и краткие сведения о заёмщике, включающие в себя данные о семейном положении, месте работы и месте жительства.

Микрофинансовые организации не обладают возможностью достоверно проверить указанную в анкете информацию и, в отличие от банков, договор на предоставление микрозайма заключается в режиме онлайн, следовательно, сотрудники МФО и МКК не могут достоверно проверить соответствие предоставленных документов с личностью заёмщика.

В открытом доступе находится не менее 2,24 млн записей с паспортными данными, номерами СНИЛС и сведениями о трудоустройстве россиян [3].

Утечка персональных данных — огромный и неконтролируемый пласт современного Интернета, утечка может происходить посредством хакерских атак на различные сайты, в которых требуется указание паспортных данных пользователей.

Также подобные организации указывают в договоре на предоставление займа, что доказательством волеизъявления заёмщика является протокол аналога собственноручной подписи, согласно которому договор займа был подписывается простой электронной подписью, с помощью использования SMS-сообщения [5].

Опять же, невозможно достоверно установить принадлежит ли номер мобильного телефона заёмщику или третьему лицу.

В соответствии со ст. 808 ГК РФ в подтверждение договора займа и его условий может быть представлена расписка заемщика или иной документ, удостоверяющие передачу ему займодавцем определенной денежной суммы или определенного количества вещей.

МФО и МКК на стадии судебного разбирательства не могут предоставить бесспорных доказательств передачи заёмных средств именно заёмщику, указанному в анкете на предоставление займа.

Вследствие недостаточного контроля при подписании кредитных договоров, граждане не знают и не могут знать о том, что на их имя взят микрозайм или даже несколько.

Анализ судебной практики по аналогичным делам показывает нам, что на одного гражданина могут взять практически неограниченное количество займов. Об их наличии человек узнаёт только при получении судебной повестки (в лучшем случае), а в худшем — при возбуждении исполнительного производства.

Как показывает практика, сами МФО и МКК не вступают в судебные споры с заёмщиками. Для этих целей существуют коллекторские агентства, которые занимаются взысканием задолженности.

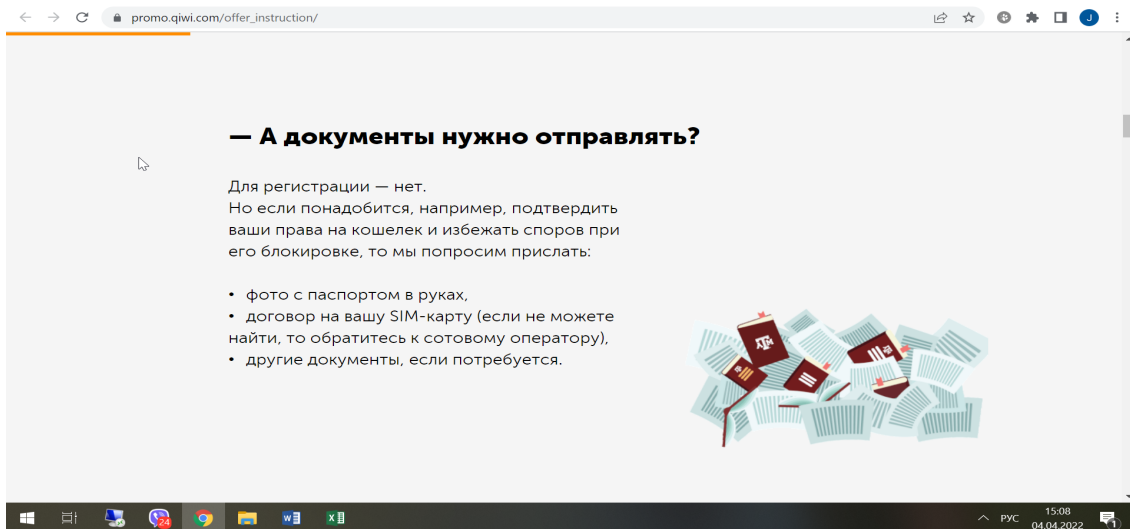
Цель создания таких агентств — взыскание просроченной задолженности на этапе досудебного урегулирования, а также ведение судебного производства.

Правовые отношения банков и финансовых организаций с коллекторскими агентствами регулируются заключёнными между ними договорами цессии.

Согласно открытым данным на портале мировых судей города Москвы <https://mos-sud.ru/>, по иску коллекторского агентства ООО «Айди Коллект» в картотеке имеется более 4 тысяч дел. Это только минимум того, сколько судебных дел находится и находились в производстве судов города Москвы по искам коллекторских агентств.

Все указанные выше аспекты говорят о том, что несмотря на то, что законодатель уже не первый год пытается контролировать деятельность микрофинансовых организаций и коллекторских агентств, многие граждане всё равно попадают в руки мошенников и вынуждены самостоятельно вести судебные процессы, обращаться за помощью к юристам и нести определённые издержки, связанные с получением юридической помощи.

Несмотря на то, что многие микрофинансовые организации на момент написания статьи — апрель 2022 год, требуют, чтобы банковская карта была оформлена на заёмщика, они также оставили один из возможных способов получения денежных средств — Qiwi кошелек.

Согласно политике сервиса Qiwi кошелек для регистрации паспортные данные не требуются. То есть, мошенники могут зарегистрировать неограниченное количество аккаунтов и таким образом вывести денежные средства.

Граждане, пострадавшие от утечки данных, опять же оказались в ловушке.

Круг замкнулся. Проблема всё в том же — получение займов онлайн. От этого аспекта страдают все стороны:

— «заёмщик», который таковым не является — издержки на юридические услуги, испорченная кредитная история, моральный ущерб;

— МФО и МКК — отсутствие платежей по возврату займа по кредитному договору;

— судебные органы (в особенности судебные участки мировых судей) — огромная нагрузка на участки, однотипные дела, которые пачками приходят сначала в порядке приказного производства, потом, когда Ответчик отменяет судебные приказы — в порядке искового.

Литература:

1. Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 02.07.2010 г. № 151-ФЗ.;
2. Реестры субъектов рынка микрофинансирования. — Текст: электронный // ЦБ РФ: [https://cbr.ru/]. — URL: https://cbr.ru/microfinance/registry/(дата обращения: 04.04.2022).
3. Бегтин, И. Утечки персональных данных из регулируемых государством информационных систем. Часть 1. Удостоверяющие центры/И. Бегтин. — Текст: электронный // Иван Бегтин Блог: [https://begtin.tech/]. — URL: https://begtin.tech/pdleaks-p1-uc/(дата обращения: 04.04.2022).
4. https://mos-sud.ru.
5. Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об электронной подписи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022). — Текст: электронный // Консультант +: [http://www.consultant.ru/]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/1d9a7d8c65fe414edd67eca8acfa41bdbe52ba1/(дата обращения: 04.04.2022).

С другой стороны, деятельность по борьбе с мошенническими действиями подведомственна полиции, и казалось бы, это они должны осуществлять непосредственную борьбу с подобными преступлениями, которые попадают под статью 159 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Однако, по личному опыту автора, полиция на подобные заявления отвечает отказом в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления.

Автор настоящей статьи предлагает на законодательном уровне ужесточить политику получения микрозаймов, чтобы избежать обеим сторонам сделки столкновения с мошенниками.

Одним из вариантов может быть **единоразовое** личное посещение офиса МФО или МКК, с целью удостоверения личности заёмщика и создания личного кабинета.

Данные изменения автор настоящей статьи предлагает внести в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 02.07.2010 № 151-ФЗ.

Функциональное пространство конфликтов стадии предварительного расследования

Гасанов Илья Вагифович, студент магистратуры
Омский филиал Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

В статье автор анализирует основные и дополнительные функции конфликта, который возникает на стадии предварительного следствия, чтобы показать продуктивность, как профилактики, так и разрешения подобного рода конфликтов в целях эффективного расследования.

Ключевые слова: конфликт, расследование, функции, коммуникации.

Конфликт, возникающий при производстве по уголовному делу, — совершенно особый тип юридического конфликта, отличающийся от прочих его видов объективными причинами возникновения. Соответственно, выполняемая подобного рода конфликтом функциональная нагрузка, является уникальной.

В свою очередь Н.Ю. Лебедев, отмечает, что конфликты, возникающие в ходе предварительного расследования, являются конкретным динамическим выражением противоречий, возникающих между лицами, участвующими в производстве по уголовному делу. Подобный конфликт обнажает функциональные различия сторон, появляющиеся в течение всего хода предварительного расследования [2, с. 168].

Одни из этих функций реализуются сами собой независимо от воли, внимания участников конфликта, другие могут быть выполнены лишь при определенных условиях, в числе которых желание субъекта и его умение воспользоваться открывающимися возможностями, что формирует дополнительный функционал конфликтного поля как надстройку к базисным проявлениям.

Важно отметить, что конфликт стадии предварительного расследования становится продуктивным и полезным, если он имеет направленность на достижение непосредственных целей предварительного расследования и возникает из-за необходимости учесть интересы всех сторон [3, с. 240].

Функциональное пространство конфликтов стадии предварительного расследования можно охарактеризовать как сочетание основного и дополнительного функционала, рождаемого конкретными юридическими ситуациями на фоне развития конфликта.

Основной функционал представляет собой непосредственную работу над определенной конфликтной ситуацией, которая должна быть разрешена, иначе расследование потеряет необходимую степень эффективности, как в юридическом, так и социальном качестве.

Следовательно, в качестве основного функционала можно назвать такие функции конфликтов предварительного расследования:

1. Интегративная функция как объединение усилий участников конфликта с каждой стороны, чтобы достичь целей, предполагаемых уголовным судопроизводством.

Как только интеграция усилий затрагивает все стороны конфликта и направляет их действия на достижение результата, конфликт получает возможность реализоваться как разрешенный. Разрешенный конфликт на стадии предварительного расследования представляет собой конструктивную базу для дальнейшего хода дела.

2. Профилактическая функция как непосредственное урегулирование противоречий участников конфликта на самом раннем этапе их зарождения. То есть, чем тоньше настройки участников предварительного расследования относительно друг друга и общей цели уголовного судопроизводства, тем продуктивнее будет их коммуникация в целом. Очень важно зарегистрировать самое незначительное противоречие и разрешить его незамедлительно, чтобы оно не переросло в полноценный конфликт с высоким уровнем напряженности, который в свою очередь формирует и высокую степень значимости отстаивания исключительно собственной точки зрения. Подобная сосредоточенность не позволяет эффективно управлять конфликтом и вести продуктивный диалог, в том числе и на основе взаимных уступок, зато быстро переводит состояние конфликта до состояния открытой вражды, в рамках которой даже рациональный довод любой из конфликтующих сторон, игнорируется по определению [1].

Данная функция показывает необходимость выстраивания позитивных коммуникаций между участниками предварительного расследования, ведь разрешение одного конфликтного противоречия, предотвращается возможность возникновения новых конфликтных следственных ситуаций.

3. Демонстративная функция как функция отражения правовой действительности с помощью выявления несовершенств и пробелов уголовного, уголовно-процессуального или оперативно-розыскного законодательства, а также следственной практики [2, с. 169].

Подобная демонстрация позволяет зарегистрировать сам факт необходимости внесения изменений на уровне действующего законодательства, которые позволят в дальнейшем усовершенствовать уголовно-процессуальную деятельность в разрезе реализации прав всех участников стадии предварительного расследования. Кроме того, особая важность данного демонстратив-

ного функционала заключается в том, что оно маркирует те нормы уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, которые важно уточнить или дополнительно разъяснить, например, через Конституционный суд РФ, если дело касается соответствия нормы основному закону РФ.

Это отличная функциональная основа для развития и совершенствования определенных областей права, которые должны соответствовать не только самой правовой основе, но и времени, которое вносит свои коррективы в представление о правовом факте, его статусе и реализации в социуме.

4. Регулятивная функция как возможность выработать определенный пул управленческих решений. Эта функция возникает в ходе коммуникационных процессов как позитивного, так и негативного свойства между участниками. Выработываемые управленческие решения позволяют через воздействие на следственные отношения субъектов, прекращать не просто конкретную юридическую ситуацию, ставшую конфликтом в определенный момент предварительного расследования, но и регулировать возможный конфликт на любой стадии производства по уголовному делу, опираясь на уже достигнутый уровень управления конфликтной ситуацией. Подобная функция всегда находится в активном состоянии, поскольку ее механизм заключается именно в проявлении регуляторов, а не в том, чтобы приступить к регулированию в острый момент уже раскрывшегося противоречия.

В качестве дополнительного функционала можно рассматривать такие возможности в рамках урегулирования конфликтных ситуаций как:

1. Инновационные разработки, которые представляют собой результат поиска новых методов и средств разрешения конфликтов в рамках следственных ситуаций. Необходимость найти решение конфликта способствует творческой инициативе, стимулированию роста квалификации, поиску новых эффективных средств снятия напряженности и конфликта.

Невозможность быстро и легко разрешить противоречие требует изучения передового опыта, научных выводов в области юриспруденции или смежных областей, возникает потребность рассмотреть тактико-криминалистические и психологические рекомендации по производству отдельных следственных и иных процессуальных действий, проанализировать следственную практику и т. д. Все это приводит к расширению квалификационных

горизонтов участников конфликтной ситуации и обуславливает профессиональное совершенствование специалистов.

2) Прогностическое поведение — позволяет предположить возможный негатив со стороны участников предварительного расследования. И с помощью моделирования ситуации вовремя рассмотреть все возможные отклонения от эффективной коммуникации в рамках предварительного следствия, обозначить проблемные точки в конкретной следственной ситуации и своевременно принять меры по локализации конфликта. Этот функционал пересекается с профилактической функцией, но, по сути, должен расширить видение конфликтных ситуаций и работать не с профилактикой известных конфликтных позиций, но и с теми, которые вообще никогда не возникали, но при определенных условиях, могут активно проявиться.

3) Охранительно-восстановительная деятельность. Возникший на стадии предварительного следствия конфликт, как уже было указано при рассмотрении демонстративной функции, действительно работает как катализатор неправомерных действий, направленных на нарушение норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих правовое положение участников предварительного расследования, либо позволяет выявлять нарушения практики применения норм уголовного или уголовно-процессуального законодательства. И как только проблема становится явной, демонстративная функция переходит в стадию охранительно-восстановительной деятельности, то есть написания ходатайств, жалоб, которые могут быть удовлетворены, получение решения об отмене незаконных решений вышестоящими должностными лицами. Кроме того, возможна ситуация с применением института защиты свидетеля, потерпевшего и других участников предварительного расследования.

Таким образом, функциональное пространство конфликтов, возникающих на стадии предварительного расследования, представляется весьма продуктивным в отношении развития и совершенствования законодательства в целом и конкретных отношений сторон в частности.

Кроме того, очевидно, что коммуникация как способ преодоления конфликтов на стадии предварительного расследования, представляет собой базовое качество функционального пространства конфликтов, поскольку она является самой возможностью продуктивного разрешения противоречий.

Литература:

1. Конфликтология/Под ред. В. П. Ратникова. — М. ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
2. Лебедев, Н. Ю. Характеристика функций конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования/Н. Ю. Лебедев // Закон и право. — 2019. — № 9. — с. 168-171.
3. Русанова, О. В. О понятии уголовно-процессуальных конфликтов/О. В. Русанова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: право. — 2015. — № 3 (22). — с. 240-245.

Конституционные основы защиты прав потерпевшего от преступлений

Головкова Анастасия Владимировна, студент
Пермский государственный национальный исследовательский университет

В основе конституционного статуса потерпевшего лежит фундаментальное право на защиту достоинства личности, закрепленное в части 1 статьи 21 Конституции РФ. Конституционный статус потерпевшего составляют также положения статей 45, 46, 52, 53, части 3 статьи 123 Конституции РФ [1].

Статья 2 Конституции РФ провозглашает в качестве приоритетной основы конституционного строя обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина [1]. Защита потерпевших имеет для государства первостепенное значение. Такое утверждение основывается на том, что в основе участия публичной власти в обеспечении прав потерпевших лежит необходимость восстановления справедливости и принципа равенства всех перед законом и судом.

Согласно Конституции Российской Федерации [1, ч. 1 ст. 1, ст. 2, ч. 1 ст. 17, ч. 1 ст. 18, с. 21, ч. 1 ст. 45, ст. 46, ст. 52, ст. 53] в России, как демократическом правовом государстве, права потерпевших от преступлений охраняются законом, государство обеспечивает им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба на основе принципа уважения и охраны достоинства личности, предполагающего обязанность обеспечивать каждому возможность отстаивать свои права в обществе, государственных органах, правоохранительных органах, в том числе осуществляющими уголовное преследование.

Вместе с тем, исходя из положений части 4 статьи 15 Конституции РФ [1], необходимо изучение международно-правовых аспектов защиты прав потерпевших. Нормы о защите прав потерпевших содержит Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 года.

Соответственно, устанавливаемые законодателем уголовно-процессуальные механизмы должны — как того требует Конституция Российской Федерации и нормы международного права, являющиеся составной частью правовой системы России [1, ч. 4 ст. 15] — в максимальной степени способствовать предупреждению и пресечению преступлений, предотвращению их негативных последствий для прав и охраняемых законом интересов граждан.

Вопросы обеспечения защиты конституционных прав потерпевшего от преступлений неоднократно были предметом изучения высших судов РФ. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 года [2, п. 4

абзац 3] указано: «Обязанность государства гарантировать защиту прав потерпевших от преступлений, в том числе путем обеспечения им адекватных возможностей отстаивать свои интересы в суде, вытекает также из положений Конституции Российской Федерации статьи 21 (часть 1), согласно которым достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления. Применительно к личности потерпевшего это конституционное предписание предпосылает обязанность государства не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке, какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами, поскольку иное означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством».

Согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 года [3, п. 2.1 абзац 1]: «Потерпевший как лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред или вред деловой репутации, имеет в уголовном судопроизводстве свои собственные интересы, несводимые исключительно к получению возмещения причиненного вреда, — эти интересы в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания, от решения которых, в свою очередь, во многих случаях зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда; именно поэтому потерпевшему должны обеспечиваться участие в судебном заседании на всех стадиях уголовного процесса, возможность довести свою позицию по существу дела до сведения суда и отстаивать свои права и законные интересы всеми не запрещенными законом способами (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1999 года N 1-П, от 14 февраля 2000 года N 2-П, от 16 октября 2012 года N 22-П и др.; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2003 года N 446-О, от 24 ноября 2005 года N 431-О, от 11 июля 2006 года N 300-О, от 17 ноября 2011 года N 1555-О-О и др.).

Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 2019 года [4, п. 5 абзац 5]: гласит: «лицу, которому запрещенным уголовным законом деянием причинен вред, должна обеспечиваться реальная судебная защита в форме восстановления нарушенных преступлением прав и свобод, в том числе возможность осуществления права на судопроизводство в разумный срок согласно за-

конодательно закрепленным критериям определения разумности срока судопроизводства, имея в виду, что такая возможность зависит как от своевременности, тщательности, достаточности и эффективности мер, предпринятых для объективного рассмотрения соответствующих требований, так и от продолжительности досудебного производства, включая период со дня подачи заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела и вынесения постановления о признании лица, подавшего заявление, потерпевшим».

По данным сводной статистической отчетности судами общей юрисдикции по первой инстанции в 2020 году окончено производством 748,9 тыс. уголовных дел, по которым вынесены обвинительные приговоры в отношении 563 тыс. осужденных лиц [5, стр. 4]. Эти данные позволяют говорить о значительном числе потерпевших. Причем основную долю в общей структуре судимости на протяжении многих лет составляют лица, в отношении которых вступили в законную силу приговоры за совершение преступлений, предусмотренных главой 21 «Преступления против собственности» Уголовного кодекса Российской Федерации. В 2020 году она составила 38,9%, или 206,3 тыс. лиц [5, стр. 34]

Согласно Конституции РФ [1, ст. 52] государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. По данным Судебного департамента при Верховном суде России за шесть месяцев 2021 года была удовлетворена 31 тысяча исков от потерпевших, в их пользу взыскано 113,2 миллиарда рублей, в тех случаях, когда в рамках уголовного процесса потерпевшие подавали гражданский иск к подсудимому [6]. Статистика приведена по уголовным делам, которые были рассмотрены в суде и по ним были вынесены обвинительные приговоры. А потерпевшие по уголовным делам, которые в силу определенных обстоятельств не были «раскрыты», то есть не были установлены лица, причастные к совершению данного преступления, остаются без возмещения ущерба. В этом аспекте, думается, что возмещение ущерба потерпевшему не должно зависеть от имущественного положения обвиняемого (осужденного) или его желания загладить нанесенный вред, и то, установлено ли лицо, которое причинило этот ущерб. Для изменения ситуации необходимо рассмотреть возможность принятия государством на себя обязательств по выплате материальной компенсации потерпевшим от преступлений.

Конституционное право потерпевших на защиту своих интересов может быть реализовано через такие формы как: а) государственная защита; б) получение квалифицированной юридической помощи; в) распространение соответствующей информации через СМИ; г) участие в объединениях, ставящей своей задачей защиту прав потерпевших; д) проведение собраний, митингов, шествий, демонстраций, пикетирований; е) обращение в государственные органы и органы местного самоуправления; ж) получение социальных выплат, благотворительной помощи. Такие действия носят, прежде всего, конституци-

онно-правовой характер и имеют конституционное значение.

Конституционно важно, чтобы доступ к правосудию потерпевших был реальным и обеспечивал ему эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, поскольку иное означало бы умаление права на судебную защиту, а вместе с тем — чести и достоинства личности, причем не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 года N 4-П, от 28 мая 1999 года N 9-П, от 11 мая 2005 года N 5-П, от 21 апреля 2010 года N 10-П, от 1 марта 2012 года N 5-П, от 18 марта 2014 года N 5-П, от 16 ноября 2018 года N 43-П и др.).

Ранее в юридической литературе неоднократно поднимались вопросы защищенности прав потерпевших в уголовном процессе. В.Т. Кабышев и Е.В. Корнукова, обращали внимание общественности на то, что при осуществлении правосудия по уголовным делам потерпевший оказывается наиболее уязвимым, «существует больше риска к ограничению или ущемлению его прав и свобод» [7].

Значительное число конституций зарубежных стран не содержат норм о правах потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью. Однако это не означает отрицания интересов потерпевших. Защита этой категории граждан основывается на недопустимости нарушения права каждого на жизнь, свободу и личную, жилищную неприкосновенность, защиту чести и доброго имени человека. Например, статьи 7 и 21 Конституции Финляндии гласят: «Все лица имеют право на свободу, неприкосновенность и безопасность. Власть должна следить за тем, чтобы соблюдались основные свободы и общечеловеческие права». Статья 40 Конституции Турции признает за каждым, чьи свободы и права были нарушены, незамедлительно обратиться к компетентным властям. В текстах большинства зарубежных конституций содержится немало статей, направленных на недопущение нарушения прав обвиняемых. Например, V-VIII поправки к Конституции США.

Охрана безопасности и защита прав потерпевшего, как жертвы преступления, представляют собой важное направление деятельности законодательных и правоохранительных органов всех цивилизованных государств мира. Наиболее развитые системы охраны безопасности и защиты прав и законных интересов потерпевших и свидетелей от преступлений сложились в тех государствах, которые имеют давние правовые традиции и большой положительный опыт в этом деле. В странах так называемой англосаксонской правовой системы (Англия, Австралия, Канада, Новая Зеландия, США) потерпевшие имеют статус ответственного свидетеля в собственном деле, а роль обвинителя в основном принимает на себя соответствующие правоохранительные органы. Однако, не всегда, когда национальное уголовно-процессу-

альное законодательство предоставляет потерпевшим довольно пассивную роль в деле защиты своих нарушенных прав, жертвы преступлений остаются беззащитными. Дело в том, что в этих случаях функцию обвинения в основном ответственно берут на себя правоохранительные органы государства, которые осуществляют достаточно эффективную охрану безопасности потерпевших и свидетелей обвинения, равно как и защиту их личных и имущественных прав [8].

В некоторых зарубежных федерациях существует практика софинансирования центром и регионами расходов на оказание помощи потерпевшим от преступлений. Например, в США, стимулируя расходы штатов на выплаты таким лицам компенсаций от ущерба, из специального фонда ежегодно выделяется дополнительно 40% ассигнований от сумм, затраченных штатом на эти цели в истекшем финансовом году. Система федеральной помощи потерпевшим строится по принципу выдаваемых штатам грантов с последующим распределением ими субгрантов. Такую практику целесообразно изучить для последующего применения в России.

Конституции РФ [1, ст. 53] закрепляет за каждым право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Квалифицировать незаконное действие можно через решение, нарушающее формально установленные нормы правового акта. Сложнее обстоит с определением бездействия как противоречащего требованиям закона. Управление является настолько уникальной сферой человеческой деятельности, что рамками права невозможно определить все необходимые способы поведения органов государственной власти в различных ситуациях.

Законодательную основу защиты потерпевших составляют УК РФ, УПК РФ, УИК РФ, Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Постановление Правительства РФ «Об утверждении правил защиты свидетелей об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», Постановление Правительства РФ «Об утверждении правил выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты».

Думаю, будет справедливо утверждать, что когда человек платит налоги, то есть исполняет обязанности перед государством, он должен иметь право на требование защиты в полном объеме своих прав со стороны государства в ситуации признания его потерпевшим. Если государство не смогло предотвратить совершение преступления, то потерпевший вправе потребовать от государства возмещение причиненного вреда.

В России такая практика имела место. Часть 3 статьи 30 Закона РСФСР «О собственности в РСФСР» устанавливала: «Ущерб, нанесенный собственнику преступлением, возмещается государством по решению суда. Понесенные при этом государством расходы взыскиваются с виновного в судебном порядке в соответствии с законодательством РСФСР» [9]. В литературе высказываются мнения об обоснованности возвращения в законодательство аналогичных норм. Как признание Россией ответственности перед потерпевшим следует понимать нормы статьи 52 Конституции РФ [1], признающие, что государство обеспечивает данной категории лиц компенсацию причиненного ущерба.

Возмещение ущерба потерпевшим нельзя связывать только с возможностями государства или материальным положением лица, виновного в преступлении. У Российской Федерации есть обязательства перед иными категориями граждан. Правильно было бы разработать систему обязательных отчислений (страхования) с доходов граждан, направляемых в специальный фонд, выплаты из которого осуществлялись бы лицам, признанным уполномоченными органами потерпевшими.

Для того, чтобы каждый, кто пострадал от преступления, имел возможность получения компенсации причиненного ущерба необходимо изменение ситуации, а именно чтобы государство приняло на себя обязательства по выплате материальной компенсации потерпевшим от преступления. Впоследствии оно в регрессном порядке может взыскивать затраты по выплате ущерба потерпевшему с преступника. Это должно стать частью уголовно-правовой политики страны, обеспечиваться средствами федерального бюджета. Оправдано создание специального государственного фонда для выплаты компенсаций потерпевшим. В него могли бы направляться средства от штрафов за незаконные действия. Подобные институты имеются в Таиланде, Тайване, Индии [10]. На протяжении многих лет, юристы обсуждают данную проблему, но до настоящего времени законодательно она разрешена.

Думаю, что зарубежный опыт был бы полезен для наших законодателей. Так, во Франции действует Закон от 3 января 1977 года «О возмещении ущерба за телесный вред, причиненный потерпевшим преступлением». Он ввел в УПК Франции новые статьи, регулирующие вопросы выплаты компенсаций потерпевшим от преступления. Благодаря этому стало возможным получение потерпевшим компенсации за причиненный вред до того момента, когда преступник предстанет перед судом, который, помимо основного приговора, вынесет решение о возмещении ущерба. В июле 1983 года был принят Закон «Об усилении защиты жертв преступлений», внесший дополнения и изменения в УК и УПК Франции. Закон расширил круг лиц, имеющих право на компенсацию. Он указал, что компенсация выплачивается не только тому лицу, которое пострадало от преступления, но и лицу, которому был причинен телесный или моральный ущерб [11].

Государство не сможет защитить права всех потерпевших путем полной компенсации ущерба, причиненного любым преступлением. Выплаты могут потребовать привлечения финансовых ресурсов, перераспределенных из иных сфер, требующих бюджетных средств. Обязательства государства перед остальными категориями граждан будут сорваны. Это недопустимо, поскольку Конституции РФ [1, ч. 3 ст. 17] устанавливает: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Оправданным было бы признание за государством обязанности возместить ущерб потерпевшим от отдельных преступлений, относящихся к категории особо тяжких (против жизни и здоровья личности, общественной безопасности).

В вопросе компенсации потерпевшему причиненного ущерба необходимо, чтобы 1) государство приняло на себя обязательства по выплате материальной компенсации потерпевшим от преступлений, относящихся к категории особо тяжких (против жизни и здоровья личности, общественной безопасности), 2) необходимо содействовать развитию добровольного страхования гражданами рисков для жизни, здоровья, имущества на случай потенци-

альной угрозы в будущем стать жертвой преступления, 3) более активно привлекать средства некоммерческих организаций, прежде всего ставящих своей целью благотворительную деятельность [12].

Считаю верным высказывание Дубровиной М. А. о том, что «на законодательном уровне необходимо предпринять усилия для совершенствования механизма возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов власти и должностных лиц. Данные вопросы требуют проведения комплекса различных мер совершенствования нормативной базы. Система защиты прав личности современной России немыслима без реализации норм о высшей юридической силе Конституции РФ, верховенстве права. Только в правовом государстве свободы потерпевших могут быть обеспечены в полном объеме. Любой, даже самый законопослушный или состоятельный гражданин, обладающий влиянием, в непредсказуемый момент может оказаться в состоянии потерпевшего. Недостаточно лишь провозгласить ценность права. Должны быть созданы предпосылки тождественности юридической и фактической конституций страны» [13].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 N 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л. М. Запорожец»
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2014 N 5-П «По делу о проверке конституционности части второй. 1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области»
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 N 23-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б. А. Сотникова»
5. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. ОБЗОР судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. N 23 г. Москва «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» Российская газета — Федеральный выпуск № 240 (8294).
7. Кабышев, В. Т., Корнукова Е. В. Потерпевший в «зеркале» конституционного правосудия // Конституционное развитие России. Межвуз. сб. науч. статей. Вып. 8. Саратов. 2007. с. 129.
8. Квашис, В. Е., Вавилова Л. В. Зарубежное законодательство и практика защиты жертв преступлений. М., 1996. с. 59.
9. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416
10. Квашис, В. Е. Основы виктомологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. М. 1999. с. 194, 200.
11. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «Защита прав жертв террористических актов и иных преступлений» от 20 марта 2003 года // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в РФ <http://ombudsman.gov.ru>
12. Пихова, З. А. Конституционные основы защиты прав потерпевших от преступлений и злоупотребления властью в Российской Федерации: дис. ... к. ю. н. 12.00.02, 2010, 229 с.
13. Дубровина, М. А. Защита конституционного права на свободу мысли и слова в современной России. Автореф. дис. ... к. ю. н. Саратов. 2007.

О некоторых проблемах возникновения права собственности в силу приобретательной давности

Данилкова Алина Андреевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор рассматривает проблемы, связанные с возникновением права собственности в силу приобретательной давности.

Ключевые слова: приобретательная давность, давностное владение, категория добросовестности, право собственности, земельный участок.

Приобретательная давность представляет собой материальный срок владения бесхозным имуществом, в течении которого даётся право на обращение бесхозного имущества в свою собственность. Однако, в соответствии со ст. 234 ГК РФ [1] владеть данным имуществом необходимо в течении некоторого срока, отличающегося в зависимости от вида имущества (недвижимое, движимое).

Для реализации приобретательной давности как основания возникновения права собственности необходимо соблюсти несколько критериев, а именно — владение вещью в течении определенного срока, добросовестное и открытое владение, непрерывность владения, владение как своим собственным.

Как следует из положений ст. 234 ГК РФ [1], лицо, владеющее имуществом с соблюдением всех вышеперечисленных условий, получает право на обращение имущества в свою пользу. Однако интересным видится вопрос о вещах, ограниченных в обороте для конкретных лиц, либо вещей, которые обращаются с пользой ОГВ или ОМСУ в случае, когда право собственности предыдущим собственником утрачивается.

Ярким примером такого имущества является земельный участок. Свое действие институт приобретательной давности распространяет на все недвижимое имущество, следовательно, надлежащим образом образованный земельный участок может быть обращён в собственность гражданина и в силу приобретательной давности.

Особенностью такого способа приобретения права собственности на земельный участок является тот факт, что некоторые участки изъяты из оборота исходя из субъектного и территориального критерия. Кроме того, интересным является вопрос о брошенных земельных участках, ведь в соответствии со ст. 16 ЗК РФ [2], земельные участки, не находящиеся в собственности физических, юридических лиц, органов местного самоуправления признаются государственной. В этой связи возникает вопрос, возможно ли получить в собственность бесхозный земельный участок.

Логичным видится следующее: признать право собственности на земельный участок на основании давностного владения нельзя, ведь в любом случае земельный участок должен признаваться государственной собствен-

ностью. Между тем, в доктрине сложилось два мнения. Так, одни авторы придерживаются мнения о том, что давностное владение не применимо к земельным участкам, другие же полагают, что применять институт давностного владения возможно, но лишь ограничено.

По этому поводу высказывались: О. М. Козырь, Г. В. Чубруков, А. А. Погребной, Г. А. Волков и другие.

Так, наиболее интересной видится позиция Г. А. Волкова. Рассуждая о возможности применения давностного владения, он обращает внимание на категорию добросовестности. Так, по мнению автора лицо, занимающее земельный участок действует умышленно, а также самовольно, между тем самовольное занятие земельного участка является административным правонарушением и в соответствии со ст. 10 ГК РФ [1] не подлежит правовой защите, а, следовательно, право собственности не может возникнуть априори. Между тем в ст. 234 ГК РФ [1] не говорится о степени добросовестности, понятие недобросовестного владения даётся в ст. 303 ГК РФ [1]. Исходя из этого можно сделать вывод, что добросовестный приобретатель владеет имуществом как своим и в том числе может не знать о незаконности своего владения (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2015 года N 127-КГ14-9 [3]), так в деле, рассмотренном Конституционным судом Российской Федерации по жалобе гражданина Волкова [4], Конституционный суд сформулировал подход к определению добросовестности, между тем системно истолковав ранее изданные пленумы ВС РФ и ВАС РФ, ст. 234, 302, 303 ГК РФ.

Очевидно, что различие двух правовых институтов, предполагающих учет критерия добросовестности, — приобретения права собственности по давности владения и защиты добросовестного приобретателя от предъявленного к нему виндикационного иска — обусловлено прежде всего различными функциями виндикационного иска, служащего для защиты права собственности (иного вещного права), и института приобретательной давности, который направлен на защиту не только частных интересов собственника и владельца имущества, но и публично-правовых интересов, как то: достижение правовой определённости, возвращение имущества в гражданский оборот, реализация фискальных целей. В области вещных

прав, в том числе в части института приобретательной давности, правопорядок особенно нуждается в правовой определённости и стабильности, что имеет особую важность как для частноправовых, так и для публичных целей.

Поэтому и категория добросовестности разная, в связи с этим гражданский оборот и требовал от высших судов пояснить ситуацию.

Итак, категория добросовестности в привязке к постановлению Конституционного суда значит, что лицо, вступающее в право, не производило никаких противоправных действий, то есть не занимало самовольно земельный участок, не утаивало факт вступления от действительного собственника, напротив следуя тезисам

Конституционного суда видится верным, что действительный собственник должен был сам узнать о судьбе вещи, особенно в ситуациях с недвижимым имуществом.

Таким образом, понятие добросовестности для возникновения права собственности на основании давностного владения сводится к способу возникновения права собственности, если лицо не имело представления о незаконности своих действий, а собственник не заявляет прав на объект, то действия стоит считать добросовестными. Поэтому постановление Конституционного суда стоит считать новаторским и долгожданным, именно оно расставило все точки над «и».

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 04.04.2022).
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 года № 136-ФЗ (ред. от 16.02.2022) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения 04.04.2022).
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.2015 года № 127-КГ14-9 // <https://www.zakonrf.info/suddoc/f36c631f5b0ce265c8581830350ff0fa/> (дата обращения 05.04.2022).
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2020 г. п 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369276/ (дата обращения 05.04.2022).

Проблемные аспекты в определении субъекта убийства матерью новорожденного ребенка

Деркова Анастасия Сергеевна, студент;
Сулейманова Эльза Ильгизовна,

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва

В статье проводится анализ субъекта преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ с рассмотрением неоднозначных теоретических концепций, выработанных доктриной научного сообщества в сфере уголовного права, а также с выделением проблемы признания суррогатной матери в качестве субъекта данного состава преступления.

Ключевые слова: субъект преступления, мать, суррогатная мать, убийство матерью новорожденного ребенка.

Преступления против жизни и здоровья — это особая группа преступлений: при конструировании норм Уголовного кодекса РФ законодатель обозначил их в качестве «открывающих». Особенную часть, поставив на первое место. В частности, актуальность в настоящее время представляет уголовно-правовая норма, которая предусматривает ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка.

Субъект рассматриваемого состава преступления — специальный. Как же трактовать понятие «мать»? Является ли субъектом преступления в данном случае суррогатная мать? Эти вопросы являются в настоящее время

дискуссионными и довольно актуальными вследствие успешной модернизации в сфере медицинских наук. Однако все же большинство ученых придерживаются мнения о том, что суррогатная мать является матерью новорожденного ребенка до того момента, пока не подпишет отказ от ребенка и передаст «права» на него законным родителям.

Стоит отметить, что понятие «мать» отсутствует в российском законодательстве. Как правило, мать отождествляется с понятием «роженица», поскольку наличествует факт вынашивания и рождения ею ребенка, дальнейшего надлежащего выполнения предусмотренных законода-

тельством обязанностей. Законодатель в диспозиции ст. 106 УК РФ указывает, что субъектом преступления является мать, но должным образом не регламентирует данное понятие. В связи с этим возникает вопрос: кого считать матерью, если речь идет о заключенном договоре суррогатного материнства.

По мнению Е.С. Вакалюк, проблема в данном случае заключается в имеющихся пробелах правового регулирования суррогатного материнства в российском законодательстве, а также отсутствии понятия «суррогатное материнство» в УК РФ. Факт рождения ребенка еще не свидетельствует о том, что данная женщина является матерью новорожденного. А значит, по утверждению Е.С. Вакалюк, в данном случае необходимо учитывать именно фактическую регистрацию женщины в качестве матери [3, 64 с].

Ст. 51 Семейного кодекса РФ регламентирует обязательность наступления такого юридического факта, как согласие суррогатной матери, которое она дает после родов лицам, состоящим в браке, предварительно заключившим с ней договор суррогатного материнства, для их записи в качестве родителей [2].

Исходя из содержания нормативно-правовых актов, мы приходим к выводу о том, что все-таки суррогатная мать считается матерью новорожденного ребенка до того момента, как она даст согласие на юридическое оформление документов новорожденного ребенка.

Однако дискуссии в уголовно-правовой науке по данному вопросу уже активно внедрились. Так, в научной литературе существуют две принципиально конкурирующих позиции. Одни авторы, в частности, А.Н. Красиков, считают, что суррогатная мать не является матерью новорожденного ребенка, вследствие отсутствия между ней и новорожденным генетической связи. [4, 46 с]. Однако данная точка зрения не получила распространения и широкого применения.

Литература:

1. УК Швеции. — СПб., 2001.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 01.01.1996. — № 1. — Ст. 51.
3. Вакалюк, Е.С. Субъект преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного Кодекса Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 1 (255). Право. Вып. 31.
4. Красиков, А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996.
5. Таюрская, Е.А. Субъект убийства матерью новорожденного ребенка // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Материалы XVIII Международной научно-практической конференции, посвященные 20-летию образования института. 2013.

Сторонники второй позиции, к примеру, Е.А. Таюрская, признают суррогатную мать матерью новорожденного ребенка и связывают это с процессом родов. [5, 144 с].

Мы полностью поддерживаем сторонников этой точки зрения. Ведь суррогатная мать, так же, как и биологическая, ощущает на себе весь процесс родов и, соответственно, вследствие перенесенной беременности и родов у нее впоследствии может возникнуть психотравмирующая ситуация.

В завершении, считаем необходимым провести сравнительно-правовой анализ диспозиции данного состава преступления с законодательством стран дальнего зарубежья. В качестве примера стоит рассмотреть уголовное законодательство Швеции. Уголовный кодекс 1962 года содержит следующую формулировку: «Женщина, которая убивает своего ребенка в момент рождения или во время родов, когда нарушено ее душевное состояние или если она сильно нуждается, должна быть приговорена за детоубийство к тюремному заключению на срок не более шести лет» [1,36 с]. Как трактовать понятие «своего ребенка»? Будет ли в данном случае рассматриваться суррогатная мать в качестве субъекта преступления, если, к примеру, используется при искусственном оплодотворении ее биоматериал? Как мы видим, в данном случае также возникают проблемы в определении субъекта данного состава преступления.

Подводя итоги вышесказанному, мы также считаем необходимым ввести в ст. 106 УК РФ законодательное уточнение дефиниции субъекта состава этого преступления. А именно заменить слово «матерью» на слова «женщиной, рожаемого ею ребенка».

Данная конкретизация в диспозиции ст. 106 УК РФ, по нашему мнению, позволит путем законодательного уточнения конкретизировать субъекта данного состава преступления и облегчить работу на стадиях досудебного производства в части квалификации содеянного.

Проблемы правового регулирования корпоративного управления в акционерных обществах в Российской Федерации

Дудникова Елизавета Алексеевна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Отечественная модель корпоративного управления в настоящее время проходит активную стадию реформирования.

Как уже было указано выше, долгое время в законодательство вносились лишь некоторые изменения, которые не оказывали значительного влияния на модель. Но с 2014 года реформирование стало масштабным.

В 2014 году в Гражданский Кодекс Российской Федерации были внесены масштабные изменения [1].

В общем, отметим, что изменения положительно сказались на отечественной практике в некоторых аспектах, а иных же — все также наблюдалось и продолжает наблюдаться противоречие. Например, сегодня законодатель увеличивает императивное регулирование в публичных компаниях и расширяет диспозитивность в непубличных, в то время как в теории правильным является баланс для всех видов обществ.

Рассмотрим подробнее.

Реформа 2014 года, как известно, затронула типы корпораций: общества стали публичными и непубличными.

К публичным обществам законодатель стал применять максимальные требования, в том числе в корпоративном управлении, которые выражались в императивности, то есть необходимо четко соблюдать закон, в тот или иной аспект нельзя внести изменения постфактум редактирования уставного документа.

Непубличным обществам, наоборот, было предоставлено право самостоятельного регулирования внутренних вопросов. Конечно, данное право предоставили только небольшим компаниям, которые не фигурируют в средствах массовой информации и имеют незначительное количество акционеров, но диспозитивность все же есть.

Данные акционерные общества могут определять структуру органов управления, требования к должностным лицам и т.д., в то время как публичным обществам, даже небольшим, это недоступно [1].

Рассмотрим также иные последствия масштабного реформирования, начатого в 2014 году.

Судебная практика и судебное правотворчество стали играть большую роль в регулировании. Следствие этого — активное регулирование ряда отношений на уровне Верховного Суда Российской Федерации [1].

В целом, отметим, что эта особенность присуща всеми отечественному праву, то есть судебный прецедент играет огромную роль не только в корпоративном управлении.

Сегодня в стране наблюдается рост «мягкого права» (в том числе, Кодекса корпоративного управления) и ло-

кального правотворчества. Но при этом перевес в сторону императива все же имеется [1].

В то же время за рубежом перечисленные выше аспекты сбалансированы, так как теория гласит, что на законодательном уровне к небольшим корпорациям нет смысла предъявлять жесткие требования, так как это тормозит их развитие.

Отсюда за рубежом сегодня небольшие акционерные общества вправе сами выбирать структуру органов управления, распределять полномочия между ними и т.д. Законодательство является «мягким», т.е. носит рекомендательный характер. Корпорации сами выбирают путь развития [1].

Кроме того, в данном параграфе настоящей исследовательской работы также не можем не отметить, что в России сегодня все также остается не решенной указанная выше проблема: отсутствует правовой механизм разграничения между функциями управления и контроля в акционерных обществах, несмотря на значительное реформирование.

Размытость данных функций провоцирует процессы «перетягивания одеяла на себя». Можно констатировать, что в отечественной практике господствуют не представительные органы, а исполнительные, то есть менеджеры, за счет того, что первым не были предоставлены подходящие полномочия.

В итоге компании продолжают управляться командно-административно, в том числе и за счет в большей степени императивного регулирования, а не корпоративно, как это происходит за рубежом [2].

Также выше в работе уже были отмечены проблемы отечественного законодательства, регулирующего рассматриваемую область, которые связаны с противоречием законодательных норм в различных нормативно-правовых актах, а также дисбаланс императивного и диспозитивного регулирования, которое должно быть сбалансированным и для публичных и непубличных обществ.

Так как выше об этом уже было сказано, останавливаться на этих аспектах в данном параграфе не будем.

Таким образом, несмотря на то, что отечественная модель корпоративного управления в настоящее время проходит активную стадию реформирования, и многочисленные изменения в нормативно-правовые акты уже были внесены, проблемы в правовом регулировании корпоративного управления в акционерных обществах в Российской Федерации еще остаются:

— имеется противоречие законодательных норм в различных нормативно-правовых актах;

— присутствует дисбаланс императивного и диспозитивного регулирования для различных типов обществ;

— отсутствует правовой механизм разграничения между функциями управления и контроля.

Литература:

1. Сергеева, И. Г. Совершенствование корпоративного законодательства как повышения эффективности предпринимательства/И. Г. Сергеева // Проблемы теории и практики управления. — 2020. — № 9. — с. 114-119.
2. Коваленко, Е. Ю. Корпоративное управление: актуальные проблемы правового регулирования/Е. Ю. Коваленко // Экономика и предпринимательство. — 2019. — № 7. — с. 68-73.

Электронное правосудие в гражданском судопроизводстве: преимущества и недостатки

Дышокова Анита Темборовна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы электронного правосудия в гражданском судопроизводстве, приводится анализ законодательства в данной сфере, находят свое отражение, как преимущества, так и недостатки введения электронного правосудия.

Ключевые слова: электронное правосудие, гражданское судопроизводство, подача документов в электронном виде, видео-конференц-связь, «онлайн» заседания.

Последние годы стали для нашей страны отправной точкой для выработки тенденции к продвижению информационных технологий в деятельность судов, введение которых дало возможность всем участникам процесса использовать электронно-коммуникативные средства полностью.

Как отмечает В. В. Ярков — электронная система разрешения споров включает в себя не только необходимость размещения в сети Интернет всех судебных решений и появление веб-сайтов судов, но и предполагает управление процессом и судебным разбирательством [11].

«Электронное правосудие» — это способ осуществления справедливости, складывающийся на использовании информационно-коммуникационных технологий, которые, в свою очередь, подразумевают гласность, открытость и доступность судопроизводства [10]. Данное понятие нашло свое отражение в деятельности арбитражных судов, где с помощью электронных ресурсов, обеспечивается доступ к информации о деятельности судов, а также сами информационно-технологические системы судопроизводства.

Цель электронного правосудия представляет собой повышение, в первую очередь, эффективности и качества, а также обеспечение законности и единообразия судебной практики, путем введения новых информационных технологий в судебный процесс [4].

Необходимо отметить, что понятие «электронное правосудие» отличается от понятия «цифровое правосудие». Так в первом случае речь идет о носителях информации и их свойствах, а во втором речь идет о формах существования данных.

30 декабря 2021 года был принят Федеральный закон, который подразумевает внесение изменений в ряд нормативно — правовых актов, которые связаны с развитием «электронного правосудия», так, как его понимает государство. Принятый Федеральный закон предполагает, что участники судопроизводства смогут в электронном виде подавать: исковые заявления, жалобы, направлять копии искового заявления и отзывы лицам, участвующим в деле, знакомится с материалами дела в судах, получать судебные извещения и судебные акты, посредством информационных систем ГАС «Правосудие», «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел» [1].

Гражданское судопроизводство — наиболее часто используемая форма осуществления правосудия, и именно в ней электронное правосудие развивается динамичней по ряду причин.

Гражданское законодательство и правоприменительная практика давно имеют возможность заключения сделок путем подписания документов с помощью электронной подписи, направления электронной почтовой корреспонденции и даже документооборота через мессенджеры. Так, по гражданскому делу о взыскании задолженности по договору подряда и встречному иску о взыскании убытков суд принял в качестве одного из доказательств заверенную нотариально переписку между Заказчиком и Подрядчиком в приложении Viber, признав его письменным доказательством [5]. Таким образом, необходимо отметить, что развитие гражданского оборота стимулирует цифровую модернизацию гражданского процесса.

Началом процесса цифровизации гражданского судопроизводства стало принятие Правительством Российской Федерации постановления № 583 «Развитие судебной системы России» на 2007-2011 годы. Программа предусматривала внедрение информационных технологий в судебную инфраструктуру, формирование ресурсов правовой базы и электронных банков судебных решений [2].

Вторым этапом внедрения в гражданское судопроизводство электронного правосудия стали 2013-2020 годы, которые характеризовались частичным переходом к электронному обороту и доказыванию. Пандемия и связанные с ней ограничения значительно поспособствовали продвижению современных технологий в судебную систему.

В настоящее время идет разработка следующего этапа цифровизации гражданского судопроизводства. Ее итогом должно стать расширение дистанционных возможностей, что в последующем станет отправной точкой и послужит результатом согласованных действий граждан и организаций с судом на всех стадиях судопроизводства, начиная от введения технологий электронного документооборота и заканчивая принятием общеобязательного правила об электронном способе передачи судебных извещений и вызовов [3].

Суды России рассматривают более 2000 дел в режиме видео-конференц-связи, также составляется план для дальнейшего расширения и развития [6]. На наш взгляд, Россия не стремится к полноценному переходу рассмотрения дел в режиме «онлайн», ведь очные заседания в зале суда являются наиболее приоритетными

и отвечающими требованиям высокоэффективного и качественного правосудия.

Но теперь необходимо задаться вопросом, всегда ли качество судебных решений определяют технологические возможности?

Для качества правосудия электронные технологии несут и существенные риски, в частности, значительным является вопрос об обеспечении информационной безопасности. Ведь подделать электронный документ и направить его в суд не представляется затруднительным [8].

Участие в заседании свидетелей и других участников процесса, которые используют системы видео-конференц-связи, тоже зачастую вызывает множество вопросов, ведь давать ложные показания по ВКС намного проще. Она может приводить к искажению фрагментов показаний и как следствие — их неверной интерпретации [9].

Во главе всего судопроизводства находится человек, чьи права и законные интересы должны защищаться, поэтому правосудие должно оставаться гуманным и только живое взаимодействие участников процесса позволит объективно подходить к каждой ситуации, справедливо [7].

В заключение всего вышесказанного, необходимо отметить, что Россия непременно будет дальше развиваться в системе электронного правосудия. Суды не могут и не должны оставаться в стороне от технологического процесса. Однако это не подразумевает полного перехода на формат дистанционного правосудия. На наш взгляд, должно присутствовать сплетение онлайн-суда и очного правосудия.

Литература:

1. Федеральный закон от 30.12.2021 № 440 — ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 03.01.2022. — № 1 (часть 1). — ст. 9.
2. Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 № 583 (ред. от 01.11.2012) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007-2012 годы».
3. Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы» (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019).
4. Госдума вводит порядок дистанционного участия в заседании судов // URL: https://tass.ru/obschestvo/13133169?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 28.03.2022).
5. Решение Ленинского районного суда г. Тюмени 2-413/2019 от 11.11.2019 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/NupH9NwELYdv/> (дата обращения 28.03.2022).
6. Суд в режиме онлайн. — URL: https://fi.ance.rambler.ru/other/43264080/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 28.03.2022).
7. Афанасьев, С. Ф., Зарубина М. Н. О некоторых гарантиях реализации общеправовых принципов гражданского процесса в условиях цифровизации правосудия // Сборник научных статей. 2021. № 026. Тираж 300. с. 375-382.
8. Селезнева, М. А. Актуальные проблемы развития электронного правосудия в гражданском процессе // Эволюция российского права: материалы международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 27 апреля 2018 г. — с. 296-298.
9. Табак, И. А., Мелкумян Р. А. Электронное сопровождение гражданского судопроизводства как инструмент оптимизации деятельности судов на пути к становлению электронного правосудия в Российской Федерации // Сборник научных трудов. 2018. с. 332. выпуск 6. тираж 500. с. 130-136.
10. Зарубина, М. Н., Новикова М. М. К вопросу о сущности электронного правосудия в Российской Федерации // Администратор суда. 2017. № 1. с. 5-11.
11. Ярков, В. В. Электронное правосудие // ЭЖ-Юрист. — Спб, 2016. № 41. с. 145.

Пенсионная система в РФ: проблемы и пути решения

Зайцева Анна Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Родионова Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

Проблема пенсионного обеспечения населения в России с каждым годом становится все актуальнее. Быстрое старение населения является основной угрозой надвигающегося кризиса системы государственного пенсионного обеспечения, статья посвящена основным проблемам пенсионной системы в Российской Федерации в сегодняшней реалии, выявлены основные проблемы реформирования пенсионной системы государства и приведены пути их устранения.

Ключевые слова: пенсионная система, пенсионное обеспечение, пенсионный фонд, бюджет, реформирование.

Pension system in the Russian Federation: problems and solutions

Zaytseva Anna Yuryevna, student master's degree

Scientific adviser: Rodionova Olga Vladimirovna, doctor of legal sciences, professor
Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The problem of pension provision of the population in Russia is becoming more urgent every year. The rapid aging of the population is the main threat of the impending crisis of the state pension system, the article is devoted to the main problems of the pension system in the Russian Federation in today's reality, the main problems of reforming the state pension system are identified and ways to eliminate them are given.

Keywords: pension system, pension provision, pension fund, budget, reform.

Постановка задачи. Проблема принятия эффективных управленческих решений в процессе формирования и реализации государственной политики в сфере пенсионного обеспечения граждан всегда была и остается актуальной. Так как важнейшей составляющей благосостояния граждан России, является придерживаться принципов гуманизма в отношении тех, кто отдал обществу труд, интеллект, здоровье и у кого есть право на пенсионное обеспечение.

В 2019 г. произошло очередное крупное событие в реформировании пенсионной системы, о возможности принятия которого говорили многие. Это увеличение пенсионного возраста граждан. В настоящее время возраст, в который люди могут уйти на пенсию в Российской Федерации, составляет 60 лет у женщин и 65 лет у мужчин. Данные изменения были с одной стороны ранее очень обсуждаемы, но с другой стороны, все равно были крайне неожиданными, потому что даже среди тех людей, кто предполагал увеличение пенсионного возраста, было убеждение, что государство не пойдет на такие кардинальные меры [7].

Вместе с увеличением пенсионного возраста в правительстве были приняты меры по поддержке людей предпенсионного возраста. Обеспечение их рабочими местами за счет проведения программ по повышению квалификации, поддержка безработных старших возрастов и наложение штрафов на работодателей за увольнение таких граждан [4].

Предполагается, что к 2024 г. средний размер трудовых пенсий по старости увеличится до размера, который

будет составлять 2,5 прожиточного минимума пенсионера, а к 2030 г. получится поднять размер выплачиваемой пенсионеру пенсии до 40% от размера ранее получаемого заработка, что будет соответствовать международным стандартам минимальным нормам пенсионного обеспечения [1].

В наше время большие риски несет демографическая ситуация в стране — растет число пенсионеров, увеличивается нагрузка на рабочее население. Несмотря на повышение пенсионного возраста, нагрузка на федеральный бюджет останется на очень высоком уровне [2].

Одной из проблем пенсионной системы России выступает снижающийся с каждым годом уровень доверия граждан. Это вызвано размером пенсий; хоть и открытой, но сложной для восприятия системой расчета будущей пенсии; увеличением возраста выхода на пенсию и ежегодными продлениями моратория на формирование накопительной пенсии [1].

В настоящее время пенсионная система является довольно несправедливой по отношению к населению, потому как граждане при выходе на пенсию получают лишь около 34% от своего прежнего дохода. В России очень высокий уровень страховых взносов — 30% от заработной платы, но при этом низкий размер пенсий, что также оказывает влияние на развитие теневого сегмента, который позволяет избежать уплаты страховых взносов [3].

Самыми яркими из предлагаемых в настоящее время идей выступают ликвидация Пенсионного фонда, что должно привести к экономии затрачиваемых на него средств, и замена балльной системой подсчета пенсий

на ранговую. Но данные предложения вряд ли будут приняты, т. к. несут за собой много негативных моментов.

По словам главы партии «Справедливая Россия» Сергея Миронова, пенсионная реформа оказалась провальной, и то, в каком виде она сейчас существует, ухудшает финансовое состояние пенсионеров. Он предложил вернуться к выплатам пенсий из бюджета и страховые взносы направлять туда же.

Существуют предложения ввести обязательные страховые взносы населения по аналогии с зарубежными пенсионными системами.

Ясным в данный момент является то, что модернизация и реформирование пенсионной системы на этом не остановится. Низкий размер пенсий, высокий уровень пенсионных взносов, которые не гарантируют гражданам достойный размер пенсий, рост теневой экономики и уход от уплаты страховых взносов, наложение моратория на накопительную пенсию, недостаточная информированность и осознанность населения в плане пенсионного страхования — все эти проблемы продолжают присутствовать в настоящее время. И только обдуманная, хорошо спланированная и рассчитанная программа реформ может позволить улучшить состояние пенсионного обеспечения и позволит решить существующие проблемы.

Полагаем, что именно формирование накопительной пенсии, которую начнут получать российские граждане в 2022 г. позволит, с одной стороны, снизить объем государственных обязательств, а с другой, существенно увеличить пенсионное обеспечение российских граждан. Следует отметить, что из 73,6 млн. экономически активного населения (на конец 2020 г.) 37,1 млн. российских граждан формируют накопительную пенсию, то есть примерно 50% трудоспособных граждан. Это свидетельствует о том, что половина российских граждан, несмотря на объяв-

ление моратория, все-таки стремится сформировать накопительную пенсию. Считаем это положительным фактом с точки зрения развития российской пенсионной системы, поскольку указанная ситуация свидетельствует о понимании гражданами своих пенсионных рисков. Однако в будущем тот факт, что не все российские граждане формируют накопительную пенсию, приведет к углублению расслоения пожилых людей по доходам, которое будет только увеличиваться.

Некоторые исследователи (К.В. Швандар, А.А. Анисимова и др.) считают, что экономическое расслоение по уровню доходов существует как между пожилыми людьми, так и между пенсионерами и остальной частью населения [6]. Более того, у многих отсутствует даже возможность улучшения своего материального положения.

Граждане нашей страны практически не имеют дополнительных источников финансирования, таких как: доходы от инвестирования в ценные бумаги; вклады в инвестиционные фонды; доля в бизнесе и т. п. Анализ данных о доходах и расходах российских граждан по данным Росстата показывает, что прирост их накоплений незначителен. Данный факт позволяет сделать заключение о том, что существенных накоплений за период активной трудовой деятельности большая часть граждан сделать не имеет возможности. Графические данные, представленные на рис. 1, отражают динамику доли накоплений в доходах российских граждан.

Анализ данных, отраженных на рис. 1, показывает, что ежегодный прирост накоплений россиян, начиная с 2011 г., составляет менее 10% от их доходов, что подтверждает вывод о невысокой возможности накопления достаточного уровня сбережений и других активов для обеспечения в пожилом возрасте экономической безопасности граждан.

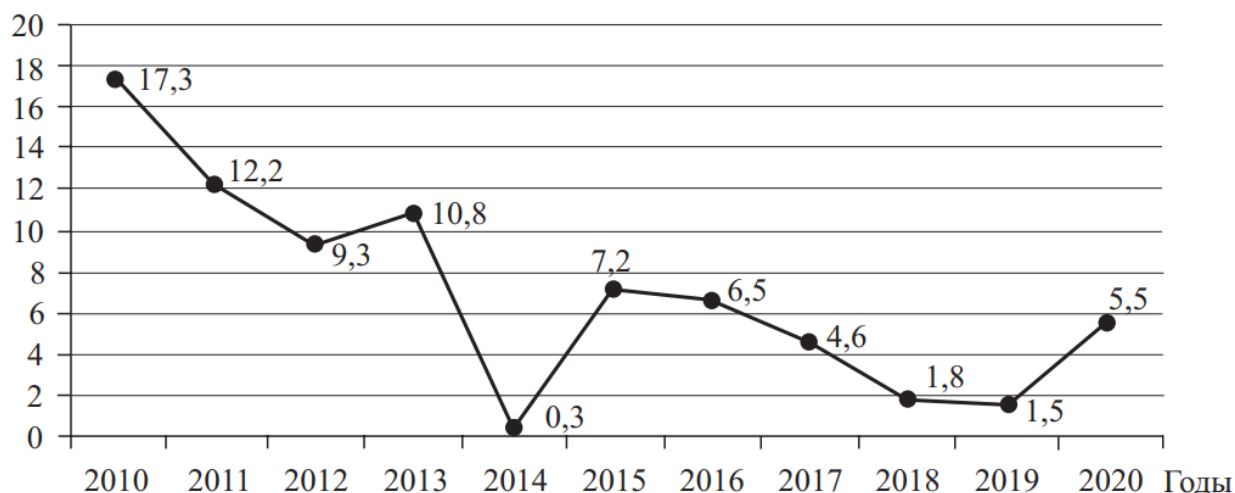

Рис. 1. Динамика доли накоплений в доходах российских граждан, % Источник: рассчитано автором

Современная ситуация на рынке труда характеризуется нестабильностью в сфере занятости и увеличением количества работников, занятых не полный день. Инновационные технологии в сфере производства, управ-

ления и организации труда приводят к преобразованиям организаций (в том числе их бизнес-моделей, если речь идет о коммерческих организациях). Эти преобразования, как правило, связаны с дроблением структуры

управления и производства в направлении создания временных трудовых коллективов, работающих над реализацией определенных проектов (как пример, холакратия). Это связано со стремлением организаций снизить затраты на рабочую силу и уменьшить долгосрочные обязательства перед работниками, что приводит к увеличению количества граждан, работающих либо на временной работе, либо на неполной ставке. Данная тенденция порождает ситуацию, когда гражданин за свою трудовую жизнь не в состоянии накопить достаточный пенсионный капитал, позволяющий сформировать адекватную пенсию по окончании трудовой деятельности.

Характерной особенностью, свойственной функционированию отечественной пенсионной системы, является ее постоянное реформирование, например, объявление в 2014 г. моратория на перечисление части страхового взноса для формирования накопительной пенсии, а также повышение пенсионного возраста в 2018 г. Оба законодательных действия весьма негативно повлияли на восприятие пенсионного законодательства российским обществом. В таблице отражено влияние этих действий на такие параметры пенсионной системы, как дотации из бюджета и недостаток средств, перечисленных на выплату страховой пенсии гражданам.

Таблица 1. Влияние законодательных инициатив на некоторые параметры пенсионной системы

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Дотации из федерального бюджета, млрд руб.	2820	2846,6	2410	3082	3355	3677,1	3229,3	3308,7	4786,8
Недостаток средств на страховую пенсию, млрд руб.	960	996	1306	1927	1887,1	1897,1	1801	1659,7	1966,3

Источник: [8]

Анализ данных таблицы свидетельствует о следующем: регуляторные инициативы не оказали долгосрочного влияния ни на перечисляемые объемы бюджетных средств, ни на достаточность средств по выплатам страховых (государственных) пенсий. Подобное заключение подтверждается анализом информации по исполнению бюджетов Пенсионного фонда России (ПФР) за соответствующие годы. Так, объем дотаций из федерального бюджета в 2014 г. (после объявления моратория на перечисление части взноса для формирования накопительной пенсии) снизился на 15%, однако, указанное снижение было кратковременным, поскольку в следующем отчетном периоде произошло увеличение бюджетных дотаций из федерального бюджета в бюджет ПФР. Кроме того, приток средств пенсионных накоплений из НПФ в ПФР на выплату государственной (страховой) пенсии не оказал ожидаемого положительного эффекта, о чем свидетельствует рост показателя недостаточности средств на страховую пенсию.

Повышение пенсионного возраста в 2018 г. привело к кратковременному снижению дотаций из федерального бюджета, а также к кратковременному снижению показателя недостаточности средств на страховую пенсию в 2018-2019 гг., однако уже в 2020 г. данный показатель вырос на 18,5%.

Таким образом, невозможность создания достаточных для формирования «подушки безопасности» накоплений и невысокий уровень получаемых пенсий свидетельствует о том, что российским гражданам необходим дополнительный источник дохода. Ситуацию, с нашей точки зрения, могут изменить НПФ, формируя дополнительные источники доходов пенсионера в виде страховой накопительной (первая женщина, сформировавшая с начала пенсионной реформы накопительную пенсию, выйдет

на пенсию в 2022 г.) и добровольной негосударственной пенсий. Это позволит как повысить уровень пенсионных выплат гражданам, так и повысить коэффициент замещения пенсией заработной платы. Более того, накопленные в пенсионной системе и аккумулированные в управления негосударственных пенсионных фондов (НПФ) и в Государственной управляющей компании (ВЭБ. РФ) пенсионные накопления и резервы на первое полугодие 2021 г. в размере 6,5 трлн руб. — это денежные средства, которые финансируют российскую экономику, минуя банки. «То есть мы убираем маржу, которую берут банки и распределяют ее внутри себя, и таким образом эти деньги достаются инвестору дороже, он получает больше доход, а заемщику они достаются дешевле...» [5]. Следовательно, роль НПФ в экономике постоянно возрастает за счет аккумулированных в данном сегменте финансового рынка средств.

Таким образом, анализ существующих проблем и современных трансформаций российской пенсионной системы в плане развития ее накопительной составляющей показал, что основными проблемами российской пенсионной системы являются: низкий уровень пенсий и снижение динамики доли накоплений в доходах граждан; низкий коэффициент замещения; высокий уровень дотаций из федерального бюджета; монопродуктовая стратегия в отношении пенсионных накоплений. К сожалению, осуществляемые преобразования российской пенсионной системы в процессе реформирования не направлены на решение этих проблем, а связаны со следующими факторами: с параметрическими изменениями пенсионного обеспечения граждан (возрастные ограничения относительно возможности формировать накопительную пенсию, увеличение «срока дожития», что уменьшает размер накопительной пенсии и т.п.); изменением орга-

низационно-правовой формы НПФ; созданием системы гарантирования пенсионных накоплений и т. п.

Все вышесказанное позволяет сделать следующий вывод: в российской пенсионной системе больше внимания уделяется сохранности средств, чем их доходности,

что не способствует решению проблемы увеличения размера пенсий гражданам за счет накопительной пенсии, а также не ведет к росту коэффициента замещения при решении задач, поставленных в «Стратегии развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года».

Литература:

1. Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ (ред. от 11.12.2018) «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // «Российская газета», № 247, 20.12.2001.
2. Лапаев, А. А. Демографические факторы, определяющие направления развития пенсионной системы российской федерации // Международный научно-исследовательский журнал — 2021. — № 5 (107) — С. 21-24.
3. Бегичева, Э. И. Правовое регулирование пенсионного обеспечения в Российской Федерации // Э. И. Бегичева // Российское право онлайн. 2017. № 2. с. 61-69.
4. Глинская, Д. Р. Основные проблемы пенсионного обеспечения в Российской Федерации // Д. Р. Глинская // ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева». — 2018. — с. 96-107
5. Кравченко, Е. В. Развитие системы негосударственного пенсионного обеспечения как фактор повышения устойчивости пенсионной системы // Экономика труда. — 2020. — Том 7. — № 10. — с. 953-966.
6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. — Режим доступа: <http://www.gks.ru>
7. Заключение на проект федерального закона № 1027744-7 «О бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов». [Электронный ресурс], Режим доступа — <https://ach.gov.ru/>
8. Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов январь — декабрь 2020 года Электронный ресурс. [Режим доступа] — <https://ach.gov.ru/>

Некоторые проблемы квалификации самовольного оставления части или места службы, предусмотренной статьей 337 УК РФ

Иванов Александр Валерьевич, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В данной статье рассматриваются некоторые проблемы квалификации уголовной ответственности при самовольном оставлении части или места службы, предусмотренной ст. 337 Уголовного кодекса Российской Федерации. Кроме того, рассматриваются причины оставления части или места службы, смягчающие и отягчающие обстоятельства.

Сам факт самовольного оставления части или места службы рассматривается в качестве части посягательства с формальным составом.

Ключевые слова: самовольное оставление части или места службы, служба, проблемы, уголовная ответственность, Уголовный кодекс РФ.

Some problems of qualification of unauthorized abandonment of a part or place of service, provided for in Art. 337 of the Criminal Code of the Russian Federation

Ivanov Aleksandr Valeryevich, student master's degree
Baikal State University (Irkutsk)

This article discusses some of the problems of qualification of criminal liability in case of unauthorized abandonment of a part or place of service, provided for in Art. 337 of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, the reasons for leaving a part or place of service, mitigating and aggravating circumstances are considered.

The very fact of unauthorized abandonment of a unit or place of service is considered as part of an assault with a formal composition.

Keywords: *unauthorized abandonment of a part or place of service, service, problems, criminal liability, Criminal Code of the Russian Federation.*

Ст. 337 УК РФ, самовольное оставление части или места службы, а равно неявка в срок без уважительных причин на службу при увольнении из части, при назначении, переводе, из командировки, отпуска или медицинской организации продолжительностью свыше двух суток, но не более десяти суток, совершенные военнослужащим, проходящим военную службу по призыву — наказываются арестом на срок до шести месяцев или содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года.

«Объект посягательства представляет собой закрепленный в существующем законодательстве Российской Федерации условия нахождения на воинской службе. Обращая внимание на данные условия, отметим, что солдат обязан проходить службу в строго определенном месте и реализовывать комплекс своих служебных обязанностей в полной мере.

Однако, если служащий был исключен либо временно отстранен от данных правовых отношений по причине содержания под стражей, то он не подпадает под ответственность по данной статье» [2, с. 57].

Рассматривая объективную сторону деяния предусмотренного ст. 337 УК РФ, отметим, что данным деянием является самовольное оставление части либо места воинской службы, либо неявка в указанное время без уважительной причины в часть в ходе увольнения, назначения, перевода, возвращения из командировки, отпуска либо учреждения здравоохранения. «На основании изложенного, полагаем, что расположение части рассматривается в качестве огражденной территории, в пределах которой находятся воинские подразделения и службы конкретной части. В случае обособленного расположения подразделения конкретной части факт его самовольного оставления необходимо рассматривать как самовольное оставление части» [4, с. 138].

Стоит отметить, что место службы несовпадающее с расположением воинской части, может быть местом выделенным служащему для несения службы, где солдат присутствует на основании приказа.

Самим местом службы является то место, где выполняются какие-либо хозяйственные действия, например, пункты назначения, командировки или места лечения военнослужащих, такие как госпиталь.

Факт самовольного оставления части или места службы, рассматривается в части деяния с формальным составом. Данное деяние входит в категорию — длящиеся. Исходный момент совершения данного деяния считается тот момент, когда военнослужащий покинули часть или место службы без согласия. Однако, для военнослужащих по контракту, данное действие считается нелегальным в том случае, если они осуществили его в те-

чение рабочего дня, который закреплен в расписании дня. Именно с этого момента, данное деяние является завершенным.

Неявкой в установленное время и без уважительной причины в часть или место службы считается истечение времени, которое указывается в сопроводительных документах. К таким документам можно отнести предписание, отпускной билет и т. д.

Для военнослужащих проходящих службу по контракту, началом данного действия можно считать неявку в часть или место службы во время, которое установлено расписанием дня. «Оповещение служащим, устное или в письменном виде, самостоятельно или через третьих лиц, о точке своего нахождения тоже можно рассматривать в качестве фактического завершения преступного состояния, однако лишь в ситуации, когда сразу после этого солдат приходит на место прохождения службы либо осуществляет другой приказ командования (приходит в военный комиссариат, ждет встречи с представителем военной части и пр.) или если есть уважительная причина опоздания в воинскую часть» [2, с. 14].

Кроме того, если военнослужащий игнорирует приказы руководства, то извещение о его месте нахождения не является завершением данного деяния. В УК РФ самовольное оставление части или места службы, неявка, исчисляются в сутках от 2 до 10 и более 10 суток, отметим, что в сутках 24 часа, следуя из этого, длительность срока уклонения считается с того часа, когда часть или место службы были самовольно оставлены военнослужащим.

Самовольное покидание части или места службы или неявка в установленное время военнослужащим подпадают под ч. 4 ст. 337 УК РФ (длительностью более 1 месяца) только в том случае, если отсутствие длится дольше положенного времени. Календарный месяц считается временным промежутком с конкретного числа одного и по конкретное установленное число другого месяца. «Ряд уклонений от воинских обязанностей, если длительность одного из них — больше 2 суток, но не больше 10, второго — больше 10 суток, но не больше месяца, 3-го — больше месяца, должны быть квалифицированы по совокупности деяний, закрепленных в ч. ч. 1, 2 и 3 ст. 337 УК РФ. При этом осуществление субъектом комплекса уклонений, подходящих под признаки 1 части ст. 337 УК, в соответствии с существующим законодательством составляет совокупность посягательств» [3, с. 218].

Субъектом данного деяния являются военнослужащие, которые проходят службу по призыву или контракту. Однако, сюда также относятся и военнослужащие отбывающие наказание в дисциплинарных воинских частях. Согласно п. 10 ст. 38 ФЗ «О воинской обязанности и военной

службе» отправным моментом военной службы лиц, не находящихся в запасе и подлежащих призыву на воинскую службу, является день, когда они покидают военный комиссариат в субъекте РФ и отправляются в пункт прохождения службы.

Исследуя субъективную сторону данного деяния, следует обратить внимание на то, что оно осуществляется только при прямом умысле. Но восприятие нарушителя, на психологическом уровне, длительность уклонения исполнения воинских обязанностей, может иметь индифферентное отношение. Для того, чтобы разделять их, нужно учесть некоторые факторы.

Обстоятельства, которые являются крайней необходимостью, морального или физического принуждения или уважительной причины (ст. 337 УК РФ), не являются преступлением и не подпадают под уголовную ответственность, так как в поступках военнослужащего отсутствует состав преступления. Такие обстоятельства могут быть представлены в том случае, если объективно отсутствует возможность военнослужащего продолжать несение службы. «Неуставные поступки других служащих, командующего звена, регулярное некачественное обеспечение продуктами питания, некачественная медицинская помощь, другие факторы, могущие рассматриваться в качестве реальной и не подлежащей устранению угрозы жизни и здоровью служащего, его прав и прав других субъектов» [2, с. 81].

Кроме того, наличие смягчающих обстоятельств не препятствует привлечению лица к ответственности, так как смягчающие обстоятельства могут означать только меньшую социальную опасность преступления или на саму личность совершившее преступление. Суд должен обращать внимание на смягчающие обстоятельства при вынесении приговора. Говоря о тяжелых обстоятельствах, стоит отметить, что это различные жизненные обстоятельства, они не могут препятствовать прохо-

ждению службы, но усложняют данный процесс в связи с тем, что военнослужащему нужно срочно явиться по месту жительства близких родственников.

Несомненно, тяжелые обстоятельства являются причиной, для выдачи военнослужащему отпуска. Регламентируется данный документ п. 10 ст. 11 ФЗ «О статусе военнослужащих». Данные обстоятельства включают в себя тяжелое состояния здоровья, смерть близких родственников военнослужащего. Кроме того, к таким обстоятельствам относят пожары или другие бедствия, чрезвычайные ситуации, когда присутствие военнослужащего в семье обязательно. Некоторые тяжелые обстоятельства могут являться причиной увольнения, закрепленных в ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». «Это могут быть потребность в непрерывном уходе за родным (пп. «б» п. 1 ст. 24 и пп. «в» п. 3 ст. 51), сыном или дочерью (пп. «в», «г», «д» п. 1 ст. 24), оказании помощи матери-одиночке, воспитывающей несовершеннолетних детей (пп. «е» п. 1 ст. 24 указанного Закона) и т. д». [3, с. 61].

Тяжелыми обстоятельствами при прохождении службы по призыву или контракту признаются все действия, которые изложили выше, такие как неуставные отношения, финансовые трудности и др. возникшие в части или месте прохождения службы.

Подводя итог исследования, рассмотрев деяние, предусмотренное ст. 337 УК РФ были выяснены обстоятельства и нюансы, которые способствуют совершению преступления, а так же все обстоятельства, которые позволяют покинуть военнослужащему часть или место несения службы, законно.

Необходимо указать, что каждый вопрос о наличии или отсутствии данных обстоятельств должен разрешаться в индивидуальном порядке, при учете конкретных обстоятельств. Отметим, что иногда, одни и те же факторы признаются тяжелыми или, наоборот, при определенных условиях.

Литература:

1. Панько, К. К. Правила и приемы российского уголовного законодательства // *Lex russica*. 2014. № 3. с. 294-304.
2. Безсонов, Д. Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве: диссертация на тему, утвержденную конференцией Александровской Военно-юридической академии/Д. Д. Безсонов. СПб. 1907. — 480 с.
3. Кузьмин-Караваев, В. Д. Военно-уголовное право. Часть Общая/В. Д. Кузьмин-Караваев. — СПб. 1895. — 306 с.
4. Чхиквадзе, В. М. Военно-уголовное право. Ч. II — Особенная/В. М. Чхиквадзе. — М. 1947. — 247 с.

Государственно-частное партнерство в России как новый вид перспективных взаимоотношений

Киселев Иван Алексеевич, студент;
Джафаров Наваи Камилович, старший преподаватель
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

В данной статье рассматривается государственно-частное партнерство: его понятие, исторические корни, законодательная основа, реализуемые проекты, положительные и отрицательные черты.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, сотрудничество, взаимодействие, виды, недостатки, положительные черты.

Государственно-частное партнерство — вид взаимовыгодного сотрудничества частной и публичной стороны, которое позволяет государству реализовать те проекты, которые без сторонних инвестиций сделать достаточно сложно или вовсе невозможно. Зачастую такие проекты масштабны и социально-значимы.

«Государственно-частное партнерство» (сокращенно — «ГЧП»; в переводе с английского — «public-private partnership») — явление не новое. Впервые механизмы такого вида партнерства начали проявляться еще в древней Греции, в древнем Риме и даже в древнем Иране. Там это проявлялось самыми различными способами, например [3]:

1) Частному сектору передавались для управления объекты различной транспортной инфраструктуры, торговли, а также рынком услуг, такие как: порты, почтовые пункты, бани;

2) Арендой общественных земель, принадлежавших государству и территориальным общинам на длительные сроки;

3) Государственным назначением «откупщиков», которые за определенную сумму вознаграждения или процент от «откупа» выполняли часть функций государства по сбору налогов и других государственных доходов.

Затем элементы этого вида взаимоотношений развивались и проявлялись по всему миру. Во времена XIX-XX веков большая часть железных дорог в России была сделана на основе государственно-частного партнерства, даже знаменитый и столь популярный в художественной культуре и в полноценном прикладном использовании «Бруклинский мост» в Нью-Йорке был сделан при помощи частных инвестиций. В 1984 году правительства Великобритании и Франции объединившись совместно с частными инвесторами смогли реализовать один проект, реализация которого без привлечения сторонних инвестиций казалась невозможной — строительство и введение в эксплуатацию тоннеля через пролив Ла-Манш. Такой транспортно-инфраструктурный объект потребовал около 15 миллиардов долларов инвестиций, семи лет работы, а также около 13 тысяч рабочих и инженеров. Как итог, тоннель под проливом Ла-Манш стал одним из самых крупнейших в мире проектов, осно-

ванных на принципах международного государственно-частного партнерства.

В современной России полноценная и при этом публичная значимость такому виду взаимодействия была придана только в 2004 году, где на 14 съезде «Российского союза промышленников и предпринимателей» президент России Владимир Владимирович Путин заявил, что полноценная заинтересованность частного сектора в решении приоритетных государственных и национальных задач может быть достаточно продуктивной и полезной, тем самым, обозначив весомую значимость этих взаимоотношений [5].

Начиная с 2004 года начала прорабатываться законодательная база в сфере реализации механизмов государственно-частного партнерства: сначала закон о концессионных соглашениях, появившийся в 2005 году, затем закон о государственно-частном партнерстве, появившийся в 2015 году. Благодаря этому, за последние несколько лет были реализованы значимые объекты инфраструктуры путем использования механизмов государственно-частного партнерства, например скоростная трасса М-11 «Москва-Санкт-Петербург».

Определений государственно-частного партнерства существует много, как в законодательстве разных стран, так и в научной общественности в целом. Например, Кабашкин В.А. в своем труде «Государственно-частное партнерство: международный опыт и российские перспективы» дает следующее определение: «Государственно-частное партнерство является альянсом государственных органов и частного бизнеса, цель которого заключается в создании и развитии социально значимых проектов — от стратегических отраслей экономики до оказания услуг в масштабах страны либо отдельных ее территорий» [4].

Однако, более обширно раскрывает этот термин спикер Анастасия Русинова проводя свою лекцию по теме государственно-частного партнерства на базе образовательного центра «Кафедры практической юриспруденции» Юридического факультета СПбГЭУ. По ее мнению, государственно-частное партнерство — «это взаимодействие частного и публичного сектора, реализуемое на основании долгосрочного контракта или соглашения с целью

развития и (или) управления объектами публичной инфраструктуры и (или) оказания публичных услуг, в котором частный партнер несет существенную часть риска и ответственности в течение всего срока действия такого контракта или соглашения, а также предоставляет существенную долю финансирования, и его вознаграждение зависит от качества исполнения им обязательств по контракту или соглашению о государственно-частном партнерстве и (или) спроса на оказываемые услуги с использованием такой инфраструктуры» [6].

В Российской Федерации законодатель дает следующее определение государственно-частному партнерству: «это юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера с одной стороны, и частного партнера с другой, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества» [2, ст. 3].

Подытоживая вышесказанное, можно считать, что государственно-частное партнерство — это вид партнерства, представляющий собой взаимодействие государства с частным лицом на взаимовыгодных условиях на определенный срок, ради объединения ресурсов, распределения рисков и выполнения различных проектов. Взаимоотношения сторон зафиксированы в официальных документах, имеющих юридическую силу, например, в договорах или контрактах. Государственный партнер, вместе с частным, имеют общие цели, их сотрудничество нацелено на решение общественно-значимых задач, а также они распределяют между собой все расходы с проектными рисками.

В Российской Федерации в основном выделяется две формы сотрудничества в сфере государственно-частного партнерства:

1. Концессионные соглашения, заключаемые в соответствии с федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»;

2. Соглашения о государственно-частном партнерстве, а также соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключаемые в соответствии с федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Суть этих форм примерно одна, но различия в нюансах все же есть. Концессионное соглашение — это форма государственно-частного партнерства, которое направлено на привлечение инвестиций в создание или реконструкцию объектов недвижимости для дальнейшей эксплуатации. При заключении и исполнении данного договора происходит передача государственной

собственности частному инвестору, а при завершении — обратное возвращение государству. При «соглашении о государственно-частном партнерстве» право собственности может перейти полностью частному лицу, если есть соответствующая договоренность. Еще одна разница состоит в том, что частная сторона в концессионном соглашении не обязательно должна иметь гражданство Российской Федерации, в то время как при «соглашении о государственно-частном партнерстве» — обязательно юридическое лицо с гражданством Российской Федерации.

Деятельность в сфере государственно-частного партнерства должна соблюдать следующие принципы [2, ст. 4]:

1. Соглашение должно заключаться свободно, без какого-либо давления (например экономического или политического);

2. Публичность партнерства, то есть информация о партнерстве не должна скрываться. Она должна быть открытой и доступной, если не является государственной тайной или иной охраняемой законом;

3. Должна обеспечиваться полноценная конкуренция без какой-либо дискриминации;

4. Должно соблюдаться равноправие сторон, в том числе перед законом;

5. Необходимость справедливого распределения рисков и обязательств между партнерами точно так же, как и необходимость добросовестного исполнения своих обязательств по установленному соглашению.

Государственно-частное партнерство — обоюдно полезное взаимодействие, у которого есть как свои плюсы, так и свои минусы. Положительные черты можно выделить следующие:

1. Ключевая особенность заключается в эффективном сокращении публичных расходов на реализацию проекта, что обеспечивает лучшее соотношение затрат с качеством итогового проекта;

2. Вторая положительная черта проявляется в возможности увеличения ресурсного обеспечения проектов, что позволяет создавать более масштабные и значимые объекты;

3. За счет привлечения заинтересованного частного инвестора, возрастает качество реализуемых проектов и появляется возможность их поддержки в дальнейшей эксплуатации;

4. Важный момент заключается в распределении рисков между партнерами, так как появляется возможность более эффективно ими управлять;

5. Возможная стимуляция многостороннего сотрудничества. Данная положительная черта заключается не только во взаимодействии государства и частного сектора, но и во взаимодействии одного государства с другим, ради реализации общественно-значимых проектов.

Однако, несмотря на положительные черты государственно-частного партнерства, стоит выделить следующие недостатки:

1. Долгосрочное сотрудничество. Мало того, что сами контракты заключаются не менее, чем на три года, так и на обсуждение самого проекта и контракта может уйти целый год, если не больше, из-за возможной сложности последующей реализации;

2. Прибыль возможна только спустя некоторое количество времени после введения объекта в эксплуатацию;

3. Третий недостаток включает в себя человеческую недобросовестность и неопытность в данной сфере. То есть:

а. Антимонопольная служба может подозревать некоторые концессионные соглашения в обходе закона, ведь под соглашением такого рода может скрываться простая государственная закупка;

б. Изначальные расходы при проектировании объекта могут быть намеренно искажены, чтобы оправдать организацию проекта;

в. Несмотря на возможность справедливого распределения рисков, получается это далеко не всегда. Порой не удивительны ситуации, когда при каких-либо происшествиях ответственность перекалдывается с одной стороны на другую.

Основной недостаток государственно-частного партнерства заключается в огромном количестве нюансов при самом проведении сотрудничества в данной сфере (например различные ограничения при строительстве в определенном регионе). Итоговая стоимость реализации проекта может разительно отличаться от первоначальной, инфляцию и удорожание материалов никто досконально точно предсказать на ранних этапах реализации проекта и заключения договора не может. К тому же, не всегда очевидна эффективность при реализации различных контрактов и соглашений, из-за чего происходит отказ от проекта и участия частного лица.

Многие имеющиеся недостатки связаны с тем, что сфера государственно-частного партнерства в Российской Федерации относительно нова. Многие в сфере законодательства должно быть продумано, многое нужно переработать и усовершенствовать, чтобы повысить заинтересованность сторон в заключении соглашений на основе государственно-частного партнерства.

Например, недостаток неоднозначного распределения рисков можно решить внедрением в законодательство Российской Федерации «матрицы рисков», которая успешно используется при реализации проектов государственно-частного партнерства во Франции. Но несмотря на недостатки в данной сфере, уже сейчас заметно, какой потенциал существует и как он реализуется на данный момент.

Трасса М-11 «Москва-Санкт-Петербург» — скоростная платная трасса, на которой впервые в России применён механизм государственно-частного партнер-

ства в форме концессионного соглашения. С помощью нее без каких-либо существенных трудностей можно доехать на машине от Москвы до Санкт-Петербурга используя только качественную платную дорогу, затратив при этом на данный путь несколько часов [7]. Также в России существует «Западный скоростной диаметр» — это уникальная скоростная внутригородская платная магистраль, созданная в Санкт-Петербурге и имеющая огромное количество значимых наград [8]. Количество и качество полученных наград вполне обоснованно, ведь этот проект — проект не только международного масштаба, но и один из крупнейших в мире примеров государственно-частного партнерства в сфере создания платных дорог. Приведенные два примера показывают не только возможную перспективную эффективность государственно-частного партнерства, но и всеобщую значимость реализуемых проектов.

В рамках инфраструктурного конгресса «Российская неделя ГЧП-2020» первый заместитель министра экономического развития Российской Федерации Илья Торосов заявил, что рынок государственно-частного партнерства только за прошедшее десятилетие вырос в 30 раз. И при этом, тенденция на дальнейший рост — есть. На данный момент планируется улучшать законодательство в сфере государственно-частного партнерства, чтобы увеличить количество инвестиционной привлекательности и последующей активности. Например, планируется уточнение формы финансового участия публичной стороны с внедрением и продвижением механизма соглашения о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК). По мнению заместителя министра, эти решения помогут принести стране новые проекты в сфере государственно-частного партнерства на сумму более одного триллиона рублей за ближайшие пять лет [9].

Государственно-частное партнерство в России уже вышло из стадии зарождения и прямо сейчас находится на стадии роста, развития и закрепления в стране. Можно свободно пользоваться уже существующими элементами инфраструктуры, которые были созданы при помощи государственно-частного партнерства. Но несмотря на то, что некоторые объекты, созданные путем такого взаимоотношения, имеют множество всемирных наград, впереди все еще предстоит долгий и тернистый путь, чтобы окрепнуть и стать по-настоящему значимым и популярным методом взаимодействия частного и государственного секторов. При этом, уже сейчас можно с уверенностью сказать, что на данный момент существуют условия для успешного будущего этой сферы. Необходимо только продолжать совершенствовать законодательную базу в сфере государственно-частного партнерства и направлять вектор развития государства на создание общественно значимых объектов инфраструктуры.

Литература:

1. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»;

2. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
3. Громова, Е. А. Государственно-частное партнерство и его правовые формы, учебное пособие. 2019. с. 2;
4. Кабашкин, В. А. Государственно-частное партнерство: международный опыт и российские перспективы. 2015. с. 120;
5. Вступительное слово на XIV съезде Российского союза промышленников и предпринимателей: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22686>;
6. YouTube канал «Практическая юриспруденция» — Лекция А. Русиновой «Государственно-частное партнерство в России: теория и практика»: <https://www.youtube.com/watch?v=2hc4GdViu3o>;
7. Официальный сайт Скоростной трассы М11 «Москва — Санкт-Петербург»: m11-neva.ru;
8. Официальный сайт «Магистралей Северной Столицы»: nch-spb.com;
9. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации: «Илья Торосов: рынок проектов ГЧП вырос в 30 раз за десятилетие и сохраняет потенциал для роста»: https://www.economy.gov.ru/material/news/ilya_torosov_rynok_proektov_gchp_vyros_v_30_raz_za_desyatiletie_i_sohranyaet_potencial_dlya_rosta_.html

Некоторые вопросы классификации административного иска

Ковалева Дарья Сергеевна, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

Актуальность выбранной темы исследования определяется важностью изучаемых вопросов для эффективного осуществления искового производства по административным делам и существующими здесь проблемами. В данной статье автор рассматривает некоторые аспекты классификации административного иска. При этом приводятся различные деления на виды этого иска в научной литературе. Особое внимание уделяется изучению такого явления как коллективный административный иск. Предложена авторская классификация административного иска.

Ключевые слова: административный иск, классификация административного иска, коллективный административный иск, пандемия, материально-правовое требование.

Some questions of classification of the administrative claim

Kovaleva Daria Sergeevna, student

Ural Branch of the Russian State University of Justice (Chelyabinsk)

The relevance of the chosen research topic is determined by the importance of the studied issues for the effective implementation of litigation in administrative cases and the existing problems. In this article, the author discusses some aspects of the classification of an administrative claim. At the same time, various divisions into types of this claim are given in the scientific literature. Particular attention is paid to the study of such a phenomenon as a collective administrative action. The author's classification of the administrative action.

Keywords: administrative lawsuit, classification of administrative lawsuit, collective administrative lawsuit, pandemic, substantive claim.

Институту административного иска посвящен ряд специальных научных исследований. Однако до настоящего времени многие из позиций исследователей по основополагающим положениям, касающимся рассматриваемого правового явления, не являются общепризнанными, что свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки и анализа данной проблематики. Так существует множество различных классификаций этого

иска, которые авторы проводят, исходя из различных критериев.

Таким образом, целесообразность дальнейших исследований указанной проблематики обусловлена необходимостью научного осмысления такого правового явления как административный иск, что связано, с одной стороны, с насущными проблемами судебной практики по таким делам, а с другой — с теоретическими проблемами, свя-

занными с методологическим обеспечением дальнейшего проведения судебно-правовой реформы.

Итак, административные иски могут быть классифицированы, опираясь на различные критерии.

Так, по субъектному критерию А. Б. Зеленцов, О. А. Ястребов разделяют рассматриваемые иски на:

- административные иски частных лиц (физических лиц и организаций) к органам и должностным лицам публичной власти по административным делам, предусмотренным ч. 2 ст. 1 КАС РФ;

- административные иски органов (должностных лиц) публичной власти при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям (частным лицам) по делам, предусмотренным ч. 3 ст. 1 КАС РФ.

По предмету иска — процессуально-правовая классификация в зависимости от того, какой способ защиты права намерен получить от суда истец:

- административные иски о признании;
- административные иски о присуждении;
- преобразовательные административные иски.

В зависимости от того, является ли объектом нарушенного права благо, поддающееся денежной оценке:

- имущественные;
- неимущественные [14, с. 421-422].

И. В. Тимошенко считает, что административные иски как обращенные к суду требования следует подразделять на иски о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов и на иные вытекающие из административных и иных публично-правовых отношений иски [16, с. 105].

В том числе, административные иски могут быть классифицированы по характеру защищаемых интересов на личные и коллективные (групповые).

«Личные административные иски — это иски, направленные на защиту административным истцом своих собственных интересов. Он действует в свою пользу, является участником спорного материального правоотношения и непосредственным выгодоприобретателем по судебному решению» [14, с. 423].

«Коллективные (групповые) административные иски — это иски, заявляемые уполномоченным лицом или несколькими уполномоченными лицами и направленные на защиту интересов многочисленной группы лиц или неопределенного числа ее членов» [14, с. 424]. Думается, этот вид административных исков вызывает особый научный интерес ввиду его непростой конструкции, а также активизации применения этого иска в связи с пандемией.

Возможность подачи коллективных административных исков предусмотрена в сфере административных и иных публичных правоотношений относительно различных категорий дел, предусмотренных ч. 2 ст. 1 КАС РФ [2].

Для использования данного процессуального инструмента необходимо соблюдение целого ряда условий. Первое — подача коллективного административного иска

возможна при многочисленности группы лиц или неопределенности числа ее членов, затрудняющих разрешение требований потенциальных членов группы в индивидуальном порядке и в порядке соучастия.

В качестве примеров можно вспомнить ситуацию с действиями региональных властей в период пандемии коронавируса, когда в регионах:

- вводились самоизоляция и цифровые пропуска;
- использовались мобильные приложения для отслеживания контактов лиц, заболевших COVID-19;
- были закрыты рестораны, салоны красоты, кинотеатры и другие развлекательные места, а также
- приняты иные меры [15, с. 38].

У некоторых граждан недовольство вылилось в подачу коллективных административных исков против органов власти с целью признания незаконными и отмены соответствующих запретов и ограничений. Так, в СМИ писали, что в столице группа людей во главе с муниципальным депутатом оспаривали Указ Мэра г. Москвы «О введении режима повышенной готовности» [3]. Они ссылались на ст. 27 и 55 Конституции РФ [1] о свободе передвижения и возможности ее ограничения только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья и иных конституционно значимых ценностей. Суд ожидаемо оставил коллективный административный иск без удовлетворения [12].

Отказ в удовлетворении коллективных административных исков об оспаривании действий публичных властей, связанных с введением запретов и ограничений, суды, как правило, обосновывали сложной эпидемиологической ситуацией, вызванной вспышкой коронавируса. Решением Всемирной организации здравоохранения 20.01.2020 данная угроза уровня международной опасности была объявлена чрезвычайной ситуацией международного значения. А 11.03.2020 ситуация была признана пандемией.

Иными словами, уровень угрозы оказался совершенно беспрецедентным, в связи с этим весь мир находился в опасности. Поэтому публичные власти были вправе применить соответствующие меры, направленные на сдерживание распространения заболевания, что нашло отражение в судебной практике [6].

Вторым условием для принятия судом коллективного административного иска является однородность предмета спора и оснований для предъявления членами группы соответствующих требований [15, с. 39].

В качестве примера третьего основания — наличие общего административного ответчика (административных соответчиков) — можно назвать иск группы военнослужащих одной воинской части к ее командиру по поводу условий прохождения службы, одинаковых для них всех [15, с. 40].

И наконец, четвертым основанием для принятия судом коллективного административного иска к производству является использование всеми членами группы одинакового способа защиты своих прав [13, с. 129].

В качестве примеров коллективных административных исков можно привести следующие типичные случаи:

— оспаривание положений нормативного правового акта РФ полностью или в части группой граждан, чьи права и обязанности он затрагивает [6];

— жалоба лиц, осужденных к лишению свободы, на нарушение условий содержания или возникновение угрозы такого нарушения [5];

— оспаривание участниками публичного мероприятия действий и решений по его приостановлению или прекращению [4];

— требования собственников земельных участков к органам власти о признании недействующим генерального плана поселения в части размещения завода по термическому обезвреживанию твердых коммунальных отходов [8];

— требование собственников жилых помещений к органам власти о признании недействительными результатов публичных слушаний по вопросам межевания территории кварталов, которые влекут уменьшение земельного участка, составляющего придомовую территорию их многоквартирного дома [9];

— требование жителей многоквартирного дома о признании недействующим в части распоряжения столичной мэрии о включении такого дома в адресный перечень домов, подлежащих сносу в рамках программы комплексной реконструкции квартала [10];

— оспаривание жителями проекта организации санитарной охраны источников питьевого снабжения городского округа или иного территориального образования при его несоответствии установленным требованиям [11] и др.

Итак, можно сделать вывод, что институт коллективного административного иска (ст. 42 КАС РФ) направлен

на достижение экономии времени, поскольку каждому из участников такого спора нет, выставляющих однотипные требования необходимости обращаться в суд в самостоятельном порядке с отдельным иском, при этом исключается риск вынесения противоречивых судебных актов, что было бы возможно при рассмотрении дел индивидуально.

Классификация административных исков может быть осуществлена с учетом характера заявляемого административным истцом материально-правового требования. Исходя из этого критерия, автор предлагает следующую классификацию административных исков:

— административные иски об оспаривании нормативных правовых актов публичных субъектов;

— административные иски об оспаривании ненормативных правовых актов, решений, действий и бездействия публичных субъектов;

— административные иски об обязанности публичных субъектов воздержаться от совершения определенных действий;

— административные иски о принудительном совершении по отношению к гражданину определенных действий в установленных законом случаях.

Итак, проведенное исследование показало, что в научной литературе существует значительное количество классификаций административных исков, исходя из положенных в основу той или иной классификации критериев. Представляется, что такое деление обозначенных исков на группы позволяет глубже уяснить их правовую природу.

Автором предложена собственная классификация административных исков, в основу которой положен характер заявляемого административным истцом материально-правового требования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 10. — Ст. 1391.
3. Указ Мэра Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. — 2020. — № 14.
4. Постановление Пленума ВС РФ от 26.06.2018 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018. — № 8.
5. Постановление Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 2.
6. Постановление Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 2.
7. Постановление Верховного Суда РФ от 18.06.2021 № 5-АД21-44-К2 // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru>.
8. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 21.10.2020 по делу № 66а-1959/2020 // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru>.

9. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.10.2020 по делу № 88а-20877/2020 // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>.
10. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.09.2020 по делу № 33а-3680/2020 // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru>.
11. Решение Нефтекамского городского суда Республики Башкортостан от 10.07.2020 № 33-333/2020 // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru>.
12. Анализ законности указов Мэра г. Москвы о мерах против коронавируса. — URL: <https://lawfirm.ru/comments/index.php?id=20809> (дата обращения: 15.12.2021).
13. Борисов, А. Н. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (постатейный)/А. Н. Борисов, Р. П. Лагвилава. — М.: Юстицинформ, 2018. — 535 с.
14. Зеленцов, А. Б. Судебное административное право/А. Б. Зеленцов, О. А. Ястребов. — М.: Статут, 2017. — 768 с.
15. Рябчиков, Г. Практика применения коллективных административных исков/Г. Рябчиков // Юридический справочник руководителя. — 2021. — № 5. — с. 38-42.
16. Тимошенко, И. В. Альтернативный административный иск как процессуальное средство защиты нарушенного права/И. В. Тимошенко // Вестник Таганрогского института управления и экономики. — 2021. — № 1. — с. 104-110.

Институт частных определений в механизме обеспечения законности

Куртуков Роман Сергеевич, старший преподаватель, заместитель декана
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк)

В статье автором анализируется правовая природа частных определений судов общей юрисдикции и арбитражных судов, выявляется их роль в механизме обеспечения законности.

Ключевые слова: суд, частное определение, законность.

Термин «законность» является одним из наиболее значимых и основополагающих для правовой доктрины. С теоретической точки зрения законность — это многоаспектная собирательная категория, практическое значение которой выражается в её многофункциональной роли. Н. И. Матузов и А. В. Малько, исследуя данную категорию, пришли к выводу о том, что законность представляет собой «строгое и неуклонное соблюдение всеми субъектами права действующей системы нормативных правовых актов в целях достижения состояния правомерности поведения» [1, с. 546]. Характеризуя исследуемое явление, авторы отметили такие ключевые признаки законности как: единство; гарантированность основных прав и свобод граждан; неотвратимость наказания за совершённое противоправное деяние; недопустимость противопоставления законности и целесообразности; а также взаимосвязь законности и культуры.

Несомненно, ключевым принципом (исходным положением) законности выступает верховенство закона в самом широком смысле. Его можно толковать, с одной стороны, как признание высшей юридической силы закона по отношению к иным нормативным правовым актам, а с другой, — как главенство закона в качестве инструмента установления границ возможного и должного поведения субъектов правоотношений.

В указанном аспекте изложенное толкование законности в полной мере соотносится с задачами судопроизвод-

ства, легально закреплёнными в нормах процессуальных кодексов. Так, статья 2 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (далее — ГПК РФ) [2] закрепляет норму о том, что гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду, мирному урегулированию споров. Об укреплении законности и предупреждении правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности как о задаче судопроизводства в арбитражных судах говорит статья 2 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (далее — АПК РФ) [3]. Кодекс административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (далее — КАС РФ) [4] в статье 3 называет, в числе прочего, такую задачу административного судопроизводства, как укрепление законности и предупреждение нарушений в сфере административных и иных публичных правоотношений. Отметим, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) [5] в статье 6, посвящённой назначению уголовного судопроизводства, не делает акцента на обозначенных выше категориях. Между тем, стремление к укреплению законности и правопорядка в целом положено в основу деятельности органов государственной власти и должностных лиц, являющихся участниками уголовно-процессуальных отношений.

Как видно, термин «законность», применимо к приведённым выше процессуальным отраслям права, является не абстрактной, а вполне конкретной категорией. Выполнению задачи укрепления законности способствует как судопроизводство в целом, так и отдельные процессуальные инструменты, закреплённые в нормах российского права.

Одним из наиболее значимых среди них, на наш взгляд, является институт частных определений. Исследуя правовую природу частных определений, известный отечественный процессуалист Г.Л. Осокина пришла к выводу о том, что они представляют собой «способ реагирования суда на обнаруженные в ходе судебного разбирательства факты правонарушений» [6, с. 300]. Автор подчёркивает, что именно этим обстоятельством объясняется важная роль частных определений в укреплении правопорядка и предупреждении правонарушений.

Анализируя основания вынесения частных определений, установленные различными процессуальными кодексами, можно прийти к выводу о том, что они сформулированы законодателем неодинаково.

Так, ст. 226 ГПК РФ закрепляет два основания для вынесения частного определения: выявление судом при рассмотрении дела случаев нарушения законности (ч. 1) и обнаружение в действиях сторон, других участников процесса, должностного или иного лица признаков преступления (ч. 3). Сходным образом основания вынесения частного определения установлены в нормах КАС РФ (ст. 200): выявление случаев нарушения законности (ч. 1) и обнаружение в действиях лиц, участвующих в деле, иных участников судебного разбирательства, должностных лиц или иных лиц признаков преступления (ч. 4). АПК РФ в ст. 188.1 формулирует эти основания несколько иначе: выявление в ходе рассмотрения дела случаев, требующих устранения нарушения законодательства РФ государственным органом, органом местного самоуправления, иным органом, организацией, наделённой ФЗ отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностным лицом, адвокатом, субъектом профессиональной деятельности (ч. 1), а также обнаружение в действиях лиц, участвующих в деле, иных участников арбитражного процесса, должностных лиц и иных лиц признаков преступления (ч. 4).

Наконец, совершенно иным образом основания для принятия судом мер реагирования формулирует УПК РФ. Отметим, в первую очередь, что он вообще не содержит отдельной статьи, посвящённой частным определениям. Указанное понятие упоминается в нём в ст. 29, посвящённой полномочиям суда в целом. Так, согласно ч. 4 ст. 29 УПК РФ, суд вправе вынести частное определение (постановление) при выявлении в ходе рассмотрения уголовного дела обстоятельств, которые способствовали совершению преступления; нарушений прав и свобод граждан, а также других нарушений закона, допущенных в ходе предварительного расследования либо

рассмотрения дела нижестоящим судом. Указанная норма также позволяет суду выносить частные определения (постановления) в любых иных ситуациях, когда это будет признано необходимым.

Как видно, несмотря на имеющиеся различия в определении оснований вынесения судом частных определений, они имеют одно общее начало. Оно состоит в том, что в процессе рассмотрения дела суд обнаруживает факты, требующие принятия процессуальных мер реагирования, изначально с предметом судебного разбирательства не связанные.

Рассмотрим несколько примеров применения проанализированных процессуальных норм.

В Обзоре практики рассмотрения в 2020 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами (утв. Президиумом ВС РФ 02.06.2021 г.) [6] указано, что в 2020 году Верховным Судом Республики Саха (Якутия) на основании ст. 226 ГПК РФ было вынесено частное определение в адрес органа опеки и попечительства, администрации муниципального образования, дома ребенка, где воспитывался усыновляемый, а также регионального оператора, ведущего банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей. Основанием для вынесения частного определения послужило невыполнение указанными органами обязанности по установлению всех родственников усыновляемого, а также их опросу относительно возможности принятия ребенка на воспитание в свою семью.

Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, изложенной в Постановлении Пленума от 23.12.2021 г. № 46 [7], основанием для вынесения частного определения и направления его в правоохранительные органы, может служить подтверждение заявления о фальсификации доказательства лицом, предупреждённым об уголовной ответственности, а равно подтверждение безосновательности заявления о фальсификации доказательства.

По смыслу разъяснений, изложенных в п. 61 ППВС РФ от 29.03.2016 г. № 11 [8], если при рассмотрении судом заявления о взыскании компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок будут выявлены обстоятельства, способствовавшие нарушению права, суду следует вынести частное определение для целей принятия мер по устранению допущенных нарушений.

В п. 26 ППВС РФ от 28.06.2011 г. № 11 [9] для судов, рассматривающих уголовные дела о преступлениях экстремистской направленности, изложена рекомендация выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению подобных преступлений, и частными определениями (постановлениями) обращать на них внимание соответствующих организаций и должностных лиц.

Указанные примеры, наряду с исследованными выше теоретическими аспектами в полной мере подтверждают гипотезу о том, что институт частных определений призван способствовать укреплению законности и правопорядка.

Литература:

1. Матузов, Н.И. Теория государства и права: курс лекций [Текст]/под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: Инфра-М, 2022. — 640 с.
2. Российская Федерация. Законы. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: [от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ, в ред. от 30.12.2021 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532; 2022. — № 1 (Ч. I). — Ст. 42.
3. Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: [от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ, в ред. от 30.12.2021 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3012; 2022. — № 1 (Ч. I). — Ст. 42.
4. Российская Федерация. Законы. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [Текст]: [от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ, в ред. от 30.12.2021 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2015. — № 10. — Ст. 1391; 2022. — № 1 (Ч. I). — Ст. 42.
5. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: [от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ, в ред. от 09.03.2022 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2001. — № 52 (Ч. I). — Ст. 4921; 2022. — № 11. — Ст. 1601.
6. Осокина, Г.Л. Гражданский процесс. Особенная часть [Текст]/Г.Л. Осокина. — Москва: Норма, 2007. — 960 с.
7. Обзор практики рассмотрения в 2020 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации [утв. Президиумом Верх. Суда Рос. Федерации 02.06.2021 г.] // Бюл. Верх. Суда Рос. Федерации. — 2021. — № 9.
8. Российская Федерация. Верховный Суд. Пленум. О применении арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [Текст]: пост.: [от 23.12.2021 г. № 46] // Рос. газ. — 2022. — 14 янв.
9. Российская Федерация. Верховный Суд. Пленум. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок [Текст]: [от 29.03.2016 г. № 11] // Рос. газ. — 2016. — 6 апр.
10. Российская Федерация. Верховный Суд. Пленум. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Текст]: [от 28.06.2011 г. № 11, в ред. от 28.10.2021 г.] // Рос. газ. — 2011. — 4 июля; 2021. — 12 нояб.

Незаконное перемещение наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров через таможенную границу ЕАЭС

Латыпова Ралина Рамилевна, студент

Научный руководитель: Арабян Марина Суменовна, кандидат экономических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассмотрена деятельность таможенных органов Российской Федерации в части контроля за перемещением наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров, а также механизм выявления и пресечения таможенными органами каналов незаконного перемещения наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров через таможенную границу.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры, незаконный оборот.

Одной из главных проблем в Российской Федерации является проблема потребления наркотических средств и психотропных веществ. В связи с этим основная задача государства заключается в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров, а также в пресечении незаконного ввоза данных товаров на территорию России и всего Евразийского экономического союза.

Главная проблема заключается в том, что запретить ввоз наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров не предоставляется возможным, в связи с тем, что они используются в медицине для лечения различных заболеваний и в качестве обезболивающего средства. Таким образом, перед правоохранительными органами стран стоит важная задача — по контролю за легальным и нелегальным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Наркотические средства — вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 года [1].

Существует еще одна категория веществ — так называемые психоактивные вещества, которые также относятся к наркотическим средствам, они вызывают абстинентный синдром. Психоактивные вещества, которые используются для лечения психических заболеваний называются психотропными.

Классификация наркотических средств сложна и обширна, так как может осуществляться на базе различных принципов.

По происхождению различают:

— растительные: опиаты из мака, марихуана или гашиш — из конопли, мескалин — добывают из кактусов в Южной Америке, псилобицин — добываемый из особого сорта грибов;

— синтетические: могут иметь растительную основу, но сами препараты получают путем синтеза, смеси-

вания, проведения химических реакций. Основой могут выступать полностью химические вещества. Сюда можно отнести амфетамин, ЛСД, экстази, барбитураты и т. д. [2].

Особенности воздействия наркотических веществ на организм человека лежат в основе Международной классификации наркотиков и психотропных веществ, на основании которой различают следующие их группы:

- препараты на основе опиоя;
- седативные и снотворные средства;
- кокаин;
- препараты, содержащие индийскую коноплю;
- галлюциногены;
- психостимуляторы.

Психотропные вещества — вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, природные материалы, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Конвенцией о психотропных веществах 1971 года.

Классификация психотропных веществ по воздействию на организм человека представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Классификация психотропных веществ [3]

Прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ (далее — прекурсоры) — вещества, часто используемые при производстве, изготовлении, переработке наркотических средств и психотропных веществ, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Конвенцией Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года.

Прекурсоры включены в «Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в РФ» на основании российского законодательства РФ и международных договоров, например —

Конвенцией ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г»..

Для всего международного сообщества проблема распространения наркотиков является не менее актуальной, чем для России.

В связи с этим разрабатывается и реализуется на практике широкий комплекс экономических, социальных, организационных, медицинских и правовых мер.

Признавая необходимость усиления и дополнения мер, предусмотренных Конвенциями 1961 и 1971 года, а также с целью сокращения размаха и масштабов незаконного оборота и его последствий появляется Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года, которая является типичной многосторонней конвенцией по борьбе с отдельным видом преступления международного харак-

тера (20 декабря 1988 года, Вена) [4]. Одна из основных идей Конвенции заключается в том, что сотрудничество не только между различными государственными органами внутри страны, но и с компетентными учреждениями и службами других стран обеспечит надежный и оперативный обмен информацией, связанной с предотвращением незаконного оборота наркотиков.

Кроме того, следует выделить международную Найробийскую конвенцию 1977 года о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений (Найроби, 9 июня 1977 года) [5]. Конвенция определяет механизм оказания взаимной помощи иностранными государствами в рамках их международного сотрудничества. Приложением 10 к Конвенции «Помощь в борьбе с контрабандой наркотических средств и психотропных веществ» установлено, что таможенные службы Договаривающихся Сторон сообщают другим таможенным службам, которые могут быть непосредственно заинтересованы, любую имеющуюся информацию, касающуюся:

- действий, являющихся или способствующих совершению контрабанды;
- лиц совершающих или подозреваемых в совершении противоправных действий в указанной сфере;
- новых способов или методов контрабанды наркотиков;
- предметов впервые разработанных или использованных как наркотические средства.

На уровне интеграционного объединения стран ЕАЭС следует обратить внимание на значимость Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 14.09.2021 № 80 (ред. от 11.01.2022) «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых решений Совета Евразийской экономической комиссии» на основании которого классифицируются и кодируются товары, перемещаемые через таможенную границу ЕАЭС.

Следует отметить, что на уровне интеграционного объединения стран ЕАЭС таможенный контроль за перемещением наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров регулируется нормативно-правовыми актами, определяющими общие меры таможенного регулирования, более детальное регулирование перемещения исследуемой категории товаров отнесено к государственному регулированию каждой из стран-участниц ЕАЭС.

В настоящее время в России сформирована большая нормативно-правовая база, которая направлена на борьбу с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Одним из главных нормативно-правовых актов в данной области является Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О наркотических средствах и психотропных веществах», который уста-

навливает правовые основы государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту в целях охраны здоровья граждан, государственной и общественной безопасности.

Подводя итог исследованию нормативно-правового регулирования государственного контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что в нашей стране принято достаточно большое количество мер, направленных на борьбу с наркоманией. Однако, к сожалению, на практике до сих пор наблюдаются незначительные изменения в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Среди всех субъектов антинаркотической деятельности особую роль играют таможенные органы, на которые возложена функция по защите России от нелегального ввоза наркотиков.

Для того чтобы перемещение наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров стало законным, требуется выполнить ряд необходимых условий. К числу основных требований относятся:

- лицензирование;
- способы хранения, приобретения и транспортировки таких веществ будут с ограничениями;
- все виды деятельности, связанные с оборотом наркотических средств и психотропных веществ должны иметь свое документальное подтверждение и сопровождение.

Порядок ввоза в РФ и вывоза из РФ наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров при осуществлении внешнеторговой деятельности регламентируется Постановлением Правительства Российской Федерации от 21.03.2011 г. № 181 (ред. от 22.10.2020) «О порядке ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» [6].

При осуществлении внешнеторговой деятельности с государствами — участниками Союза, согласно данному постановлению: «Ввоз (вывоз) наркотических средств, психотропных веществ, внесенных в списки I и II перечня, а также прекурсоров, внесенных в список I и таблицу I списка IV перечня, осуществляется только государственными унитарными предприятиями, имеющими соответствующую лицензию на оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Ввоз (вывоз) психотропных веществ, внесенных в список III перечня, осуществляется юридическими лицами, имеющими соответствующую лицензию на оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Ввоз (вывоз) наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, внесенных в список I перечня, допускается только для их использования в научных и учебных целях, а также в экспертной деятельности.

Ввоз (вывоз) прекурсоров, внесенных в таблицы II и III списка IV перечня, осуществляется юридическими лицами».

Для того чтобы иметь возможность осуществления ввоза (вывоза) таких веществ юридическое лицо (далее — заявитель) обязано получить:

— разрешение, ранее выдаваемое ФСКН, в настоящее время функции и полномочия которого переданы Главному управлению по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — ГУМВД РФ) на право ввоза (вывоза) наркотических средств, психотропных веществ или прекурсоров;

— сертификат Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения на право ввоза (вывоза) наркотических средств, психотропных веществ или прекурсоров, если они являются лекарственными средствами.

Руководитель заявителя или иное уполномоченное лицо подписывает заявление с указанием своей должности. Подпись расшифровывается указанием фамилии и инициалов подписывающего лица и скрепляется печатью заявителя (при наличии печати).

К заявлению прилагаются копии следующих документов, заверенные подписью руководителя или иного уполномоченного им лица, подписавшего заявление, и печатью заявителя (при наличии печати):

— разрешение компетентного органа государства-импортера на ввоз на его территорию конкретной партии наркотических средств, психотропных веществ или прекурсоров, если это предусмотрено законодательством со-

ответствующего государства, либо официальное уведомление от этого органа о том, что указанное разрешение не требуется;

— внешнеторговый контракт (договор) в отношении наркотических средств, психотропных веществ или прекурсоров с приложением документации (дополнительных соглашений, изменений, дополнений, поправок) и приложений, которые являются неотъемлемой частью контракта (договора);

— договор комиссии (если заявителем является юридическое лицо — комиссионер).

Таким образом, оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров может быть законным, но только для определенного круга лиц и при выполнении всех необходимых условий.

Ряд наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров запрещен к ввозу на территорию ЕАЭС, в отношении ряда других наркотических средств и психотропных веществ установлен разрешительный порядок ввоза, который предполагает предоставление лицензии (а также в определенных случаях — заключения (разрешительного документа)). Незаконный ввоз исследуемой категории товаров представляет собой угрозу национальной безопасности страны, однако исключить оборот данных товаров невозможно, т.к. они используются при производстве лекарственных средств. Таким образом, на таможенные органы возлагается важная задача по контролю за ввозом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров на территорию ЕАЭС.

Литература:

1. Федеральный закон от 08.01.1998 N 3-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О наркотических средствах и психотропных веществах». — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/
2. Классификация наркотических средств. — Текст: электронный // Медицина. ру: [сайт]. — URL: <http://www.narkolog.oblzdrav.ru/>
3. Классификация психотропных веществ. — Текст: электронный // Глобальная комиссия по наркополитике: [сайт]. — URL: <http://www.globalcommissionondrugs.org>
4. «Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» (заключена в г. Вене 20.12.1988). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121092/
5. «Международная конвенция о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений» (заключена в Найроби 09.06.1977). — Текст: электронный // Консорциум «Кодекс»: [сайт]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901103>
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.03.2011 г. № 181 (ред. от 22.10.2020) «О порядке ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров». — Текст: электронный // Консорциум «Кодекс»: [сайт]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/902268045>

Проблема правового регулирования технологий искусственного интеллекта в области дорожного движения

Маловик Станислав Дмитриевич, студент

Научный руководитель: Родионова Ольга Михайловна, доктор юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Выполненная работа посвящена проблематике законодательного регулирования беспилотного транспорта в области дорожного движения. В статье рассмотрены основные концепции и предлагаются возможные пути решения проблемы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, беспилотный автомобиль, дорожное движение

Применение искусственного интеллекта повсеместно развивается, из-за чего данные технологии становятся неотъемлемой частью нашей жизни. Дорожное движение также не является исключением: уже сегодня появляются первые беспилотные автомобили, которые способны функционировать без участия людей.

В России, несмотря на небольшое количество патентов, существуют конкурентноспособные компании, которые имеют наработки по различным направлениям искусственного интеллекта, в том числе и автомобилестроения. Наиболее известным примером можно считать компанию «Яндекс», которая уже с 2017 года занимается разработкой беспилотного управления. Созданная конструкция обеспечивает транспортному средству полностью автономное перемещение по дорогам общего пользования с соблюдением правил дорожного движения и учетом действий других участников движения [1].

Стоит отметить, что опыт компании Яндекс постоянно расширяется: около двух лет их беспилотные автомобили используются в качестве роботакси в Иннополисе. На сегодняшний день компания тестирует данные автомобили в Москве, Израиле и некоторых городах США в целях не только международного сотрудничества, но и испытания беспилотных автомобилей в разных климатических условиях.

Помимо Яндекса, разработкой беспилотных автомобилей занимается ГАЗ: на предприятии уже имеется специальный полигон для испытаний беспилотников. По словам руководителя инновационных проектов, Михаила Иванова, технически указанные автомобили уже готовы к эксплуатации на дорожном движении. Также Михаил Иванов отмечает, что решения, получаемые в процессе развития автономных автомобилей, внедряются в виде системы помощи водителю на действующий модельный ряд автомобилей, что приведет к существенному уменьшению количества дорожно — транспортных происшествий.

Если в технологическом плане появление автономных автомобилей уже вполне допустимо, то с точки зрения права вопросы применения искусственного интеллекта на дорожном движении вызывают ряд трудностей.

Для начала нам необходимо выяснить, что же мы будем понимать под искусственным интеллектом. Суще-

ствует множество вариаций определения понятия искусственный интеллект, но легальным определением данного понятия принято считать следующее: искусственный интеллект — это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [2]. Применительно к дорожному транспорту стоит отметить, что существует огромное видовое разнообразие транспортных средств, в которых в той или иной степени используются технологии искусственного интеллекта. Среди них есть: машины без водителя, автономные автомобили, роботизированные автомобили и многое другое. Более того, различные технологии искусственного интеллекта свидетельствуют о разной степени автономии: от обычных систем предупреждения до постоянной работы системы вождения по всем возникающим задачам. Все это требует правового закрепления в действующем законодательстве для того, чтобы государству удалось найти баланс между интересами технического прогресса и безопасностью общества.

Примеры реальных случаев причинения вреда системами искусственного интеллекта на сегодняшний день немногочисленны, однако встречаются. В качестве наиболее показательного примера стоит привести дело, связанное с аварией высокоавтоматизированного автомобиля компании Uber, который, двигаясь в автономном режиме, допустил наезд на пешехода в темное время суток, в результате которого пешеход скончался [3].

В современном научном сообществе были разработаны 4 концепции, которые тем или иным образом предлагают решение проблемы ответственности [4]:

1. Модель инструмента реального актора. Данный подход принято считать традиционным и наиболее популярным в научном сообществе. В рамках данного подхода предполагается, что созданная технология искусственного интеллекта с юридической точки зрения должна, прежде всего, рассматриваться как непосредственный инструмент совершения правонарушения. Модель инструмента реального актора предполагает, что всегда существует или должна быть определена конкретная личность,

которая несет либо должна нести соответствующую юридическую ответственность за действия используемой технологии и за то, чтобы осуществляемые технологией действия производились в рамках существующего законодательства. Реализация приведенной модели не требует каких-либо изменений ни в законодательстве, ни в доктрине. Более того, данный подход является крайне простым в понимании, так как позволяет соотнести технологию искусственного интеллекта с конкретным инструментом, который можно использовать как в добросовестных, так и в противоправных целях.

2. Модель естественных вероятных последствий. Данная модель исходит из того, что разрабатываемая технология совершает исключительно те действия, которые являются естественными и логически закономерными, а также являющиеся наиболее вероятными следствиями его производства и программирования, лицо же, которое создавало или запрограммировало машину, будет презюмироваться как проявившее преступную небрежность.

3. Модель прямой ответственности непосредственно технологии искусственного интеллекта.

4. Модель квази — субтитутивной ответственности, которая заключается в идее того, что владелец или пользователь искусственного интеллекта должен нести ответственность за неспособность верным образом интерпретировать намерения и действия разработки и предупредить наступления неблагоприятных последствий.

На сегодняшний день со стороны государства принимаются меры по использованию искусственного интеллекта на дорогах общего пользования. Так, в апреле был принят федеральный закон о введении особого правового режима в Москве, который предполагает, помимо прочего, внедрение технологий искусственного интеллекта в области транспорта [5]. Тем не менее, остается неоднозначным вопрос о том, кто будет нести ответственность в случае дорожно — транспортного происшествия с участием автомобиля, использующего технологии искусственного интеллекта. Безусловно, для ответа

на данный вопрос необходимо учитывать уровень автономии и специфику автомобиля, при котором используются технологии. Так, например, при полном отсутствии автономии либо ее частичном использовании ответственность должен нести водитель. Многие ученые считают, что наиболее разумным будет возложить ответственность на разработчиков, однако данная точка зрения также является дискуссионной. Сама по себе разработка автономного автомобиля не является причиной дальнейшего дорожно-транспортного происшествия; необходимо учитывать все факторы: были ли обновлены системообразующие программы, проводились ли профилактические меры и т.д. Разработчик технологии искусственного интеллекта не имеет возможности предугадать все возможные развития событий, в связи с чем допустимо возложение ответственности на данное лицо только в случае дефекта товара.

Проанализировав действующую проблематику применения технологий искусственного интеллекта, мы можем прийти к выводу, что для поступательного развития и применения технологий искусственного интеллекта, а также для обеспечения безопасности его использования на дорожном движении необходимо внести определенные законодательные изменения. В частности, рекомендуется правовым образом закрепить понятия «автомобиль без водителя», «беспилотный автомобиль» и «роботизированный автомобиль» с учетом их специфики и особенностей правового регулирования. Кроме того, важно обозначить обязанность разработчиков автономных автомобилей предусмотреть возможность перехода на ручное управление транспортного средства. Это позволит предотвратить возможность наступления ряда неблагоприятных последствий, а также решить вопрос об ответственности: при данных обстоятельствах ответственность будет нести водитель транспортного средства, так как не проявил должную степень заботливости и осмотрительности, разработчик же будет нести ответственность в случае отсутствия в производимом автомобиле системы перехода на ручное управление.

Литература:

1. Как Яндекс делает обычные автомобили беспилотными. — Текст: электронный // Хабр: [сайт]. — URL: <https://habr.com/ru/company/yandex/blog/585444/> (дата обращения: 03.04.2022).
2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
3. В США обвинили в убийстве водителя беспилотного Uber, сбившего человека. — Текст: электронный // РИА новости: [сайт]. — URL: <https://ria.ru/20200916/uber-1577294404.html> (дата обращения: 03.04.2022).
4. П. М. Морхат Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: автореферат, М.: 2018 — с. 253-259
5. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 N 123-ФЗ (последняя редакция) — СПС «Консультант плюс»

Отличительные особенности медиации и адвокатуры в Республике Узбекистан

Маткаримов Кудрат Каландарович, доцент;
Шодманова Мохира Фуркатовна, студент магистратуры
Ташкентский государственный юридический университет (Узбекистан)

На сегодняшний день медиация является одной из бурно развивающихся отраслей в юриспруденции. Учитывая необходимость развития юридической сферы, за последние годы в Узбекистане было сделано много шагов для развития данной отрасли. В данной статье будут рассмотрены ключевые факторы, которые влияют на осуществление медиации. Также будут рассмотрены принципы, согласно которым медиаторы ведут свою деятельность.

Ключевые слова: медиатор, юриспруденция, закон о медиации, равноправие, независимость, беспристрастность.

Медиация является одной из ключевых отраслей в юриспруденции. Она является ключевым элементом при ведении переговоров. Медиация происходит от латинского слова *mediare* — посредничать. Это разрешение споров с помощью посредника. Медиация применяется столько же, сколько длится человеческая история. Исторические источники свидетельствуют о том, что издревле в разных культурах при улаживании спора часто присутствовала третья сторона. Роль гаранта справедливости, прозрачности, конфиденциальности сохранилась в деятельности медиатора и в наши дни. Ведь справедливое решение важно не только для участников спора. Справедливое решение гарантирует каждому члену общества собственную защищенность и безопасность в случае какого-либо конфликта. Находясь в конфликте человек не в состоянии установить состояние справедливости. Это может сделать только нейтральный человек, имеющий профессиональные навыки и допущенный всеми сторонами в решение конфликта. Именно таким человеком и является медиатор [3].

Медиатор помогает каждому, кто обращается к нему за помощью. Ведь основная цель медиатора — это признание ценности справедливости и посвящение себя этому пути.

Медиация начала широко распространяться за последние несколько лет. Для осуществления своей деятельности медиатор должен опираться на какие-либо законы либо положения. В Республике Узбекистан этим правовым документом является закон о медиации, который был принят Законодательной Палатой 12 июня 2018 года и одобрен Сенатом 28 июня 2018 года. В этом законе расписаны все правила и требования к медиаторам и к лицам, которые обратились за помощью к медиатору. В первую очередь стоит понять принципы работы медиатора. Это добровольность, так как в отличие от судебной тяжбы, процесс вступления сторон в процесс медиации является добровольным, а медиатор является свободно выбранным. Никто не может заставить стороны участвовать в медиации, если они не хотят этого по какой-либо причине. Этот принцип проявляется и в том, что все решения принимаются только по взаимному согласию сторон, и в том, что каждая сторона в любой момент может отказать от медиации и прекратить переговоры. Прежде

чем начинать медиацию, медиатор обязательно обсуждает вопрос добровольности и старается добиться последней от каждой из сторон. Следующим важным фактором работы медиатора является равноправие сторон. Ни одна сторона не имеет процедурных преимуществ. Им предоставляется одинаковое право высказывать свои мнения, определять повестку переговоров, оценивать приемлемость предложений и условий соглашения и т. д.

Если сравнивать деятельность медиатора с деятельностью адвоката, имея общую благую цель, они имеют разные обязанности и права. Но это только на первый взгляд. Медиатор, в отличие от адвоката, не в праве защищать и действовать в интересах только одной стороны. Цель работы медиатора только содействие сторонам при добровольном разрешении имеющегося конфликта. Адвокат же действует в рамках полномочий предоставленных ему законом и волей доверителя. При этом также следует упомянуть, что ни деятельность адвоката ни деятельность медиатора не является предпринимательской деятельностью. Таким образом становится очевидно, что адвокат не может участвовать в процессе в роли медиатора и также медиатор не может выступать в роли адвоката.

Объединяющим фактором является так же то обстоятельство, что вера в порядочность и профессионализм человека, как медиатора, так и адвоката, мгновенно упрощает процедуру разрешения конфликта. Трансформация спора из стадии судопроизводства в процедуру медиации частного дела сторон

Адвокатура также является независимой организацией, которая оказывает юридическую помощь гражданам Республики Узбекистан, иностранным гражданам, лицам без гражданства, предприятиям, учреждениям, организациям. Адвокатура — правовой институт, который включает независимые, добровольные, профессиональные объединения лиц, занимающихся адвокатской деятельностью, и отдельных лиц которые занимаются адвокатской практикой, включающий независимые, добровольные, профессиональные объединения лиц, занимающихся адвокатской деятельностью, и отдельных лиц, занимающихся частной адвокатской практикой.

Адвокат в своей работе опирается на:
Конституция Республики Узбекистан;
Уголовно-процессуальный кодекс;

Гражданский процессуальный кодекс;
Хозяйственный процессуальный кодекс
Кодекс об административной ответственности;
Уголовно-исполнительный кодекс;
Закон «Об адвокатуре»;
Закон «О гарантиях адвокатской деятельности и социальной защите адвокатов»;

Постановление Кабинета Министров «О совершенствовании порядка лицензирования адвокатской деятельности и создания адвокатских формирований»;

Адвокатура, также как и медиация, не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления. Права и обязанности адвоката прописаны в законодательстве. При осуществлении профессиональной деятельности адвокат имеет право:

— представлять интересы и защищать права физических и юридических лиц по их поручению во всех органах, предприятиях, учреждениях и организациях, в компетенцию которых входит разрешение соответствующих вопросов;

— собирать сведения о фактах, которые могут быть использованы в качестве доказательств в судах, а также в органах, рассматривающих дела об административных правонарушениях;

— запрашивать и получать справки, характеристики и иные документы, необходимые в связи с оказанием юридической помощи, из государственных и иных органов, а также предприятий, учреждений и организаций, которые обязаны в порядке, установленном законодательством, выдавать адвокату запрошенные им документы или их заверенные копии;

— запрашивать с согласия доверителя (подзащитного) и получать письменные заключения экспертов, справки-консультации специалистов по вопросам, необходимым для оказания юридической помощи;

— опрашивать лиц, владеющих относящейся к делу информацией, и получать письменные объяснения с их согласия;

— представлять собранные материалы в суды и другие государственные органы, которые осуществляют производство по делу его доверителя (подзащитного);

— снимать за свой счет копии материалов и документов или фиксировать в иной форме с помощью технических средств информацию, содержащуюся в деле, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, не разглашая при этом информацию, составляющую государственные секреты, коммерческую или иную тайну;

— беспрепятственно встречаться со своим доверителем (подзащитным) наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе в период содержания его под стражей), без ограничения числа свиданий и их продолжительности в порядке, установленном законодательством;

— заявлять ходатайства и подавать жалобы должностным лицам и получать от них мотивированные ответы в письменной форме;

— страховать риск своей профессиональной имущественной ответственности;

— выполнять иные действия в соответствии с законодательством.

Медиация опирается на закон «об медиации» там прописаны требования как к лицам занимающимся на профессиональной так и не непрофессиональной основе. Так согласно статье 12 закона о медиации, чтобы заниматься деятельностью медиатора на профессиональной основе необходимо выучиться на специальных курсах, утверждаемых Министерством Юстиции Республики Узбекистан и быть внесенным в реестр профессиональных медиаторов. При этом реестр профессиональных медиаторов согласно статье 14 закона о медиации должен содержать:

— Фамилию и имя медиатора

— Местонахождение и контактные данные медиатора

— Область медиации, в которой специализируется медиатор

— Сведения о языке, на котором медиатор способен проводить процедуры медиации

А чтобы осуществлять деятельности медиатора на непрофессиональной основе нужно быть старше 25 лет и дать согласие на выполнение обязанностей медиатора.

В свою очередь еще одним из отличий в деятельности профессионального и непрофессионально медиатора согласно статье 28 является оплата. Так профессиональный медиатор может работать платно либо же безвозмездно. Непрофессиональному медиатору могут быть возмещены расходы, понесенные им в связи с проведением процедуры медиации, в том числе расходы на оплату проезда к месту рассмотрения спора, проживание и питание. Оплата может быть произведена сторонами в равных долях если они не договорились об ином. В случае же отказа медиатора от проведения процедур, медиатор должен возратить выплаченные ему сторонами медиации денежные средства.

Нейтральность и незаинтересованность ни в одной из сторон является немаловажным фактором. Так как медиатор должен сохранять независимое, беспристрастное отношение с каждой из сторон и обеспечивать им равное право участия в переговорах. В свою очередь Беспристрастность и независимость медиатора предполагает, что:

— медиатор проводит медиацию только тех дел, в которых он является беспристрастным и справедливым, если медиатор не способен проводить процесс в беспристрастной манере, он обязан прекратить медиацию;

— медиатор остерегается пристрастности или предубеждений, основанных на личностных характеристиках сторон, их социальном происхождении или поведении на медиации;

— без согласия всех сторон медиатор не должен впоследствии устанавливать профессиональные отношения с одной из сторон по касающемуся или не касающемуся делу при условии, если это может поднять законные вопросы целостности процесса медиации.

Конфиденциальность, все, о чем говорится или обсуждается в процессе медиации, остается внутри этого про-

цесса. Медиатор не может выступать в качестве свидетеля, если дело все-таки будет передано в суд, и не сообщает одной стороне информацию, которую он получил от другой в процессе индивидуальной беседы, если не получил на это специального разрешения или просьбы от сообщившего информацию. Медиатор может сохранить конфиденциальность руководствуясь следующими принципами:

- медиатор не должен разглашать ход и результаты медиации, если на это нет разрешения всех сторон;

- если медиатор проводит приватные заседания со сторонами, содержание таких заседаний, с точки зрения конфиденциальности, обсуждается со всеми сторонами предварительно;

- медиатор должен избегать передачи кому-либо информации о поведении сторон во время процесса медиации, качестве дела или предлагаемых решениях;

- медиатор несет ответственность за обнаружение всех сведений и имеющихся или потенциальных конфликтов, которые в той или иной мере ему знакомы;

- если стороны договорились, что вся или часть выявленной информации во время процесса медиации является конфиденциальной, такое соглашение сторон является для медиатора обязательным;

- конфиденциальность не может быть истолкована как ограничение или запрет на мониторинг, научные исследования или оценку программ медиации ответственными людьми. При соответствующих обстоятельствах, научным работникам может быть разрешен доступ к статистическим данным и, с разрешения сторон, к зарегистрированным делам, присутствие на процессе медиации, интервью участников медиации.

Только в одном случае конфиденциальная информация может быть раскрыта медиатором, если сторона, которая дала эту информацию, даст разрешение на раскрытие информации

Сроки и начало проведения медиации определяется законодательством, в Узбекистане согласно статье 19 процедура медиации начинается с момента заключения соглашения о проведении процедуры медиации. В свою очередь соглашение должно содержать следующие сведения:

- о сторонах
- о предмете спора
- о порядке проведения процедуры медиации, медиаторе, согласованных сторонами обязательствах, условиях и сроках их выполнения

- о языке, месте и дате проведения процедуры медиации

- о сроках проведения процедуры медиации

Что касается порядка процедуры самой медиации, он тоже прописан в статье 22 закона о медиации. Так согласно этому закону в первую очередь выбирается один или несколько медиаторов, это делается по взаимному согласию сторон. Медиатор не вправе своими действиями ущемлять какую-либо из сторон. Сроки проведения медиации тоже определяется в соглашении о проведении процедуры медиации. Так согласно статье 23 медиатор и стороны должны принять все возможное для того, чтобы процедура медиации была закончена не более чем за тридцать дней, но в случае необходимости по взаимному согласию сторон процедура медиации может быть продлена до тридцати дней

Разрешение споров выполняется в порядке, установленном законодательством. В случае нарушения законодательства о медиации, виновные несут ответственность в установленном законом порядке.

В свою очередь возникает вопрос, если какая то сторона или даже обе стороны решили отказаться от медиатора, то согласно какому закону они могут это сделать? Согласно статье 24 закона об медиации, медиация прекращается в следующих случаях:

- заключение сторонами медиативного соглашения
- невозможность достижения взаимоприемлемого решения в отношении спора
- заключение соглашения сторон о прекращении медиации без достижения согласия по имеющимся разногласиям (при наличии письменного соглашения о проведении процедуры медиации);
- заявление какой-либо стороны об отказе от продолжения медиации;
- истечение сроков проведения процедуры медиации.

В случае достижения сторонами по результатам проведения процедуры медиации решения в споре заключается медиативное соглашение в письменной форме. Медиативное соглашение имеет обязательную силу для заключивших сторон и исполняется ими добровольно в порядке и сроки, предусмотренные в нем.

В случае неисполнения медиативного соглашения стороны вправе обратиться в суд за защитой своих прав. Последствия неисполнения медиативного соглашения могут быть установлены сторонами тоже в судебном порядке.

Литература:

1. <https://lex.uz/docs/3805229>
2. https://minjust.uz/ru/library/own_publications/71304/
3. https://www.norma.uz/novoe_v_zakonodatelstve/mediaciya_v_chem_sut_novovvedeniya
4. Постановление Президента Республики Узбекистан от 17.06.2020 г. № ПП-4754
5. Закон Республики Узбекистан, от 27.12.1996 г. № 349-1
6. https://www.minjust.uz/ru/library/own_publications/71302/
7. Указ Президента Республики Узбекистан от 12.05.2018 г. № УП-5441

Характеристика понятия «пробел в праве»

Меркушев Александр Васильевич, студент магистратуры
Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В данной статье проводится теоретический анализ понятия «пробел в праве», а также краткая характеристика видов пробела в праве и возможные причины появления пробелов в праве.

Ключевые слова: пробел в праве, норма, причина появления пробелов в праве, правовое регулирование, правовая система, юридическая техника.

Characteristics of the concept of «gap in law»

This article provides a theoretical analysis of the concept of «gap in law», as well as a brief description of the types of «gap in law» and possible reasons for the appearance of «gaps in law».

Keywords: gap in law, norm, reason for the appearance of «gaps in law», legal regulation, legal system, legal technique.

В современной сложившейся ситуации информационного «бума», с развитием СМИ и открытости судебного процесса, где общество может заметить недостатки правовой системы, все большее значение принимают вопросы преодоления «пробелов в законодательстве».

В том числе стоит отметить тот факт, что на протяжении долго времени начиная с 1993 года, когда была принята Конституция РФ, руководство страны проводит реформы, здесь выделяется, в частности, принятые поправки в Конституцию РФ — это огромный шаг вперед, по сравнению с предыдущими. И раз уж принимаются законопроекты такого характера, то вопросы пробелов законодательства приобретают новые свежие трактования.

Безусловно цель реформ решение существующих пробелов в правовой системе и улучшение, структурирование существующей базы. Чтобы обеспечить эффективное функционирование нормативно-правовой базы страны и приведение ее к нынешней реальности. Так как с 1993 года уже прошло 29 лет, а с принятия Конституции 28 лет. За этот срок общество изменилось кардинально, появились технические нововведения и за скоростью эволюции технологий необходимо поспевать, дабы не потерять «нити управления».

Одним из постулатов построения правового государства является господство закона во всех сферах общественной жизни и соответственно без модернизации существующих норм государство обойтись ни коим образом не может.

Прежде всего, необходимо определиться с самим понятием «пробел в праве». Например, Л. А. Морозова так трактует это понятие: «Под пробелом в праве понимают отсутствие в действующем законодательстве нормы права, в соответствии с которой должен решаться вопрос, требующий правового регулирования». Если же подойти к пониманию более ранних теоретиков Н. И. Матузова и А. В. Малько, то они считают, что под пробелом в праве

понимается отсутствие в нем нужной нормы, с помощью которой можно было бы разрешить возникший случай. Это как бы «умолчание» законодателя относительно необходимости правового урегулирования определенного общественного отношения. Случай есть, а нормы нет. Именно в этом смысле нередко говорят о «белых пятнах», «пропусках», «вакуумах», «нишах» и «пустотах» в праве. Иными словами, речь идет о неполноте, отставании законодательства [2, с. 258].

Таким образом, заметно, что авторы согласны здесь друг с другом в одном и том же — «пробел права» есть отсутствие той или иной нормы для понимания и в дальнейшем применения правовой нормы без каких-либо разночтений в интерпретации рассматриваемой нормы права [1, с. 312].

Также важно понимать, что и пробелы в праве, в свою очередь, бывают различными. В литературе различают пробелы первоначальные («недосмотр законодателя») и последующие, когда они обнаруживаются уже в процессе правового регулирования, правоприменительной практики, когда появляются неизвестные ранее отношения. В любом случае пробел в праве — это состояние неурегулированности, неопределенности, а стало быть, и возможного своеволия, личного усмотрения чиновника. Если рассматривать понятие пробела в более широком смысле, то здесь следует выделить такие понятия как:

- пробел в позитивном праве — это, тот случай, когда нет ни закона, ни подзаконного акта, ни обычая, ни прецедента, ни нормативного договора, которые регулировали бы спорное отношение;
- пробел в нормативно-правовом регулировании — т. е. отсутствие норм закона и подзаконных актов;
- пробел в законодательстве (в узком и точном смысле этого слова) — отсутствие закона (акта высшего органа государственной власти) вообще;
- пробел в законе — неполное урегулирование вопроса в данном законе [4].

Подобно этому можно говорить о пробелах в иных нормативных актах, обычаях, прецедентах. Как правило, отсутствие или неполнота нормы в данном акте есть и его пробел, и пробел права в целом.

В своей основе теории в этой области права выделяют все же два вида пробелов в законодательстве (применительно к праву):

— реальные — подлинные пробелы свидетельствуют об ущербности законодательства и об определенных недостатках правовой системы;

— мнимые — преднамеренное молчание законодателя, т.е. когда он сознательно оставляет вопрос открытым, предлагая передать его решение на усмотрение правоприменителя, или законодатель сознательно выводит данные общественные отношения за сферу правового регулирования [1, с. 314].

По мнению Л. А. Морозовой дабы выделить какие-либо пробелы в праве (законодательстве) необходимо выявить:

а) требуют ли правового регулирования данные общественные отношения;

б) обеспеченность правовой регламентации соответствующими социально-экономическими и иными условиями;

в) отсутствие нормы, регулирующей конкретную ситуацию (или она неполно регулирует ее);

г) сходство анализируемых условий и обстоятельств и тех, которые предусмотрены применяемой нормой. При этом такое сходство должно быть в существенных, главных правовых признаках;

д) сходную норму сначала в той же отрасли права и лишь затем обратиться к другим отраслям;

е) отсутствие запрета в законе на восполнение пробела правоприменителем [2, с. 259].

Причины появления пробелов в праве. Каждый автор так или иначе рассматривает этот вопрос со своего понимания правотворческой деятельности, действительной реальности и по своему усмотрению выделяет более значимые возможные причины появления пробелов в законодательстве. А.С. Шабуров и Ж.С. Жайкбаев, а также Н. И Матузов и А. В. Малько выделяют четыре основных.

А.С. Шабуров и Ж.С. Жайкбаев выделяют следующие причины появления пробелов в законодательстве:

1) в силу того, что законодатель не смог охватить формулировками нормативного правового акта всех жизненных ситуаций, требующих правового воздействия;

2) законодатель не успел регламентировать общественные отношения из-за их постоянного развития;

3) в результате недостатков юридической техники, приведших к недостаточно точному выражению воли законодателя;

4) в процессе правотворчества возможны и умышленные пробелы, когда законодатель, руководствуясь идеологическими, политическими и иными мотивами, умышленно оставляет неурегулированными отдельные стороны общественного отношения [3, с. 256].

Н. И. Матузов и А. В. Малько ранее выделяли:

1) относительной «консервативностью» права по сравнению с более активной динамикой общественных отношений;

2) несовершенством законов и юридической техники;

3) бесконечным разнообразием реальной жизни;

4) появлением новых отношений, которых не было в момент принятия той или иной нормы [1, с. 316].

В свою очередь, если обратиться к работе Л. А. Морозовой, то найдем здесь такие причины появления пробелов в законодательстве:

1) законодатель не смог охватить регулированием все жизненные ситуации;

2) вследствие недостатков юридической техники;

3) объективной невозможности законодателя поспеть за развитием общественных отношений [2, с. 259].

По-моему мнению, синтезировав данные умозаключения правоведов Л. А. Морозовой, А.С. Шабурова, Ж.С. Жайкбаева, Н.И. Матузова и А.В. Малько следует выделить следующие причины появления пробелов в законодательстве:

1) неспособность законодателя охватить формулировками издаваемого нормативного акта всех возможных жизненных ситуаций, чтобы избежать недомолвок;

2) быстро меняющиеся условия жизнедеятельности общества;

3) недостаток юридической техники (совокупность правил, приемов, специфических средств подготовки, оформления, публикации и систематизации нормативных правовых актов и иных юридических документов) и несовершенство законов;

4) умышленные пробелы, создаваемые самим законодателем, когда законодатель в силу ряда причин (идеологических, политических или иных) оставляет нерешенными отдельные стороны общественных отношений;

5) появлением новых отношений, которых не было ранее в момент принятия той или иной нормы;

6) некомпетентность отдельных законодателей (правотворческий процесс) или участников правоприменительного процесса (правопонимание и правоприменение).

Большинство из предложенных мной причин появления пробелов в праве (законодательстве) схожи с мнениями данных авторов, указанных выше, однако я все же решил выделить еще одну причину — некомпетентность отдельных законодателей (правотворческий процесс) или участников правоприменительного процесса (правопонимание и правоприменение).

В современной ситуации, на мой взгляд, количество выпускаемых специалистов в области юриспруденции влияет на качество образования и вместе с такой наукой, как экономика, занимают лидирующие позиции в сфере образования. Такую закономерность легко проследить в статистических документах Федеральной Службы государственной статистики, а в частности, таблицы «Выпуск докторантов по научным специальностям», где докторских работ по юриспруденции было защищено

в 2018 году — 29 работ, а в 2019 году — 28. Да этого конечно недостаточно, но однако, если обратиться к статистике поступающих на направление юриспруденция людей, оно (направление) будет одним из первых после экономического по числу поступающих. С годами это число нисколько не уменьшается, эпизодично это прослеживается в таблице «Выпуск докторантов по научным специальностям».

Также немаловажным аспектом, по которому я выделил шестую причину появления пробелов некомпетентность участников правоприменительного процесса в силу ряда причин, одной из которых, как раз может являться и недостаточный уровень знаний, а иногда и по сути хамское поведение участников правовых отношений к самому праву и обществу в целом.

В пример здесь стоит привести нашумевшее дело М. О. Ефремова, где в результате ДТП погиб человек, а виновником ДТП был признан известный актер М. О. Ефремов [5].

В защиту гражданина М. О. Ефремова выступил адвокат Э. М. Пашаев, имевший за своими плечами огромный опыт работы в адвокатской сфере, однако, ни грамотно изъясняться, ни проявления уважения к закону и обществу данный специалист не имел и не проявлял, судя из многочисленных интервью. Такой пример дискредитирует не только советскую школу юриспруденции, но и современной России. И этот адвокат имеет большое количество наград, в том числе от Федеральной Палаты Адвокатов Российской Федерации [6].

На мой взгляд, к пробелам в законодательстве стоит включить и такое понятие как «коллизия права» — под этим термином понимается различие норм права, регулирующих одни и те же отношения, но противоречащие друг другу. Удивительно, но данное понятие рассматривается правоведами обособленно в самостоятельную ветвь. Если же та или иная норма будет противоречить законодательству более высшего уровня по иерархии, то это и создаст те самые «дыры», «пробелы» в той или иной отрасли права.

Литература:

1. Матузов, Н. И. Теория государства и права/Н. И. Матузов, А. В. Малько. — М.: Дело, 2013. — 528 с.
2. Морозова, Л. А. Теория государства и права/Л. А. Морозова. — М.: Норма, Инфра-М, 2013. — 464 с.
3. Шабуров, А. С., Жайкбаев, Ж. С. Теория государства и права: учебное пособие — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. — 382 с.
4. Пробелы в праве [Электронный ресурс] // Студопедия. — Режим доступа: https://studopedia.ru/9_62269_probely-v-prave.html (дата обращения 27.03.2022).
5. Статья о М. О. Ефремове [Электронный ресурс] // Первый канал. — Режим доступа: https://yandex.ru/turbo/1tv.ru/s/news/2020-09-08/392918-sud_priznal_mihaila_efremova_vinovnym_v_overshenii_dtp_i_prigovoril_k_vosmi_godam_kolonii (дата обращения 25.03.2022).
6. Статья о М. О. Ефремове [Электронный ресурс] // Тасс. — Режим доступа: <https://tass.ru/proisshestiya/9248329?ref=tjournal.ru> (дата обращения 25.03.2022).

Право социального обеспечения в эпоху цифровизации

Михеева Юлия Александровна, студент;

Харитонов Илья Владимирович, студент

Научный руководитель: Изварина Юлия Юрьевна, старший преподаватель

Саратовская государственная юридическая академия

Настоящая научная работа посвящена одной из насущных проблем права социального обеспечения — его развития в рамках цифровизации. Автором рассмотрена проблема необходимости кодификации исследуемой группы прав, которая нивелируется с процессом внедрения институтов цифровизации в право социального обеспечения.

Ключевые слова: право социального обеспечения, цифровизация, информатизация, кодификация, Социальный кодекс.

Право социального обеспечения как одно из важнейших прав человека в современном социальном государстве подвергается постоянным изменениям и реформациям. Одним из факторов, оказывающим серьезное влияние на его становление, является повсеместная информатизация, цифровизация и компьютеризация, прямым образом оказывающие влияние на отдельные институты жизни общества.

Современная законодательная база российского правообеспечения отличается своей широтой, целью принятия нормативно-правовых актов в рамках которой является поддержка различных групп населения. Существующие меры поддержки представлены в достаточном количестве как на федеральном, так и региональном уровнях. Однако достаточный уровень понимания того

объема предоставляемой информации зачастую является достаточно сложным в попытках разобраться с ним простому гражданину [1].

Одним из возможных решений обозначенной проблемы, по мнению юридического сообщества, должна стать кодификация права социального обеспечения. Систематизация норм российского законодательства в данной области позволит в должной мере систематизировать существующие нормы и привести их в некоторое единство. Данная точка зрения поддерживается как зарубежным, так и российским опытом, так как в ряде регионов нашей страны кодифицированные акты, объединяющие региональные особенности норм права социального обеспечения уже существуют [2].

Несмотря на обозначенную необходимость, право социального обеспечения, оформленное в виде отдельного кодекса, который возможно мог бы носить наименование Социального кодекса РФ на сегодняшний день не является перспективным направлением деятельности законодателя, уровень его заинтересованности в данном процессе остается крайне необозначенным.

Решение проблемы систематизации огромного количества норм в единую систему может быть решено не только в рамках кодификации, но и посредством использования современных технологий. Уровень доступности нормативно-правовых актов в эпоху цифровизации и повсеместной информатизации значительно возрастает, упрощая процесс пользования таковыми.

Цифровизация, проникающая во все сферы жизни общества, формирует новые запросы общества, следовательно, вынуждает государства реформировать существующую систему. Данная необходимость подтверждается повышением уровня оказания социальных услуг за счет использования новых технологий и других достижений цифровизации и информатизации.

Одним из наиболее важных шагов в процессе доступности сведений о тех или иных мерах социальной поддержки стало учреждение Единой государственной информационной среды социального обеспечения — ЕГИССО. Создание данной системы было предусмотрено еще в 1999 г. Федеральным законом № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», а также другим документом — постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2017 г. № 181 «О Единой государственной информационной системе социального обеспечения». Важно отметить, что основным и главным оператором ЕГИССО выступает Пенсионный фонд Российской Федерации, а информацию для него предоставляют органы государственной власти, органы местного самоуправления и подведомственные им организации [1].

Система заработала на территории нашей страны с 1 января 2018 года. Одной из отличительных черт ЕГИССО является ее доступность как в отношении конкретного субъекта правоотношений, так и в целом по Российской Федерации. Кроме этого, система позволяет проводить

анализ статистических данных, формировать и хранить данную информацию [3].

Эффективность государственного управления в области социального обеспечения с внедрением системы ЕГИССО значительным образом была повышена. В данном случае органы власти получили свободный доступ для аналитики данных по важным социальным показателями, и как следствие возможность прогнозировать необходимые направления дополнительной работы и возможный уровень расходов на то или иное направление государственной поддержки. Информационная система позволяет понизить уровень затрат времени граждан на получение той или иной необходимой им информации, а также повышает общий уровень их информированности о наличии, порядке получения или результатах оказания социальных услуг. Цифровизация права социального обеспечения посредством внедрения обозначенной системы в целом улучшает качество услуг, оказываемых населению.

Несмотря на значительный уровень пользы для граждан внедрения подобных информационных систем о их существовании проинформированными остаются далеко не все. Это вызывает дополнительные проблемы, ведь при обращении и полноценном использовании ЕГИССО, как уже обозначалось, большинство вопросов, в том числе консультационного характера, могли быть решены без дополнительной траты времени. Отсутствие должного уровня информированности, кроме прочего, определяется и сохранением консервативных методов донесения информации в отдельных муниципальных образованиях, использования информационных систем в которых представляется невозможным ввиду закономерных факторов — например, отсутствие Интернета либо квалифицированных специалистов, способных обслужить систему.

Одним из достижений цифровизации в рамках социального обеспечения на территории нашей страны является дополнительное упрощение получения информации посредством дополнительных информационных систем. Как правило, такие прямым образом взаимодействуют с Единым порталом государственных услуг. В данном случае речь идет о личных кабинетах Пенсионного фонда, Федерального реестра инвалидов, Фонда социального страхования и других. Оцифрованные ресурсы в данном случае позволяют моментально и беспрепятственно получить необходимую информацию. Указанные органы должны поддерживать определенную инфраструктуру и общую природу для того, чтобы гражданин не затруднялся в их использовании, кроме этого предоставляемые сервисы должны быть максимально просты и удобны в использовании.

Следует также отметить и еще одно направление цифровизации права социального обеспечения — «проактивное» реагирование, включающее в себя получение уведомления гражданами об имеющихся у них правах на получение мер социальной поддержки, иных событиях, например, таких как приближающееся окончание срока

действия инвалидности, что позволит гражданину совершить необходимые действия заранее [1].

Развитие цифровых технологий и их использование в исследуемой сфере должно привести к тому, чтобы большинство услуг, как практических, так и информирующих будут функционировать в удаленном формате, исключая личное присутствие граждан. Данный фактор позволит взаимодействовать в том числе с гражданами, которые лишены мобильности или имеют физические ограничения здоровья, что является крайне важным. Допустим, граждане с нарушением слуха смогут воспользоваться чат-ботом веб-версии или мобильного приложения, а с нарушением зрения — позвонить на единый телефонный номер контакт-центра.

Литература:

1. Сайфутдинова, В. М. Информатизация в праве социального обеспечения // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-2 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-v-prave-sotsialnogo-obespecheniya> (дата обращения: 30.03.2022).
2. Залоило, М. В., Шулятьев. Право в условиях цифровой реальности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2018. — № 4. — с. 172-178.
3. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9, — с. 5-16.

Резюмируя, следует отметить, что использование достижений цифровизации в сфере права социального обеспечения на сегодняшний день становится одной из приоритетных задач государства. Необходимость принятия кодифицированного акта, о которой велось значительное количество споров и рассуждений в начале XIX века на сегодняшний день не представляется таким необходимым и вполне себе заменяется использованием информационных ресурсов, обозначенных в настоящем исследовании. Государством ведется активная работа по регулированию права социального обеспечения в эпоху цифровизации, о чем свидетельствует достаточное количество уже существующих и используемых разработок, а также тех, которые мы сможем использовать в ближайшем будущем.

Осуществление предпринимательской деятельности в глобальной сети Интернет без правового оформления

Насибуллин Руслан Идрисович, студент магистратуры
Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета

В данной статье рассматривается вопрос санкции за осуществление предпринимательской деятельности без правового оформления.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, индивидуальный предприниматель, интернет.

С развитием интернет-технологий начало развиваться такое направление как интернет-бизнес. В настоящее время предпринимательская деятельность в глобальной сети интернет занимает немалую долю от общих продаж на рынке. Особенно в последние годы из-за эпидемиологической ситуации в мире интернет-торговля получила резкое развитие, поскольку для некоторых предпринимателей интернет стал единственной возможностью для спасения бизнеса. В настоящее время с помощью интернета можно купить или продать всё что угодно, воспользоваться различными услугами и т.д. Так, на 2021 года, объем рынка интернет-торговли в России вырос на 52% и составил 4,1 трлн рублей, следует из отчёта Data Insight. Число заказов выросло более чем вдвое — до 1,7 млрд.

Объём продаж крупнейших российских маркетплейсов за прошлый год вырос на 111% и составил 1,5 трлн рублей. Число заказов выросло на 156% — до 1 млрд, средний чек снизился на 18% — до 1420 рублей. Снижение сред-

него чека связано с превращением онлайн-заказов в повседневную практику, опережающим ростом универсальных маркетплейсов с низким средним чеком, а также с сильным ростом продаж в сегменте продуктов питания и смещением потребительского поведения в сторону небольших импульсных покупок с быстрой доставкой. Отсюда и такой повышенный интерес к занятию предпринимательской деятельности в интернете.

Но на данный момент некоторыми лицами интернет считается как некое неправомерное поле, где, например, законы о предпринимательстве не работают. Поэтому считаю необходимым определить, насколько данные лица правы и каковы могут быть последствия.

Начиная говорить об предпринимательской деятельности в глобальной-сети Интернет, считаю необходимым дать определение предпринимательской деятельности.

Так, согласно Статье 2 Гражданского кодекса Российской Федерации под предпринимательской деятель-

ностью понимается самостоятельная, осуществляемая на свой страх и риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг [1].

В настоящее время многие из тех, кто начинает осуществлять такую деятельность в глобальной сети интернет, считают, что регистрация этой деятельности обязательна.

Однако это может привести к определенным проблемам с контролирующими органами, что в свою очередь может привести к дополнительным расходам в виде серьезных штрафов или даже к закрытию такой деятельности.

Согласно законодательству, осуществить такую деятельность без регистрации можно, если планируется не более одной такой сделки в год. Однако те, кто открывают такую деятельность, не делают этого ради одной сделки.

К ответственности за незарегистрированную предпринимательскую деятельность будет привлекать ФНС — через суд. Дело будет рассматриваться по месту жительства обвиняемого или месту осуществления деятельности в течении двух месяцев с даты составления протокола о нарушении.

Существуют следующие санкции за осуществление предпринимательской деятельности без регистрации:

1) Согласно статье 116 Налогового кодекса Российской Федерации ведение бизнеса без постановки на учёт грозит штрафом в размере 10% от доходов, полученных в ходе предпринимательской деятельности, но не менее 40000 рублей. А если для бизнеса нужна была лицензия, то придётся заплатить штраф ФНС в размере 2000-2500 рублей с конфискацией оборудования и выпущенной продукции. [2]

2) Согласно статье 14.1 КоАП РФ назначается штраф в размере от 500 до 2000 рублей. [3]

3) И согласно статье 171 Уголовного кодекса РФ штраф за нелегальную предпринимательскую деятель-

ность, если ведение незаконного предпринимательства причинило ущерб в крупном размере гражданам, организациям или государству (либо получен доход в таком размере), назначается в размере до 300000 рублей или доход за 2 года. Если же доход свыше 9 миллионов рублей, штраф до 500 тысяч рублей или в размере заработка за три года [4].

Исходя из этого следует, если лицо собирается заниматься такой деятельностью и получать доход в долгосрочной перспективе, регистрация в качестве индивидуального предпринимателя обязательна. Такое требование предъявляется к продавцам в государственном постановлении, утверждающем правила продажи товаров дистанционным способом.

При начале осуществления такой деятельности практически всегда достаточно лишь открытие Индивидуального предпринимательства за исключением лишь тех случаев, если такая деятельность не открывается несколькими лицами или в планах нет масштабного дела. Позже, если это будет необходимо, оформляется ООО (Общество с ограниченной ответственностью), в котором ведется более сложный учёт, уплачиваются более высокие налоги, привлекают престижных крупных партнёров и инвесторов.

Регистрируя свою деятельность в качестве индивидуального предпринимателя, владелец такой коммерческой онлайн деятельности может нанять до ста сотрудников, использовать упрощенную систему налогообложения, не делать печать и не подавать в налоговую расширенную бухгалтерскую отчетность [5].

Таким образом многие забывают или думают, что находятся в неправовом поле и забывают правовую сторону данного вопроса. При осуществлении такой деятельности в интернете первым делом нужно осуществить государственную регистрацию предпринимательской деятельность, поскольку в противном случае это может привести к большим финансовым потерям и даже к прекращению такой деятельности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51 — ФЗ [в ред. от 25.02.2022] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63 — ФЗ [в ред. от 09.03.2022] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 № 146 — ФЗ [в ред. от 09.03.2022] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ [ред. от 04.03.2022] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
5. Шихбабаев, Ф. Ф. Правовое регулирование предпринимательства в сети интернет/Ф. Ф. Шихбабаев // Вопросы студенческой науки. — 2020. — № 6 (46). — с. 367-370.

Конкурсный подбор кадров на государственную гражданскую службу: проблемы и пути решения

Новичкова Дарья Юрьевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассмотрены основные проблемы правоприменения конкурсного подбора кадров на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации. Также сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства по вопросам проведения конкурса.

Ключевые слова: конкурс, государственная гражданская служба, государственные гражданские служащие, замещение вакантной должности, правовые нормы, конкурсная комиссия.

Competitive recruitment of personnel for the state civil service: problems and solutions

Novichkova Darya Yuryevna, student master's degree
Moscow University of Finance and Law

This article discusses the main problems of law enforcement of competitive recruitment of personnel to fill a vacant position civil service of the Russian Federation. Also formulated on improvement current legislation on the issues of the competition.

Keywords: competition, state civil service, state civil servants, filling vacant positions, legal norms, competition commission.

В Российской Федерации постоянно совершенствуется государственная кадровая политика. Качественный кадровый состав органов государственной гражданской службы — сильный элемент развитого государства. Поэтому для подбора кадров, способных решать управленческие задачи, применяется конкурс.

Указы Президента и Постановления Правительства указывают на нехватку квалифицированных кадров на сегодняшний день. Россия на современном этапе нуждается в квалифицированных кадрах заявил в одном из своих посланий Президент Российской Федерации. Дефицит на рынке труда профессиональных государственных служащих приводит к значительным потерям для российской экономики.

Конкурс — это первичная ступень оценки профессиональных качеств претендента на вакантную должность.

Вопросы конкурса в Российской Федерации регулируются Федеральным законом от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», Указом Президента РФ от 1 февраля 2005 № 112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации».

Конкурс — многоаспектное понятие. Изучение понятия поможет обеспечить единство в реализации и применении правовых норм.

«Конкурс заключается в оценке профессионального уровня претендентов на замещение вакантной должности гражданской службы, согласно квалификационным требованиям для замещения должности гражданской службы» [3].

«Конкурс на замещение вакантной должности гражданской службы (далее — конкурс) обеспечивает конституционное право граждан Российской Федерации на равный доступ к государственной службе, а также право государственных гражданских служащих на должностной рост на конкурсной основе» [4].

«Конкурсный порядок замещения должности, с одной стороны, позволяет расширить круг претендентов на эту должность, выбрать наиболее способных и подготовленных, а с другой — минимизирует субъективность в оценке конкретного лица, поскольку конкурсная комиссия, в состав которой помимо представителей работодателя входят представители научных и образовательных учреждений, формируется таким образом, чтобы исключить возможность возникновения конфликта интересов, могущего повлиять на принимаемые ею решения» [7].

Конкурс проводится в форме конкурса документов на замещение старшей государственной должности, конкурса-испытания на замещение ведущей, главной и высшей государственных должностей. Также государственный служащий имеет право участвовать в конкурсе независимо от занимаемой должности в момент проведения конкурса.

«Конкурс в государственном органе объявляется по решению руководителя государственного органа либо представителя указанного руководителя, осуществляющих полномочия нанимателя от имени Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, при наличии вакантной должности гражданской службы,

замещение которой может быть произведено на конкурсной основе» [2].

Проведение конкурсного отбора решает обеспечение государственного органа стабильным составом персонала в необходимом количестве; кадровым резервом. При этом учитывается уровень квалификации, уровень образования.

Конкурс проводится в два этапа. Государственный орган публикует объявление о приеме документов для участия в конкурсе не менее чем в одном периодическом печатном издании, размещает информацию о проведении конкурса на сайте государственного органа. Правовым актом образуется состав конкурсной комиссии, сроки и порядок ее работы, а также методика проведения конкурса.

Комиссия проводит собеседование с кандидатом, который претендует на должность, узнает о прошлых заслугах специалиста, оценивает компетентность специалиста, уточняет и цель дальнейшего продвижения по службе, выясняет планы претендента на ближайшую перспективу.

Оценка претендующих на замещение вакантной должности не должна включать оценку личных качеств кандидатов. В соответствии со статьей 64 Трудового Кодекса РФ запрещается необоснованный отказ в приеме на работу [1]. Необоснованным считается отказ, основанный на обстоятельствах, не связанных с деловыми качествами работника. Понятие деловых качеств определено постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 [8]. Деловые качества — это способность работника выполнять соответствующие трудовые функции.

Решение конкурсной комиссии, принимающееся в отсутствие кандидата, является основанием для назначения кандидата на вакантную должность гражданской службы либо отказа в таком назначении.

По результатам конкурса издается акт представителя нанимателя о назначении победителя конкурса на вакантную должность гражданской службы и заключается служебный контракт с победителем конкурса. О результатах конкурса на сайте государственного органа размещается информация в информационной сети общего пользования.

Попробуем проанализировать проблемы конкурсного отбора на замещение вакантной должности государственной гражданской службы.

Можно выделить основную проблему с процедурной частью конкурса, которые допускаются из-за пробелов в законодательной базе, которые не отображают важных деталей.

Пункт 20 Положения о конкурсе гласит: «Заседание конкурсной комиссии проводится при наличии не менее двух кандидатов» [5].

Заявление для участия в конкурсе со всеми необходимыми документами представляет один претендент. Ему должно быть отказано в участии в конкурсе. Так происходит на практике, потому что в этом случае заседание конкурсной комиссии не состоится. В Положении о конкурсе данный вопрос не урегулирован. Норма Закона № 79-ФЗ ст. 22 не говорит о претендентах во множественном числе.

Безусловно, обозначенная проблема требует нормативного решения: внесения дополнений, уточнений, изменений как в Закон № 79-ФЗ (ст. 22), так и в Положение о конкурсе.

На моей практике выходит так, что обращение нескольких кандидатов на должность маловероятно. Работа ответственная, на первых порах малооплачиваемая, не каждый подходит по документам и т.д. То есть человек должен ждать конкурента. Пока обратится другой, первый уже передумает, найдет другую работу. Упускаем отличные кадры, которые даже при предварительном собеседовании устраивают нанимателя. Но процедура длится долго.

С. А. Иванова¹ научно обосновывает, что, во-первых, в норме Закона № 79-ФЗ не говорится о претендентах во множественном числе.

Во-вторых, речь идет об оценке претендентов, при этом не исключает возможности одного участника конкурса. Поэтому конкурсная комиссия должна оценить данного претендента.

То есть, как разъясняет С. А. Иванова, мы сталкиваемся с проблемой нарушения конституционных прав гражданина РФ. Согласно ч. 6 ст. 22 Закона № 79-ФЗ участник конкурса может воспользоваться правом на обжалование отказа в допуске к участию в конкурсе [6].

По Положению о порядке замещения должностей научно-педагогических работников в высшем учебном заведении конкурсный отбор признается состоявшимся, если подано одно заявление, при условии получения претендентом более 50% голосов членов Ученого совета.

На взгляд С. А. Ивановой, комиссия должна принять решение об избрании первого кандидата на вакантную должность гражданской службы. Иначе ограничиваются и права представителя нанимателя. Представитель нанимателя объявляет повторный конкурс, несет дополнительные затраты, связанные с опубликованием объявления о приеме документов для участия в конкурсе. В данном случае роль права неэффективна в регулировании отношений. При этом наниматель остается на неопределенное время без нового работника, квалифицированных кадров в государственных органах не хватает после прошедших сокращений в начале 2022 года.

На взгляд С. А. Ивановой, и я с этим согласна, что эту проблему следует решать, используя опыт законодателя

1 Иванова Светлана Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры социального права, государственной и муниципальной службы Уральской государственной юридической академии, член конкурсных комиссий — представитель УрГЮА — независимый эксперт (Екатеринбург) обосновывает возражения по пункту о двух кандидатах.

по регулированию отношений, сходных с рассматриваемыми. В ст. 21 Закона № 94-ФЗ говорится, что при подаче документов на конкурс одним участником, комиссия рассматривает данную заявку (ч. 1) и принимает решение признать конкурс несостоявшимся по указанной причине. Контракт должен заключаться с данным претендентом как с единственным участником конкурса. В Трудовом кодексе Российской Федерации (ст. 16) не установлена подобная государственная гарантия.

Обозначенная проблема требует внесения изменений в Закон № 79-ФЗ (ст. 22) и в Положение о конкурсе.

В Положении о конкурсе не урегулирован такой вопрос, как возможность повторного участия в конкурсе кандидата, не допущенного к участию в конкурсе, не получившего положительное заключение конкурсной комиссии (не назначенного победителем), не зачисленного в кадровый резерв.

Нельзя лишать гражданина возможности повторного участия в конкурсе на общих основаниях в случае объ-

явления очередного конкурса на вакантную должность гражданской службы.

Также можно допустить не проводить конкурс на замещение вакантной должности при назначении на более высокую должность в порядке должностного роста в одном подразделении или в одном государственном органе.

Рассмотренные проблемы свидетельствуют о том, что порядок проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации требует доработок.

В целом необходимость проведения конкурса направлена на обеспечение государственного аппарата наиболее подготовленными кадрами, на повышение престижа государственной гражданской службы и повышение уровня доверия к государственным структурам со стороны граждан. Для исключения пробелов необходимо исправить некорректные положения.

Литература:

1. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ; по сост. на 21.03.2022 г.; Консультант Плюс: <http://www.consultant.ru/>.
2. Федеральный Закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»: по сост. на 21.03.2022 г.; Консультант Плюс: <http://www.consultant.ru/>.
3. Федеральный Закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»: по сост. на 21.03.2022 г.; Консультант Плюс: <http://www.consultant.ru/>.
4. Указ Президента РФ от 01.02.2005 N 112 (ред. от 31.12.2020) «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации».
5. Положение о конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации от 01.02.2005 по сост. на 21.03.2022 Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/187829/#ixzz3Iva5Xg1Z>.
6. С. А. Иванова кандидат юридических наук. Статья Некоторые проблемы правового регулирования конкурса на замещение должности гражданской службы в Российской Федерации и их решение ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ 4/2013 К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ».
7. Нечаева, Т.В., Кирилин А.В. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2004 г. № 79АФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (постатейный) (2-е издание, переработанное и дополненное) [Электронный ресурс] // Консультант плюс: [сайт]. [1997А2013]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMB;n=17172> (дата обращения: 21.03.2020).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (в ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового Кодекса Российской Федерации». — URL: http://www.consultant.ru/document/LAW_47257.

Нормоконтроль как способ улучшения качества муниципальных правовых актов

Плахтий Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент;
Садыкова Дарья Юрьевна, студент магистратуры
Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье рассмотрена сущность нормоконтроля применительно к муниципальному правотворчеству. Определена роль нормоконтроля как способа улучшения качества муниципальных правовых актов, предотвращения нарушений юридической техники. Представлены причины нарушения юридической техники и возможности их предотвращения.

Ключевые слова: нормоконтроль, правовой акт, муниципальное правотворчество, юридическая техника, органы местного самоуправления.

Norm control as a way to improve the quality of municipal legal acts

The paper considers the essence of normative control as applied to municipal law-making. The role of norm-checking as a way to improve the quality of municipal legal acts, to prevent violations of legal technique is defined. The reasons for violations of legal technique and possibilities to prevent them are presented.

Keywords: normative control, legal act, municipal law-making, legal technique, local authorities.

Совершенствование муниципального правотворчества — существенное условие укрепления местного самоуправления. Бессистемность, необоснованность, непродуманность принятия муниципальных правовых актов, игнорирование требований русского языка, государственных стандартов по делопроизводству и документообороту влекут за собой хаотичность правовой системы, противоречивость правовых норм. Нормоконтроль при этом может рассматриваться как способ поддержания актуальности существующего законодательства, совершенствования муниципального правотворческого процесса, повышения качества муниципальных правовых актов.

Понятие нормоконтроль на текущий момент теоретически не обосновано, не закреплено. Для установления содержательной стороны нормоконтроля необходимо отдельно рассматривать смысловой, семантический, состав слова.

Согласно толковому словарю русского языка Сергея Ивановича Ожегова [1]:

— норма — узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-нибудь;

— контроль — это проверка, а также наблюдение с целью проверки.

В словаре есть еще одно слово, по своему значению схожее с контролем — надзор — наблюдение с целью призора, проверки.

Эти два понятия синонимичны с точки зрения русского языка, но имеют существенные различия при рассмотрении с точки зрения права. Контроль обычно представляет собой деятельность по проверке, объектом которой может быть целесообразность принятия правового акта, а результатом — решение о применении мер

воздействия, если были выявлены нарушения. При этом контроль может быть как внутренним, так и со стороны контрольных организаций. Надзор — постоянное наблюдение, как правило вышестоящими органами, для своевременного выявления нарушения законов, противоречивости норм муниципальных правовых актов нормам правовых актов более высокого уровня.

Объединив вышеуказанные понятия, можно сделать вывод, что нормоконтроль применительно к муниципальному правотворчеству — деятельность, осуществляемая в целях соблюдения принципа законности при подготовке муниципальных правовых актов, с учетом соответствия вышестоящим правовым актам, соблюдения юридической техники, направленная в том числе на выявление нарушений и пресечение их повторного появления.

В юридической литературе встречаются различные определения нормоконтроля, по своему содержанию раскрывающие только один или несколько его элементов. Например, Н.Н. Харитоновна указала, нормоконтроль является разновидностью конституционного контроля, при реализации которой обеспечивается верховенство Конституции в правовой системе страны [2, с. 44].

Н.И. Ярошенко, подразумевает под нормоконтролем деятельность уполномоченных органов государственной власти (должностных лиц) по установлению, поддержанию, упрочнению и восстановлению законности и конституционности, которые выражаются в проверке соответствия акту большей юридической силы или в проверке специальных действий правового характера, а при необходимости — в пресечении нарушения законодательства и привлечении виновных к конституционно-правовой ответственности [3, с. 1314].

Так или иначе, объектом нормоконтроля является правовой акт.

В Федеральном законе Российской Федерации от 6 октября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4] закрепляется возможность принятия муниципальных правовых актов, без уточнения их нормативного характера. Это позволяет считать, что объектами нормоконтроля на уровне муниципального правотворчества могут быть как нормативные, так и ненормативные акты органов и должностных лиц местного самоуправления, а значит рассматривать и оценивать эффективность всех принимаемых правовых актов.

Поскольку под эффективным (качественным) нормотворчеством понимается издание правовых актов в полном соответствии с предъявляемыми к ним требованиями, то целью нормоконтроля является устранение и недопущение нарушений юридической техники.

Юридическая техника — правила ведения юридической работы и составления в ее процессе юридических документов [5, с. 86]. Иное определение дает С. С. Горохова: под юридической техникой понимают линию поведения, порядок действий, заключающийся в краткосрочном планировании юридической деятельности, ее организации для достижения конкретно поставленной цели [6, с. 16]. Причин нарушения юридической техники на уровне местного самоуправления множество. Условно их можно разделить на объективные и субъективные.

К одной из основных причин первой группы относится нестабильность, коллизионность существующего законодательства регионального и федерального уровня, наличие законодательных пробелов. При отсутствии необходимых правовых актов на уровне государства и субъектов, неточной формулировке правовых норм создается правовая неопределенность, значительно осложняющая процесс муниципального правотворчества и нормоконтроля.

Отчасти устранить данную группу проблем может создание общих федеральных законов по отдельным видам нормоконтроля, которые бы отражали их единые принципы и механизмы осуществления, а также принятие закона, закрепляющего понятие нормативности правового акта и нормоконтроля как института.

Следующая проблема — отсутствие единого подхода к муниципальному правотворчеству. Поскольку не определен общий перечень видов муниципальных правовых актов, не закреплены требования к содержанию и оформлению правовых актов, органами местного самоуправления зачастую принимаются правовые акты полностью дублирующие правовые акты регионального и федерального уровней, являющиеся почти полной копией модельного правового акта.

В условиях Российской Федерации, характеризующихся многообразием муниципальных образований, имеющих свои структурные, территориальные, географические, национальные, культурные, социальные и иные

особенности, невозможно установить абсолютное единообразие системы и содержания муниципальных правовых актов. Но решением проблемы может стать отказ от использования модельных правовых актов, адаптивное их к условиям конкретного муниципалитета для представления интересов населения конкретной территории в конкретных условиях. Это упростит процесс нормоконтроля на местах.

Несмотря на процессы информатизации и глобализации муниципальная власть продолжает находиться на недостаточном уровне информационной открытости. С течением времени данная проблема решается с совершенствованием процессов антикоррупционной и общественной экспертизы, установлением дополнительных требований к опубликованию правовых документов. Необходимо определение максимально точного перечня тем муниципальных правовых актов, подлежащих обнародованию, размещению на информационных ресурсах органов местного самоуправления.

Среди субъективных причин можно выделить ненадлежащий уровень образования муниципальных служащих, задействованных в процессах муниципального правотворчества. Усугубляется проблема тем, что при кадровой недостаточности муниципальных органов каждый их сотрудник должен являться не просто высококвалифицированным, но и разносторонним специалистом во многих сферах правоотношений, с учётом их муниципальной особенности. А также тем, что требования к муниципальному служащему содержат только указание на уровень образования, а не на направление подготовки.

Специалистам без необходимого образования и опыта работы затруднительно определять наличие юридической техники, выявлять нарушение антикоррупционного законодательства, работать со значительными по объемам текстами. Зачастую необходимо привлечение иных специалистов для определения ошибок в подготовленных правовых актах.

Решение вопроса в первую очередь лежит в сфере ужесточения квалификационных требований к кандидату на выборную должность муниципального образования в части наличия профильного профессионального образования.

Пассивность муниципальных служащих, принимающих участие в подготовке правовых актов может объясняться низким уровнем правовой культуры, в том числе неготовностью оценивать все с точки зрения законности [7, с. 28], психологической неготовностью к принятию решений. Выразиться пассивность может посредством игнорирования или ненадлежащего соблюдения всех требований, предъявляемых к качеству муниципальных правовых актов. Причиной пассивности может являться и слабая разработка вопросов ответственности за ненадлежащее правотворчество.

Отчасти решить указанную проблему может законодательно закреплённая обязанность муниципалитетов

предусмотреть в своих аппаратах наличие достаточно числа юристов. Положительный эффект будет иметь и обязательная ступенчатая модель принятия муниципальных правовых актов, при которой подписание правового акта с последующим опубликованием должно происходить только по окончании его обсуждения и принятия представительным органом, либо после визирования его ответственными за отдельные направления и сферы деятельности специалистами.

Исходя из вышеизложенного причины деформаций муниципальных правовых актов носят как субъективный, так и объективный характер. Однако абсолютное их устранение невозможно, и в данном случае основным способом обеспечения высокого качества муниципального нормотворчества является эффективный нормоконтроль. Основную обязанность по внутреннему нормоконтролю должны взять на себя должностные лица органов

местного самоуправления (главы и их заместители, начальники юридических отделов), которые должны проводить внутреннюю антикоррупционную экспертизу, оценивать необходимость проведения оценки регулирующего воздействия, а также сотрудники, ответственные за проверку текстов правовых актов на соответствие правилам русского языка, государственным и региональным стандартам делопроизводства и документооборота. Что позволит исключить пробелы в муниципальных правовых актах, сформировать единую систему взаимосвязанных документов.

Кроме того, необходимо повысить эффективность взаимодействия органов местного самоуправления с населением, контрольными и надзорными органами в части методического сопровождения подготовки муниципальных правовых актов, ускорить процессы обмена информацией о состоянии правовых актов.

Литература:

1. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 26.03.2022).
2. Харитонов, Н.Н. Функции органов конституционного контроля // Конституционное и муниципальное право. — 2003. — № 5. — с. 43-48.
3. Ярошенко, Н.И. Нормоконтроль: конституционно-правовые основы и роль в механизме реализации конституционно-правовой ответственности: монография/Н.И. Ярошенко. — Пермь: Книжный формат, 2010. — 184 с.
4. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571 (дата обращения: 26.03.2022).
5. Кашанина, Т.В. Юридическая техника/Т.В. Кашанина. — 2-е изд. — переем. М: ИНФРА-М, 2011. — с. 495.
6. Горохова, С.С. Юридическая техника. Учебник и практикум для вузов/С.С. Горохова — 2-е изд., пер. и доп. — М: Юрайт, 2020. — с. 317.
7. Бирюков, С.В. Правовая культура: учебное пособие для вузов/С.В. Бирюков. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 126 с. — (Высшее образование). — Текст: непосредственный.

Проблемные аспекты подготовки и принятия нормативных правовых актов в субъектах Российской Федерации

Полищук Михаил Дмитриевич, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Проблемы, связанные с обеспечением скоординированных действий органов исполнительной власти субъектов РФ в управленческой деятельности, являются главной политической задачей для современной Российской Федерации. Согласованность в действиях органов исполнительной власти субъектов РФ это особо важная задача при реализации государственного управления в многоуровневой системе государственного устройства, существующей в России.

К большому сожалению, приходится обратить внимание на одну из ключевых проблем, тормозящую раз-

витие системы органов исполнительной власти не только на уровне субъектов РФ, но и на федеральном уровнях, а именно мировые глобализационные процессы. Которые привели к сложностям в экономике, политике, торговли, банковском секторе, транспортном взаимодействии государств мира и России, после объявления специальной операции на Украине. По моему мнению, не столь «глубокое погружения» российской системы исполнительной власти в мировые глобализационные процессы, не так бы сильно отразились на всю систему исполнительной власти и правотворческие процессы в данной системе.

Не менее важной проблемой в развитии правотворчества органов исполнительной власти субъектов РФ связано с «широким проникновением неформальных практик (лоббизма, коррупции, ведомственных интересов) в комплекс формальных правил и процедур, которые создают неблагоприятные реалии во властном взаимодействии» [1, с. 28]. Поэтому при организации планирования законопроектной работы Правительства РФ и всей системы исполнительной власти связано с со значительным уровнем развития так называемых внеправовых форм, в виде лоббистского влияния, той же самой коррупции, а также непрофессионализма некоторых управленческих кадров, помноженного на популистское принятие решений при государственном управлении, что способствуют негативного вектора развития правотворчества органов исполнительной власти.

По этому поводу в научной литературе особо обращено внимание на такие негативные факторы, влияющие на процесс правотворчества как:

— ответственности, в том числе персональной тех или иных лиц за принятые решения [2, с. 185];

— отсутствием четких разграничительных механизмов по распределению полномочий между Федерацией и субъектами в том числе и в вопросах принятия решений и ответственности за принятые решения [3, с. 156];

— неопределенность статусов органов государственной власти и подчиненности в иерархии вертикали исполнительной власти, так называемая «статусная неопределенность неопределенностью некоторых институтов власти» [4, с. 71];

— противоречивостью организации местного самоуправления с наделением его фактически государственно-правовыми полномочиями при формально-юридической разобщенности с государственной властью [1, с. 28].

Отмечу, что в системе правового регулирования современной России большую роль играют правовые акты федеральных органов исполнительной власти, юридический нормативный акт — непосредственный результат важнейшей правовой формы осуществления органами исполнительной власти — правотворческой деятельности. Нормативные акты представляют собой специфическое средство оформления решений об установлении, изменении или отмене норм права и являются внешней формой бытия самих этих норм. Этим они отличаются от всех других актов, издаваемых иными правотворческими органами.

Вместе с тем, ни в Конституции Российской Федерации, ни в ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» нет положений, регламентирующих виды актов органов исполнительной власти. Виды актов, издаваемых конкретными министерствами, определяются положениями о них. Кроме того, в Правилах подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации

от 13 августа 1997 г. № 1009, указывается, что федеральные министерства издадут нормативные правовые акты в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений.

Хотелось обратиться к необходимости проведения экономического анализа норм перед их принятием органами исполнительной властью субъектов РФ. Одна из ключевых идей, на которых основывается данный подход, была сформулирована Бруно Леони в книге «Свобода и закон» [5, с. 307]. Данный подход сводится к тому, что главным препятствием для реализации принципа верховенства права является избыточное законодательство. «Он демонстрирует, что кодификация права, которая была задумана как способ добиться большей определенности законов, на самом деле, в конечном счете влечет прямо противоположные результаты. Существование жесткого кодекса приводит к тому, что адаптация правовой системы с целью достижения справедливости в изменившихся обстоятельствах оказывается возможной только путем законодательства, а гипертрофия законодательной деятельности в долгосрочной перспективе служит причиной неустойчивости правовой системы» [5].

Понимание данного различия чрезвычайно актуально для совершенствования процесса правотворчества и правовой реформы в России и многих других постсоветских странах. К сожалению, от социалистической правовой системы нам в наследство досталось господство позитивистки-легистского понимания закона. Именно оно является одной из причин того, что до сих пор в рамках политической и правовой системы не удается преодолеть произвол со стороны законодателей, судей и правоприменителей, ведущий в конечном итоге к правовому хаосу.

Законотворчество производит поиск правовых форм, наиболее эффективно обеспечивающих равновесное состояние общества. Мы можем выделить следующие признаки законотворчества: — Сознательно-волевой характер — право создают люди, обладатели воли и сознания, которые имеют собственные взгляды, определённый культурный уровень, уникальный жизненный опыт, правосознание, а также свои потребности и свои задачи. На законотворчество оказывают влияние также интересы и взгляды социальных групп, представлен политический институт лоббирования с общественных позиций нормативных актов.

Обратим внимание на то, что при закреплении в законодательстве ряда правовых установлений, в соответствии с которыми предусмотрено взаимодействие органов исполнительной власти (использованы термины «совместно», «по согласованию», «с учетом мнения» и т. п.), фактически не существует правовой процедуры осуществления и юридического оформления результатов такого взаимодействия. Так, на практике нет процедур определяющих предмет договоренности во взаимодействии органов исполнительной власти субъектов РФ и местного самоуправления, также отсутствует институт ответствен-

ности сторон в случае нарушения тех или иных норм. В законодательстве не прописаны основы юридической силы совместно принятых решений.

Все это негативно сказывается на механизме осуществления государственного управления, приводит к установлению малоэффективных и юридически небезупречных отношений, не позволяет своевременно решать управленческие задачи, а также острейшие социально-экономические проблемы. В этом ключе можно вести речь о других проблемах, уже социального характера, а именно: развитие бюрократического механизма управления, затягивание решений важнейших вопросов, что в свою очередь приводит к развитию коррупции, и, в конечном счете, крайне негативно сказывается на политическом климате в стране.

По мнению автора, решением проблем повышения управленческого взаимодействия исполнительной власти должно выступать развитое гражданское сообщество [6, с. 2]. «Оно одновременно выполняет две роли. С одной стороны, оно — партнер государства в реализации всех его начинаний. С другой стороны, оно отстаивает свободу и интересы каждого гражданина и различных групп общества, и, следовательно, может становиться на конструктивные оппонентские начала» [7, с. 68].

Анализ состояния современных правотворческих процессов позволяет сделать вывод о том, что сегодня в процессе реформирования различных сфер жизнедеятельности, на первый план выступает принятие новых законов и нормативных правовых актов, на которые должен

влиять весь спектр факторов и проблем правотворчества органов исполнительной власти.

Таким образом, основным фактором принятия правовых актов органов исполнительной власти с целью преодоления проблем правотворчества должны стать действия органов власти указывающие на необходимость изучения объективных потребностей общества, определяющих социальную эффективность принимаемых норм. Как считают В.Н. Кудрявцев, О.А. Гаврилов [8, с. 18]: «Одна из задач научных исследований правоведов состоит в раскрытии закономерностей законотворчества как сложного социального процесса, предлагающего адекватное отражение в правовых нормах актуальных и перспективных потребностей общества». Безусловно, влияние науки в законодательстве сложно переоценить. Это залог повышения качества принимаемых законов и эффективности их норм.

Фактор научности формулирует обязательность участия представителей различных научных дисциплин в процессе подготовки и принятия акта. Принятие учеными-юристами участия в процессе крайне значимо для процесса законотворчества, так как они напрямую участвуют в нём, разрабатывая концепции законопроектов, выявляя потребности корректировки текущих общественных отношений (к примеру, путём проведения социологических исследований), определяя способ и тип правового регулирования. Выявление приоритетности принимаемых нормативных актов и прогнозирование последствий их применения крайне необходимы и зачастую жизненно важны.

Литература:

1. Чепунов, О.И. Системное взаимодействие органов государственной власти в Российской Федерации. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011. с. 28.
2. Кондрашев, А.А. Институт конституционно-правовой ответственности в предмете конституционного права: грани соотношения. Актуальные проблемы российского права. 2018; (10):184-195.
3. Барциц, И.Н. Федеративная ответственность: Конституционно-правовые аспекты/И.Н. Барциц. — Москва, 1999. — 156.
4. Щербина, В.В. Социальные теории организации. М., 2015. с. 71.
5. Бруно Леони. Свобода и закон. Пер. с англ. В. Кошкина под ред. А. Куряева. — Москва: ИРИСЭН, 2008. — 307 с.
6. Гриб, В.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: Автореф. дис.... докт. юрид. наук. М., 2011. с. 2.
7. Киринов, А.В., Побежимова Н.И. Актуальные проблемы административной реформы // Административное право и процесс. 2014. № 3. с. 68.
8. Торпуджиян, А.Х. Законотворчество как особый вид правотворчества: понятие, форма закрепления, принципы// Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа; 2017. с. 18.

Правовые основы деятельности корпорации развития малого и среднего предпринимательства как института развития

Прошляков Иван Дмитриевич, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В статье автор описывает приоритетные векторы правового развития малого и среднего бизнеса в Российской Федерации.

Малый и средний бизнес представляется важной частью экономики страны, производя значительную долю товаров, работ, услуг, формируя и сохраняя рабочие места. При всем при этом предприятиям малого и среднего звена довольно-таки затруднительно держать удар в конкурентной борьбе с крупными корпорациями, ведь они стеснены располагающимися у них материальными ресурсами и зачастую сталкиваются со сложностями при мобилизации займов. Так, в целом ряде стран именно государство берет на себя обязательства по поддержке малого и среднего предпринимательства, организуя вспомогательные институты.

В России, несмотря на то, что вовлечение государства в экономику весьма значительно, решения все же генерируются с привлечением бизнес-сообщества. В регулировании экономической сферы задействованы субъекты, что не входят в систему исполнительных органов, но располагают некоторыми полномочиями публичной власти [1]. В 2017 году в нашей стране появилась целая сеть организаций, оказывающих комплексные меры поддержки предприятиям малого и среднего звена.

Главенствующим институтом поддержки выступает АО «Федеральная Корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства». Она появилась вслед за переименованием и внесением новшеств в устав Небанковской депозитно-кредитной организации «Агентство кредитных гарантий» в соответствии с Указом Президента РФ от 5 июня 2015 № 287 «О мерах по дальнейшему развитию малого и среднего предпринимательства». Данная организация при осуществлении своих задач руководствуется ФЗ № 209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [2].

Основной её целью представляется контроль и координация совершенствования российского предпринимательства малого и среднего звена, её важность обостряется все больше из-за пандемии коронавируса, а наряду с этим и в связи с массовыми санкциями зарубежных производителей. С одной стороны, сейчас в экономическом секторе Российской Федерации прослеживаются значительные трудности. С другой, любое кризисное явление представляется в качестве отменного способа мобилизации экономических и финансовых ресурсов совершенствования бизнеса.

Корпорация реализует функции по стимулированию модернизации малого и среднего предпринимательства наряду с государственными органами и иными организациями. Фактически, Корпорация — институт в наи-

большей степени понятный и приближенный к обычным предпринимателям.

Именно труд этой организации спровоцировал введение целого множества корректировок и дополнений в Закон «О закупках» [3]. Это связано с тем, что значительную долю деятельности данной организации занимает оценка и мониторинг соответствия планов закупок, их проектов, добавляемых новшеств, годовых отчетов требованиям законодательства РФ, предполагающим привлечение участников МСП.

Векторы поддержки указываются в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства. Стратегия ориентирована на увеличение доли МСП в ВВП страны [4]. Развитие малого бизнеса в сельском хозяйстве определяется в Стратегии устойчивого развития сельских территорий, согласно положениям которой к 2030 году доля крестьянских хозяйств и индивидуальных предпринимателей в создании сельскохозяйственной продукции должна составить 20% [5].

Акционером Корпорации выступает Федеральное агентство по управлению государственным имуществом и государственными корпорациями. С 2015 г. по 2020 г. участники Национальной гарантийной системы, которых координирует Корпорация, оказали поддержку более 34 тыс. субъектов малого и среднего предпринимательства. Общий объем финансовой поддержки составил 1,4 трлн. руб.

При всем при этом, из итогов проверки Счетной Палаты РФ следует, что лишь 1% представителей МСП получили помощь от государства. Такой важный показатель, как доля МСП в кредитном портфеле предприятий и индивидуальных предпринимателей, в итоге является не реализованным. Счетная палата все же указала на положительный рост отношения портфеля гарантий и поручительств к гарантийному капиталу Корпорации [6].

Устанавливаются приоритетные векторы деятельности Корпорации на 2022 год. К ним относится развитие Национальной гарантийной системы, которая включает Корпорацию, АО «МСП Банк» и региональные гарантийные организации. Банк предоставит гарантийную поддержку участвующих в государственных закупках МСП на 149,7 млрд руб. и даст прямых кредитов региональным гарантийным организациям на сумму 112,5 млрд руб. Участники Национальной гарантийной системы получают гарантийную поддержку от Корпорации в размере 69,9 млрд руб., от АО «МСП Банк» — 35,6 млрд руб. и от РГО — 47,8

млрд руб. Приоритетными направлениями поддержки МСП Корпорацией в 2022 году являются: высокотехнологичные производства, программы развития отдельных территорий РФ, программы в сфере социального предпринимательства, кредитование народных художественных промыслов, поддержка экспорта МСП.

Таким образом, государство заинтересовано в модернизации предпринимательства малого и среднего

звена. Для реализации этой задачи созданы специализированные институты, использующие государственные средства. Ведущим институтом в этой направлении выступает АО «Федеральная Корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства», что обеспечивает организацию системы мер информационной, маркетинговой, финансовой и юридической поддержки субъектов.

Литература:

1. Гришковец, А. А. Федеральные органы исполнительной власти и иные субъекты, осуществляющие регулирование в сфере экономики. Правовая политика и правовая жизнь, 2020 год;
2. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»;
3. Федеральный закон от 18.07.2011 N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»;
4. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года. [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199462/f3fa9da4fab9fba49fc9e0d938761ccffdd288bd/;
5. Старкова, О. Я. Региональный аспект поддержки малого бизнеса в сельском хозяйстве // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки, 2018 год № 3;
6. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации № 4 (281), 2021 год. [электронный ресурс]. <https://ach.gov.ru/statements/>.

Сфера сотрудничества полиции и органов юстиции

Прошляков Иван Дмитриевич, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

Европейский Союз представляет собой сложное интеграционное объединение, реализующее в своих рамках различные формы межгосударственного взаимодействия и сотрудничества. Одним из важнейших направлений является сотрудничество органов юстиции и полиции государств-членов Европейского Союза. В нормативных актах Евросоюза данная сфера взаимодействия именуется как «сотрудничество полиции и судебных органов в уголовно-правовой сфере». Криминальная деятельность имеет в трансграничный характер, поэтому борьба с этой преступностью занимает особое место в политике Евросоюза. Европейский Союз называют «криминальным раем» в силу того, что для того, чтобы избежать правосудия, достаточно пересечь границу. Отношения в сфере правоохранительных органов развиваются на двустороннем, региональном, международном уровнях, а также в рамках Европейского Союза. При этом сам Евросоюз и его органы не наделены правоохранительными функциями, указанные функции реализуются государствами-членами. Евросоюз выполняет координирующую функцию, создает условия для сотрудничества правоохранительных органов государств-членов.

Необходимость сотрудничества государств-членов в правоохранительной области была очерчена во времена

основания первых образований будущего ЕС. Так, в Договоре об учреждении Европейского сообщества 1957 г. имела место статья 209, которая предусматривала сотрудничество в мероприятиях по противодействию мошенничеству. Однако, государства не могли передать свои компетенции в уголовно-правовой сфере Евросоюзу, поскольку обеспечение безопасности, борьба с преступностью являются одной из составляющих государственного суверенитета.

Правовой основой сотрудничества государств в правоохранительной деятельности являются основные международные договоры, которые являются учредительными договорами Евросоюза. Этими договорами являются Маастрихтский договор 1992 года, Амстердамский договор 1997 года, Ниццкий договор 2001 года и Лиссабонский договор 2007 года. До принятия Лиссабонского договора, Европейский Союз действовал на основе, так называемой «системы трёх опор». Первые три вышеуказанных договора оформляют особое место сотрудничества полиции и органов юстиции в уголовно-правовой сфере. Данная сфера составляла «третью опору» Евросоюза. Предмет третьей опоры включает вопросы деятельности по предотвращению и расследованию преступлений, привлечению к ответственности нарушителей закона и исполнения наказаний по отношению к ним. Впервые договоренности о со-

трудничестве государств в борьбе с преступностью были заложены в Договоре о Европейском Союзе (Маастрихтский договор). Раздел 4 включал в себя положения, касающиеся сотрудничества полиции и судов в уголовно-правовой сфере. Предполагалось борьба с организованной и иной преступностью, в том числе с терроризмом, торговлей людьми, наркотиками, оружием, преступлениями против детей, а также мошенничеством и коррупцией. Эта деятельность осуществлялась в рамках Европейского пространства свободы, безопасности и правосудия — ПСБП.

Что касается Амстердамского и Ниццкого договоров, то они практически не затрагивали вопросов правового регулирования сотрудничества судов и полиции. Однако, Амстердамский договор закреплял концепцию Европейского пространства свободы безопасности и правосудия, как основополагающую концепцию в политике сотрудничества членов Евросоюза в уголовно-правовой области. Также в соответствии с общими положениями Амстердамского договора, между государствами-членами ЕС предполагается оперативное сотрудничество не только полиции, но и также таможенных органов и других специализированных органов в области предупреждения, выявления и расследования преступлений. К тому же предполагается взаимные сбор, хранение, обработка, анализ и обмен информации, которая могла быть необходима в ходе расследования преступлений. В связи с этим, в кругах правозащитников и юристов стали возникать негативные настроения. С их стороны шла критика такой инициативы, как ведение банка данных подозреваемых для целей аналитической деятельности, так как это противоречит принципу презумпции невиновности. Важнейшим пунктом сотрудничества государств в этой области является совместная подготовка и обмен кадрами. Данная инициатива благоприятно влияет на правоохранительные органы тех государств, чьи кадры менее подготовлены, а следовательно, чей правопорядок уязвим перед преступностью. Более профессиональные кадры восполняют пробелы в этих регионах Евросоюза.

Крайне важным учредительным актом Европейского Союза является Лиссабонский договор 2007 года. Данный договор упраздняет трехпорную структуру, на которой раньше был построен Союз. Лиссабонский договор разделяет компетенции, которые относятся к ведению Союза и государств-членов. Таким образом, происходит деление на исключительную компетенцию Союза, совместную и вспомогательную компетенцию. Деятельность, осуществляемая в рамках Европейского пространства свободы, безопасности и правосудия, в соответствии с положениями Лиссабонского договора были отнесены к совместной компетенции Союза и государств-членов. Лиссабонский договор относится к первичному праву ЕС. В данном акте правоохранительному законодательству посвящены главы 4 и 5 раздела 5. Можно выделить 2 направления деятельности правоохранительных органов: сотрудничество по уголовно-правовым делам и сотрудничество полицейских органов.

Сотрудничество правоохранительных органов является важным направлением политики Европейского Союза. Деятельность криминальных структур имеет трансграничный характер, поэтому сотрудничество государств имеет важнейшее значение для обеспечения безопасности государств. В 1980-х годах в кругах полицейского руководства стран Евросоюза, таких как Германия, Франция, Великобритания и другие, сформировалась идея о создании единой европейской структуры полицейского сотрудничества для борьбы с организованной преступностью, терроризмом, торговлей наркотиками и другими преступлениями, являющихся угрозой стабильности Евросоюза. В 1993 году, в Копенгагене было подписано соглашение о создании Специализированного Европейского отдела по борьбе с наркотиками. Данная организация была промежуточной перед созданием Европола. Решение, учреждающее Конвенцию Европола, принято 26 июля 1995 г. После ратификации всеми странами ЕС Конвенция Европола вступила в силу с 1 октября 1998 г. Организация начала функционировать в Гааге с 1 июля 1999 года, заменив Европейский отдел по борьбе с наркотиками.

Европейская полицейская организация или Агентство ЕС по правоохранительному сотрудничеству (Европол) является ключевым институциональным элементом в области полицейского сотрудничества. Правовой основой деятельности этой организации является регламент № 2016/794. Основной целью Европола является координация, поддержка сотрудничества правоохранительных органов государств-членов Евросоюза по вопросам пресечения и раскрытия особо тяжких преступлений, которые касаются два и более государства, то есть преступления, имеющие трансграничный характер. Список преступлений содержится в регламенте Европола. Европол обладает правосубъектностью, организация является автономной от других институтов Евросоюза. Однако, в учредительными актами Евросоюза не регламентированы статус и правовое положение данной организации. Поэтому, можно сделать вывод, что Европол нельзя поставить на одну строчку с такими институтами Евросоюза, как Европарламент, Совет ЕС, Еврокомиссия, а также другими институтами. Европол обладает признаками международной организации, которые представлены международно-правовой доктриной. Она учреждена суверенными государствами, на основе учредительного документа, в соответствии с международным правом, имеет систему постоянно действующих органов. Европол имеет определенные цели, которые прописаны в учредительном акте, а также он обладает международной правосубъектностью. Таким образом, удовлетворение признакам международной организации, дает возможность сделать вывод о том, что Европол является международной организацией. Европол играет значимую роль в осуществлении уголовной политики Евросоюза. Он является движущим элементом единой правоохранительной политики стран ЕС, позволяющей применять на практике единые стандарты в области противодействия преступной деятельности.

Другим направлением деятельности Евросоюза в уголовно-правовой сфере является сотрудничество органов

в области расследования преступлений и судебного преследования. Судебное сотрудничество важный, однако сложный процесс, так как процесс формирования правовой основы зависит от многих факторов, процесс интеграции упирается в политические решения и рамки суверенитета государств. Амстердамский договор наделил возможность ЕС издавать обязательные акты для развития судебного сотрудничества. Лиссабонский договор 2007 г. закрепил взаимное признание приговоров и решений в качестве принципа, на котором основывается судебное сотрудничество по уголовным делам в ЕС, предусмотренное Амстердамским договором. Все мероприятия в этой сфере в итоге привели к решению Совета ЕС от 28 февраля 2002 года о создании Евроюста, в целях усиления борьбы с тяжкой преступностью. В настоящее время базой для формирования правового регулирования деятельности Евроюст является ст. 85 ДФЕС, в соответствии с которой назначением Евроюст является поддержка и усиление координации и сотрудничества национальных органов, ответственных за проведение расследований и уголовное преследование по фактам тяжкой преступности, которая затрагивает два или более государств-членов либо требует проведения уголовного преследования на общих началах — исходя из операций, осуществляемых органами государств-членов и Европолом,

и на базе предоставляемой ими информации. Евроюст играет огромную роль в сфере налаживания взаимоотношений между органами следствия и судов. Евроюст оказывает правовые консультации. Евроюст имеет задачи улучшения информационной системы, защиты информации, повышении квалификации сотрудников органов.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что сотрудничество полиции и органов юстиции ЕС является одним из важнейших направлений политики Европейского Союза. С одной стороны, Европол и Евроюст взаимодействуют с государствами-членами, а также между собой, для координации органов в борьбе с преступным миром. Эти органы имеют разработанную правовую основу своей деятельности, имеют систему внутренних органов, а также цели своей деятельности. С другой стороны, существуют множество пробелов в данной области. Сотрудничество Европола с национальными органами полиции имеет скорее направляющий характер. Большое значение имеет такое направление как сбор, хранение и обмен информации между членами Евросоюза, посредством Европейской полицейской организации, что существенно упрощает работу органам полиции, тем самым повышая уровень безопасности Европейского союза, что и является основной задачей сотрудничества полиции и органов юстиции.

Литература:

1. Войников, В. В. К вопросу о понятии и системе правоохранительного законодательства ЕС // Евразийский экономический журнал, № 1, 2019.
2. Волеводз, А. Г. Международные правоохранительные организации: учебное пособие. — Москва: Проспект, 2011.
3. Волеводз, А. Г. Учреждения и органы Европейского союза по судебному и полицейскому сотрудничеству: Учебное пособие // Общие пространства России-ЕС: право, политика, экономика. Выпуск 8, 2010.
4. Договор о Европейском Союзе
5. Договор о функционировании Европейского Союза
6. Кавешников, Н. Ю. Лиссабонский договор и его последствия для развития ЕС. // Актуальные проблемы Европы, № 2, 2010.
7. Решение Совета от 6 апреля 2009 г. о создании Европейского полицейского ведомства (Европол)

Уголовная ответственность за порчу земель

Салиндер Лидия Тэрковна, студент
Тюменский государственный университет

В статье дано понятие порчи земель в соответствии с российским законодательством, приведен краткий обзор административной ответственности за порчу земель, дана характеристика уголовной ответственности за порчу земель, рассмотрена судебная практика привлечения к уголовной ответственности за порчу земель, изучены практические вопросы разграничения уголовной и административной ответственности по данному правонарушению.

Ключевые слова: порча земель, уголовная ответственность, плодородный слой, загрязнение земли, отравление земли, снятие плодородного слоя, уничтожение плодородности почвы.

Актуальность изучения вопроса уголовной ответственности за порчу земель обусловлена тем, что в России

за последнее десятилетие наблюдается динамичное ухудшение состояния земель, повышается уровень их загряз-

нения. Данные государственного мониторинга земель свидетельствуют о том, что за период с 2017-2021 гг. наблюдается интенсивное развитие эрозии почвы, дефляции, засоления и заболачивания, подтопления и зарастание земель сельскохозяйственного назначения мелколесьем, сорной травой, которые влекут за собой снижение плодородности угодий, а в дальнейшем приводит к выводу данных участков из хозяйственного оборота.

Земля выступает главным природным ресурсом, неотъемлемой составляющей биосферы нашей планеты, она необходима для поддержания жизни всех живых существ, является главным компонентом всех видов деятельности человека. Поэтому не удивительно, что современное законодательство РФ уделяет особое внимание охране и защите земель от порчи и снижения качества ее состояния.

Порча земель — это экологическое преступление, которое заключается в незаконном, несогласованном снятии или перемещении верхнего наиболее плодородного слоя почвы, либо ухудшении уровня ее плодородности, не соблюдении правил обращения с удобрениями, агрохимикатами и пестицидами, которые наносят урон почве и окружающей среде. Ухудшение уровня плодородности почвы часто выражается в насыпке поверх природного слоя почвы другого грунта, заливе плодородной почвы бетоном или создании на ее основе асфальтового покрытия, уничтожении плодородности при заготовке древесины, снятии плодородного слоя почвы при строительстве, укатывании тяжелыми транспортными средствами, прокладке дорог по плодородной почве.

Законодательство РФ предусматривает ответственность за порчу земель. Так, административная ответственность регламентирована ст. 8.6 «Порча земель» Кодексом об административных правонарушениях [2]. В данной статье закреплено, что самовольное снятие или перемещение плодородного слоя запрещено. Снятие плодородного слоя почвы выражается в отделении его плодородной составляющей без получения соответствующего разрешения на это в установленном законом порядке. Совершение данного деяния предусматривает административную ответственности в виде наложения штрафа на физические лица в размере 1000-3000 руб., на должностные лица 5000-10000 руб., на юридические лица 30000-50000 руб. [2].

Не допускается также и перемещение плодородного слоя почвы (то есть изменение места его территориального нахождения) без разрешения, полученного в установленном законом порядке.

Однако, законодательство РФ предусматривает не только административную, но и уголовную ответственность за порчу земель.

Ч. 1 ст. 254 УК РФ закрепляет наступление уголовной ответственности за совершение преступления по отравлению, порче земель посредством вредных продуктов хозяйственной деятельности, загрязнению, которые повлекли причинение вреда жизни или здоровью человека, или нанесли вред окружающей среде [3].

Ст. 13 Земельного кодекса РФ дает исчерпывающий список деградации земель. В данной статье указано, что деградация земель может возникнуть в результате эрозии почвы по ветряной или водной причине, в следствие схода селевых потоков, заболачивания местности и подтопления земель, иссушения верхних слоев, уплотнения в следствие укатывания тяжелой техникой, загрязнения путем ненадлежащего применения удобрений и пестицидов, захламления отходами производственной деятельности и прочие причины [1].

Деяния, которые указаны в ст. 254 Уголовного кодекса РФ, которые повлекли по неосторожности смерть человека, предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до 5 лет [3].

Стоит отметить, что в УК РФ не содержится информации о видах ответственности за засорение отходами или отбросами, создание несекционных свалок и полигонов скопления отходов, порчу механическим воздействием на верхние слои почвы.

Порча земель может быть совершена как по умыслу, так и в следствие неосторожного обращения, чаще всего в судебной практике встречаются случаи неосторожного обращения с землей. При буквальном толковании ст. 254 УК РФ уголовная ответственность исключается [3].

В некоторых субъектах РФ наблюдается критическое состояние земель. Осуществление государственного контроля в области земельных правоотношений во многих городах РФ является неэффективным и имеет разобщенность между различными ведомствами. Уголовно-правовые средства не применяются в должной мере. Проблема преступлений в сфере экологии часто недооценивается правоохранительными органами, хотя данные преступления оказывают влияние на качество жизни ни одного гражданина, а всех жителей муниципальных образований.

Регистрация экологических преступлений в России находится на очень низком уровне, по сравнению со странами Запада. В последнее время участились случаи разлива нефти, аварий на трубопроводном транспорте, которые оказывают негативное влияние на экологию в целом, и на качество состояния земель в частности.

Проведя анализ судебной практики уголовной ответственности за порчу земель, было установлено, что часто суды выносят приговоры по ст. 254 УК РФ избирая самые мягкие виды наказаний. Так, например, в Астрахани в 2021 г. приговором суда было признано виновным должностное лицо в порче земли вредными продуктами хозяйственной деятельности, произошедшее из-за нарушений основных правил обращения с биологическими веществами при осуществлении их транспортировки. При вынесении приговора суд принял во внимание смягчающие обстоятельства по делу — обвиняемый признал свою вину, раскаялся в содеянном. При определении размера штрафа суд учитывал находящийся на иждивении детей, общий доход и уровень материального состояния и установил его в размере 100000 руб.

Следует отметить, что при рассмотрении дел, связанных с загрязнением, порчей почвы не редко возникают споры, какой вид ответственности должен быть применен — административная (ст. 8.6 КоАП) или уголовная (ст. 254 УК РФ). При разграничении вида ответственности необходимо в первую очередь обратить внимание на последствия данного правонарушения. В составе административных правонарушений произошедшая порча земель выступает в качестве последствия, а в составе преступления, предусмотренного уголовным кодексом порча земель обязательно должна повлечь либо нанесение вреда окружающей среде, либо здоровью или жизни людей.

Ст. 1 Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» раскрывает сущность понятия вреда окружающей среде и определяет его в качестве негативного изменения окружающей среды в следствие ее загрязнения, которое повлекло за собой процесс деградации естественных экологических систем или истощение природных ресурсов [4].

В комментариях к данной статье даются разъяснения о том, что установка факта причинения вреда окружающей среды не предусматривает обязательной деградации всех ее элементов.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 16.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 06.03.2022).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022).
4. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» № 7-ФЗ от 10.01.2002 (ред. от 30.12.2021).

Обеспечение личной психологической безопасности сотрудников органов внутренних дел

Семёнова Юлия Сергеевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автор уточняет понятие психологической безопасности, рассматривает способы и условия обеспечения личной психологической безопасности сотрудников органов внутренних дел, а также формирует способы ослабления и последствия сильного стресса для них.

Ключевые слова: сотрудник, ситуация, личная психологическая безопасность, психологическая саморегуляция, психологическая травма, сильный стресс, способ ослабления стресса, условие стресса, действие, последствие, психолог.

Личная психологическая безопасность сотрудников — одна из важных составляющих работы органов внутренних дел. Она представляет собой максимально возможное сокращение воздействий психотравмирующих факторов, которые связаны со служебной деятельностью, а также минимизация их последствий.

Проведенный анализ особенностей привлечения к уголовной ответственности за порчу земель в РФ позволяет прийти в выводу, что нормы ст. 254 УК РФ закрепляют в законодательстве возможность привлечь к уголовной ответственности за порчу земель, преследуя при этом достижение высокой цели — обеспечение сохранности важной составляющей для всех жителей нашего государства — земли, которая необходима для обеспечения многих видов хозяйственной деятельности человека. Из вышеизложенного становится понятно, что разграничение административного правонарушения и экологического преступления по возникшим от правонарушения последствиям на практике практически не представляется возможным. Именно поэтому чаще всего лиц, признанных виновным в порче земли в результате ее загрязнения, нарушении правил обращения с опасными отходами, привлекают к административной, а не к уголовной ответственности.

Таким образом, актуальным является вопрос установления в уголовном законодательстве четких критериев и разграничения понятий различных видов причиняемого вреда окружающей среде.

Данная проблема комплексная, поэтому в разработке ее решения должны принимать участие медики, практические психологи и сам сотрудник, заинтересованный в устранении своих проблем в этой области. Часто в разных критических моментах даже обычные приемы психологической самозащиты помогут не менее,

чем физическая самозащита. Если обратиться к опыту отечественных и зарубежных психологов ОВД, то можно сформировать перечень основных условий по обеспечению личной психологической безопасности в условиях риска:

1. Важно знать о психофизиологических процессах, которые протекают в организмах людей при ощущении опасности;
2. Важно усвоить конкретные схемы поведения в критических ситуациях, позволяющие выполнить профессиональные задачи и не пострадать;
3. Важно овладеть различными действенными приемами психологической саморегуляции, применяя их перед критическими или опасными моментами, вовремя и после.

Если сотрудник уже имеет представление о том, что с ним происходит и почему, то он уже находится на верном пути и может действовать в правильном направлении. Наиболее трудным считается переход от стадии эмоций к стадии действия. Эмоциональная стадия может быть тесно связана с состоянием беспомощности, поэтому лучше всего и наиболее эффективнее сделать переход к стадии действий получается у сотрудников, чья физическая и профессиональная подготовка к условиям критических ситуаций находится на хорошем уровне.

Наиболее стабильное психологическое состояние может обеспечить вышеизложенная схема, так как данный переход позволит обеспечить чувство защищённости и увеличить результативность при выполнении поставленных задач, но не в каждой ситуации эта модель может являться достаточной для устранения стресса и минимизации различной степени последствий. Практическая де-

ятельность отечественных правоохранительных органов и множество работ практических психологов ОВД формируют предпосылки к тому, что наибольшему количеству сотрудников значимо владение навыками психологической саморегуляции.

Часто в стрессовых ситуациях у людей возникает чувство опасности, однако наравне с ним можно выделить беспомощность, неизвестность и неопределенность. От таких состояний могут появляться тяжелые психологические последствия, так как чувства потерянности, отсутствие знаний об окружении и будущем могут сводить с ума сотрудников в опасных для них ситуациях.

Подготовить различные варианты собственных действий в условиях стресса сотрудниками помогают психологи, которые могут качественно и эффективно проводить специальные групповые психологические тренинги, в ходе которых каждый лично для себя изучает возможные действия в условиях опасности. Примерами могут служить такие виды тренингов как ролевые игры, проигрывание отдельных ситуаций, которые связаны со службой или видеотренинги [2, с. 97], все они имеют свои плюсы и минусы, но их объединяет решение таких задач как:

1. Формирование сотрудниками личного представления о возможных вариантах стрессовых ситуаций и реакций на них;
2. Устранение чувств неизвестности и неопределенности;
3. Развитие навыков прогнозирования хода событий;
4. Устранение психологических препятствий и формирование готовности к действиям в условиях стресса.

Легче предотвращать психологические проблемы, чем их потом решать. На рис. 1 представлены способы ос-

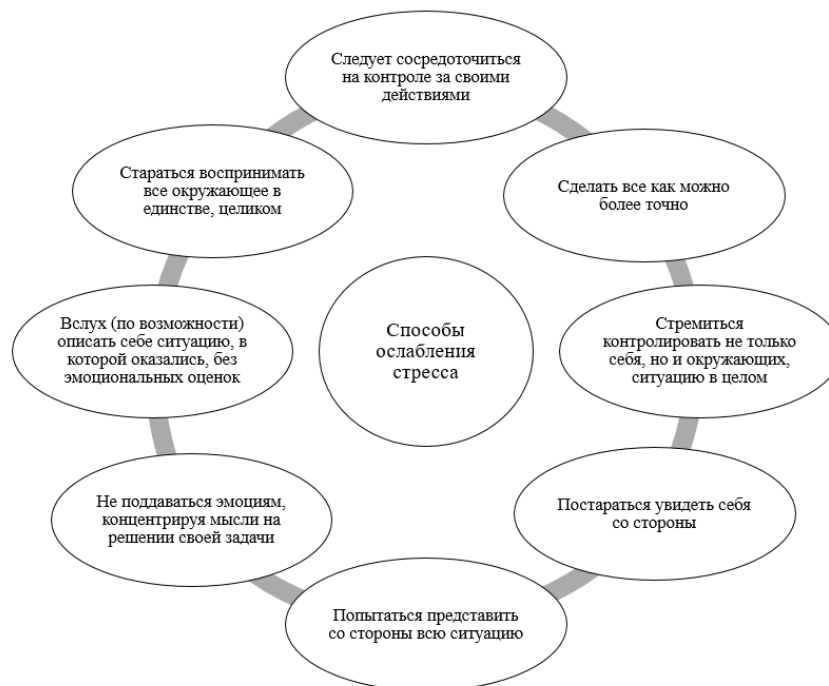

Рис. 1. Способы ослабления стресса [составлено автором]

лабления стресса. Тренинги позволяют сотруднику выработать личные контролирующие качества и не заикливаться на психотравмирующих моментах, а также позволят увидеть ситуацию в целом, собрав воедино все отдельные образы. Однако следует отметить, тренинги будут полезны для сотрудника только тогда, когда он про-

являет заинтересованность, активность, сознательно работает и воспринимает руководство психолога.

На рис. 2 представлены возможные последствия сильного стресса, они могут проявляться в разной степени сложности, также могут следовать сразу после психотравмирующих моментов либо быть отсрочены и проявиться гораздо позже.

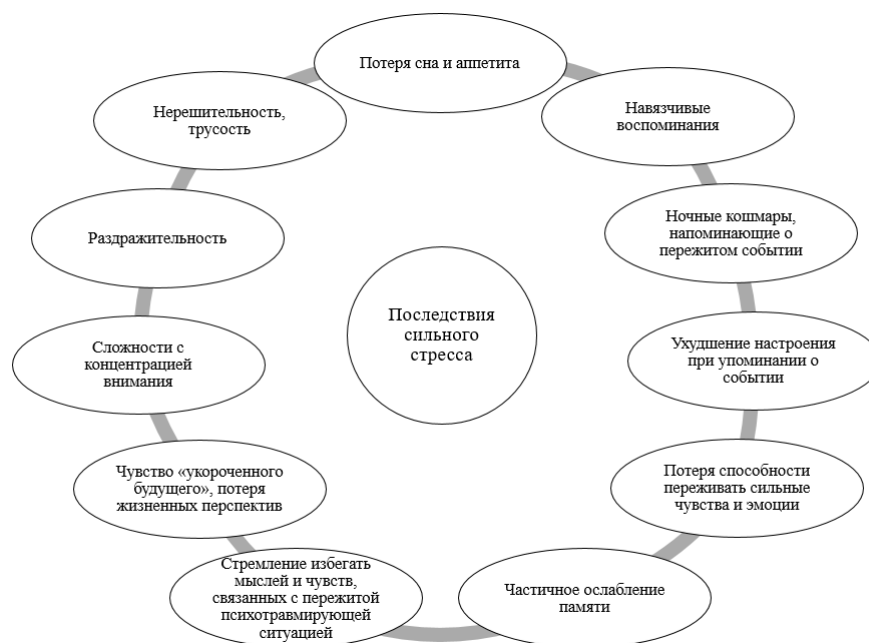

Рис. 2. Последствия сильного стресса [составлено автором]

Все вышеизложенные последствия являются естественной реакцией человека на влияние стресса, чаще всего они носят временный характер, который зависит от степени психологической травмы и её личного значения для сотрудника. Например, когда сотрудник ОВД при возникновении конфликтной ситуации на массовом мероприятии действует в соответствии со ст. 24 ФЗ от 07.02.2011 N 3-ФЗ «О полиции» [3], то вероятность психотравмирующих последствий возрастает. Далее, при получении психологической травмы, переживания могут сказываться на общем психологическом самочувствии, а также на взаимоотношениях с родными или товарищами на службе. Для того, чтобы этого избежать и не поддаваться своим эмоциям, необходимо трезво оценивать свои действия и поступки, не поддаваться желанию вступить в конфликты. Нужно также избегать травмирующие

обстоятельства и мысли, которые могут напомнить о произошедшем.

Существует несколько путей выхода из периода острого реагирования — самостоятельно, с помощью близких и с помощью квалифицированного специалиста (психолога). Если же сотрудник не будет предпринимать каких-либо действий, то на основе стресса могут возникнуть разные негативные последствия, как алкоголизм, нетерпимость, тяга к экстремальным ситуациям, агрессивность, гипераффективная форма реагирования на людей или отдельные события, исключительно эмоциональные решения проблем и т. д.

В упомянутых случаях требуется создание программы последовательных действий для сотрудника, с учетом специфики конкретной службы, совместно со специалистами или руководителями ОВД [1], а также психологами и медицинскими работниками.

Литература:

1. Мещерякова, А. В. Работа психолога с руководящими кадрами в системе правоохранительных органов: учебное пособие/А. В. Мещерякова; Южный федеральный университет. — 2-е изд. — Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017. — 222 с.;
2. Тарасенко, А. А. Подготовка сотрудников ОВД к обеспечению личной безопасности: учебное пособие/А. А. Тарасенко, П. Н. Войнов, В. Л. Михайликов. — Москва: ИНФРА-М, 2022. — 185 с.;
3. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 N 3-ФЗ. Статья 24. Гарантии личной безопасности вооруженного сотрудника полиции.

Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства в Российской Федерации

Сыстеровва Елизавета Викторовна, студент

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В условиях нарастающего мирового финансового кризиса поддержка и защита семьи, материнства, отцовства и детства приобретает все большую актуальность. Семья — это основная ячейка общества, определяющая его основу. Следовательно, данный институт должен представлять для государства особую ценность, что обуславливает правовую защиту семьи в целом. В этой связи в статье рассматриваются меры поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, определяются некоторые конституционно-правовые проблемы в этой сфере, предлагаются меры для их преодоления.

Ключевые слова: материнство, детство, защита, отцовство, социальная политика, ребенок, семья, социальная помощь, материнский капитал

Поддержка и защита института семьи является одним из наиболее важных направлений социальной политики России. Семья, материнство, отцовство и детство — это ключевые объекты социальной помощи, поскольку от благополучного состояния каждой семьи зависит общее благосостояние общества, его демографическая безопасность [1, с. 45]. Институт семьи имеет особую значимость, поскольку от занимаемого им положения в обществе, молодое поколение определяет степень доступности экономических, правовых, образовательных и других возможностей для рождения и воспитания детей. В современной России на протяжении долгого времени большой проблемой является демографический кризис. В связи с последствиями пандемии эта проблема еще больше усугубляется. По словам аналитиков РАНХиГС в мониторинге демографической ситуации: «Текущий социально-эпидемиологический кризис, вызванный пандемией коронавируса, окажет преимущественно негативное влияние на репродуктивное поведение населения за счет социального стресса (психологическая подавленность, вызванная большим количеством смертей; негативные экономические ожидания) и сопутствующего экономического кризиса (потери в доходах домохозяйства; вероятные потери на рынке труда)» [2, с. 113]. В сложившихся условиях государство должно быть заинтересовано в повышении уровня благосостояния и защиты российских семей.

Семейные отношения в силу их места в социальной жизни общества, закрепляются и регулируются Конституцией РФ и семейным законодательством. Согласно части 2 статьи 7 Конституции РФ «в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства». Также в пункте 1 статьи 38 Конституции РФ закреплено: «материнство и детство, семья находятся под защитой государства» [3]. Исходя из этих положений, можно утверждать, что семейная политика является одним из приоритетных направлений деятельности государства.

В России действительно обеспечивается конституционно-гарантированная поддержка института семьи посредством выплаты пособий семьям с детьми, социальная поддержка многодетных семей, предоставление отпуска

одному из супругов по уходу за ребенком и др. Однако в сфере защиты семьи, материнства, отцовства и детства имеют место конституционно-правовые проблемы, требующие решения.

Одной из таких проблем, существующей в российской действительности, является «отсутствие системы оказания адресной социальной помощи в сфере семьи, материнства и детства и отсутствие социального патронажа с целью выявления потенциальных клиентов социальных служб» [4, с. 138]. Ее суть заключается в том, что социальная помощь оказывается лишь при условии непосредственного обращения в социальную службу или социальное ведомство согласно российскому законодательству (часть 2 статьи 8 ФЗ «О государственной социальной помощи»). Небезосновательно полагать, что многие люди, которые действительно нуждаются в поддержке, не информированы о существовании таких учреждений и способах обращения к ним за помощью. Лутовнинова Н. В. и Овсянникова А. А. приводят опыт европейских стран, а именно наличие социальных педагогов и социальных психологов, которые наблюдают за поведением детей, интересуются их жизнью, а также оказывают помощь конкретной семье при возникновении различных внутренних проблем на ранних этапах.

К сожалению, в России такая система не развита. Внимание неблагополучным семьям оказывается лишь после непоправимых событий, правонарушений. Существует необходимость разработки профилактических услуг семьям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации. Например, работа по предупреждению социально опасных ситуаций в семье с целью стабилизации внутрисемейных отношений. Таким образом, государству следует увеличить долю расходов на услуги профилактики, которые должны оказываться семье на самой ранней стадии неблагополучного положения.

Следующей конституционно-правовой проблемой является оказание социальной помощи семьям только с низкими доходами [5, с. 64]. Если у родителей низкий совместный доход, то они имеют право получения социальной выплаты на детей (пункт 2 статьи 1 ФЗ № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей»). Хо-

дусов А. А. отмечает здесь противоречие: социальная помощь связана с низким доходом членов семьи или же с поддержкой института семьи, материнства, отцовства и детства как такового? Из первого варианта вытекает, что государство, предоставляя материальную помощь семьям с низким совокупным доходом, стимулирует социально-экономическое неблагополучие. Если же такая поддержка предоставляется только при наличии факта рождения ребенка, то почему она связана с доходами семьи? Ведь рождение детей происходит и в связи с решением демографической проблемы семьями, обладающими доходом выше минимального. Следовательно, государство оказывает социальную помощь при нахождении ребенка в сложном социально-экономическом положении. Такой подход не способствует росту уровня благополучия семей и решению демографического кризиса в РФ.

Для решения описанной проблемы государству следует усовершенствовать концепцию государственной семейной и демографической политики. В частности, выработать индивидуальный подход к потенциальным клиентам социальных служб в определении правового статуса граждан. Помимо материального положения следует учитывать и спектр других проблем, с которыми может столкнуться та или иная семья.

В качестве другой конституционно-правовой проблемы можно выделить отсутствие закрепленных в нормах права способов использования материнского капитала родителями, отбывающими наказание в местах лишения свободы. На данный момент в законодатель-

стве и разъяснениях пенсионного фонда не закреплено, каким образом родитель, отбывающий наказание в виде лишения свободы, может использовать материнский капитал. Возможно ли по доверенности передать право на распоряжение супругу или другому близкому родственнику, или иным лицам, которые оформляют опеку над малолетним, например, для оформления сделки по приобретению жилого помещения в преддверии освобождения из исправительного учреждения, или она должна дожидаться своего освобождения, чтобы решить вопросы своего бытового устройства и налаживания нормальной жизни вместе со своим ребенком (детьми)? [6, с. 62]

Таким образом, следует учитывать интересы родителей, которые отбывают наказания в местах лишения свободы и закрепить их права в законодательстве в отношении материнского капитала.

Правовая проблематика поддержки семьи, материнства, отцовства и детства по сей день сохраняет свою актуальность, касаясь вопросов жизнедеятельности каждого гражданина России. Представляется необходимым анализ законодательства по защите семьи, материнства, отцовства и детства, эффективность правозащитных механизмов в данной сфере.

Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства является важной в государственной семейной политике и национальных проектах. Именно поэтому конституционно-правовое регулирование защиты этого института в РФ нуждается в определенном совершенствовании, направленном на решение существующих проблем.

Литература:

1. Низиньковская, В. В. Правовая природа материнства, отцовства и детства в современной России/В. В. Низиньковская. — Текст: непосредственный // Вестник Таганрогского института управления и экономики. — 2020. — № 1 — с. 45
2. Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 9 (111). Апрель; под ред. Гуревича В. С., Дробышевского С. М., Колесникова А. В., Мау В. А., Синельникова-Мурылева С. Г./Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. — с. 113
3. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
4. Лутовинова, Н. В. Проблемы защиты института семьи, материнства и детства в РФ и пути их решения/Н. В. Лутовинова, А. А. Овсянникова. — Текст: непосредственный // Проблемы экономики и юридической практики. — 2017. — № 2. — с. 138.
5. Ходусов, А. А. Конституционно-правовое регулирование защиты материнства и детства в Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 2. с. 64
6. Ананьева, Е. О. Материнский капитал: проблемы законодательного регулирования и оформления/Е. О. Ананьева, Э. П. Абовян. — Текст: непосредственный // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2021. — № 12 (235). — с. 62.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 14 (409) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 20.04.2022. Дата выхода в свет: 27.04.2022.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.